

К.М.Байпаков, А.Н.Подушкин

ПАМЯТНИКИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО- СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

К.М.Байпаков, А.Н.Подушкин

ПАМЯТНИКИ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-
СКОТОВОДЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

(I тысячелетие н. э.)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА · 1989

Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н. э.). — Алма-Ата: Наука, 1989. — 160 с.

Характеризуются исторические памятники, относящиеся к милитаризованному периоду истории Казахстана, связанному с формированием и развитием крупного государственного объединения Кангюй с центром на средней Сырдарье. Исследуются городища, поселения, могильники, принадлежащие к так называемой оттарско-каратауской культуре.

На основе систематизации новых материалов разрешаются вопросы типологии и хронологии памятников, их топографии. Разрабатывается также проблема этнокультурных связей проживавших здесь племен, анализируются этнические процессы.

Предназначена для научных работников, всех интересующихся историей Казахстана.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук
С. М. АХИНЖАНОВ

Б $\frac{050400000-015}{407(05)-89}$ 12.89

ISBN5-628-00364-6

© Издательство
«Наука»
Казахской ССР,
1989

Предисловие

В конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. на обширной территории Южного Казахстана существовало государство Кангюй — одно из крупных государств Востока, влияние которого простиралось от Таласа и Ферганы на востоке до Южного Приаралья на северо-западе, от степей Центрального Казахстана на севере до Средней Азии на юге. Локализация Кангюя, определение территории расселения кангюйских племен, их этнолингвистической атрибуции, сопоставление с конкретными археологическими культурами, хронология последних составляют в комплексе так называемую «кангюйскую проблему», которая до конца еще не решена.

В последние годы интерес к изучению памятников земледельческо-скотоводческих культур бассейна Сырдарьи, долины Арыси, предгорьев Таласского хребта, Каржантау и Каратау резко возрос. Раскопки в Джетыясарском урочище, начатые С. П. Толстовым, успешно продолжает археологический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, возглавляемый Л. М. Левиной.

Решение кангюйской проблемы является одним из направлений работ археологических экспедиций Академии наук Казахской ССР и Чимкентского педагогического института. Поиски, выборочные раскопки, изучение топографии и стратиграфии поселений на Арыси и средней Сырдарье были начаты в конце 60-х гг. Семиреченской, продолжены Отрарской, а с 1971 г. — Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией (руков. К. А. Акишев). Экспедиционными исследованиями выявлены и обследованы многочисленные поселения и городища в Кызылкумском и Туркестанском районах, а на Кок-Мардане, Пшук-Мардане, Костобе проведены раскопки могильников Борижары, Кок-Мардан, Мазраты Мардана.

К участию в теме в 1980 г. были подключены сотрудники археологической экспедиции Чимкентского педагогического института (руков. Н. П. Подушкин), которая провела раскопки городища Актобе Чайянского, Алтынтобе на Бадаме, Каратобе на Сайрамсу, а также могильников Алтынтобе и Каратобе. В ходе обследования территории Сузакского, Алгабасского, Ленгерского, Бугунского, Сайрамского, Тюлькубасского

и Ленинского районов Чимкентской области экспедиция открыла и изучила десятки новых поселений, городищ, могильников, составила карту их размещения.

В 1986—1987 гг. исследованием памятников Южного Казахстана и Семиречья занималась археологическая экспедиция Свода памятников АН КазССР (руков. К. М. Байпаков). Один из ее отрядов начал стационарные раскопки городища Мардан-Куик (Коныр-тобе).

Задачами настоящей книги являются: систематизация вновь полученных материалов, их анализ с целью типологизации городищ, поселений, могильников; классификация материала, в первую очередь керамики; изучение топографии и хронологии памятников; изучение путей эволюции жилища; решение вопросов, связанных с социально-экономическими отношениями, идеологическими представлениями, этническими процессами в Южном Казахстане в рассматриваемый период.

В раскопках памятников в разные годы принимали участие С. М. Ахинжанов, Б. Х. Адильгиреев, В. А. Грошев, Л. Б. Ерзакович, Ю. И. Трифонов, А. О. Итепов, Т. И. Кулик, Е. А. Смагулов, В. И. Скрипников. Архитектурные обмеры и чертежи выполняли архитекторы Н. П. Егорова, Н. А. Никифорова, Г. В. Громова, чертежник Г. Б. Демченко. Иллюстративный материал подготовлен художниками Л. А. Туруловой, Т. В. Воробьевой, А. Е. Горбатовым, фотоматериал — О. В. Медведевым, А. Н. Подушкиным.

Введение

Исследуемые памятники располагаются на территории, ограниченной с запада Кызлкумами, с востока — Малым Каратау, с севера — хребтом Большой Каратау, с юга — горами Таласского Алатау и Каржантау. Район изобилует реками, крупными и мелкими, среди которых Сырдарья, Арысь, Бадам, Аксу, Джабаглы, Боролдай, Бугунь, Балабугунь, Чаян, Арыстанды с их многочисленными притоками. Выделяются три ландшафтные зоны: горная, предгорная и степная, равнинная. Горная охватывает северные склоны Каржантау и Таласского Алатау, южные и северные склоны Каратау; предгорная — верховья бассейнов рек Арыси, Бадама, Аксу, Сайрамсу, Боролдая, Бугуни, Арыстанды; степная включает часть пространства, прорезанную руслами рек Сырдарья и Арысь. Водные ресурсы по ландшафтным зонам распределяются неравномерно: наибольшее их количество приходится на предгорную зону, где помимо рек имеется множество родников. Удаленность от океана и соседство с пустыней Кызлкум обуславливают континентальность климата, значительные суточные и сезонные колебания температуры воздуха.

По археологическим данным, эта территория обживалась уже в эпоху древнего палеолита¹. Населена она была и в эпоху бронзы и раннего железа². В начале I тысячелетия здесь существовала и развивалась земледельческо-скотоводческая культура, названная «отрарско-каратауской»³, родственная каунчинской и джетыасарской культурам⁴.

В конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. исследуемая территория входила в состав государства Кангюй, о

¹ *Алысбаев Х. А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана, Алма-Ата, 1979; *Он же.* Первая многослойная палеолитическая стоянка в Казахстане // ВАН КазССР. 1960, № 11. С. 103; *Он же.* Неолитическая стоянка в пещере Караунгур // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1962, № 2. С. 86.

² *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Археологические исследования на северных склонах Каратау: Труды ИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 37—56.

³ Первоначально она была названа кангюйско-каратауской (См.: *Бернштам А. Н.* Древний Отрар // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1951. Вып. 3. С. 81—97).

⁴ *Левина Л. М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи. М., 1971. С. 241; *Акишиев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. М., 1972. С. 200, 204.

местонахождении которого сообщают китайские источники II—I вв. до н. э. В частности, в них зафиксировано сообщение посла Чжана Цаня, побывавшего в Кангюе в 138 г. до н. э. По его данным, владение Кангюй «лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад». Соседом Кангюя являлся Яньцай, который «лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад, и это кочевое владение в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем»⁵. Позднее Кангюй упоминается в связи с фергано-китайской войной, приводятся данные о ставке царя Кангюя — городе Битяне, общается о соседстве Кангюя с Даванью, о пяти подчиненных Кангюю владениях — Сусе, Фуму, Юени, Ги и Юегань⁶. Последние сведения о Кангюйской империи, уже переживающей период распада, относятся к 270 г., когда в Китай прибыл посол кангюйского царя. В конце V в. н. э. Кангюй вошел в состав Эфталитского государства⁷.

С Кангюем также связывают раннесредневековое владение Кангу Тарбан, являвшееся западной границей Восточнотюркского каганата⁸.

В целом сведения о Кангюе крайне скудны, и пополнить их, дать представление о хозяйственной, культурной жизни племен этого государственного объединения, их этническом облике могут данные археологии.

Изучение археологических памятников Южного Казахстана насчитывает более ста лет. Еще в прошлом веке русский востоковед П. И. Лерх опубликовал результаты обследования городищ Джанкент (Янгикент), Дженд, Сыгнак, Сауран⁹ и тем самым привлек внимание исследователей древности к обширной области. С тех пор сведения об истории этого региона значительно пополнились, правда, они относятся главным образом к средневековью.

В 30—40-х годах изучением памятников каунчинской культуры занимался Г. В. Григорьев. В Ташкентском оазисе и в долине Келеса ему удалось открыть и раскопать вначале поселения, а затем могильники¹⁰.

В 1946 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А. Х. Маргулана¹¹ провела археологические изыска-

⁵ Цит. по: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. II. С. 150.

⁶ Там же. С. 184, 186, 229; *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 131.

⁷ См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах... С. 269; *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1969. С. 14—18.

⁸ *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 155—157.

⁹ *Лерх П. И.* Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. // Отчет Археологической комиссии за 1867 г. СПб., 1869. С. XXII—XXXI; *Он же.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.

¹⁰ *Григорьев Г. В.* Отчет об археологической разведке в Янгильском районе Узбекской ССР в 1934 г. Ташкент, 1935; *Он же.* Каунчи-тепа. Ташкент, 1940; *Он же.* Келесская степь в археологическом отношении // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1948. № 46. С. 47—78.

¹¹ *Маргулан А. Х.* Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1948. № 46. С. 109—115; *Он же.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

ния на северных склонах Каратау. Среди открытых и обследованных ею памятников были и относящиеся к кругу земледельческо-скотоводческой культуры каучникоидного типа. Вслед за этим начались широкие археологические исследования Южного Казахстана, которые возглавлял А. Н. Бернштам. Итогом их явилась серия публикаций по проблемам археологии и древней истории Южного Казахстана¹², в которых, в частности, были затронуты вопросы исторической топографии памятников, их типологии и хронологии, датировки археологического материала. В качестве одного из направлений исследования выдвигались этнические процессы в регионе в связи с кангюйской проблемой. Обобщающая работа по материалам экспедиции была подготовлена Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем¹³. В ней дана классификация керамики по следующим периодам: сакский (VII—IV вв. до н. э.), раннекангюйский (III в. до н. э. — I в. н. э.), позднекангюйский (I—IV вв. н. э.), кенгересский (V—VIII вв. н. э.), карлукский (VIII—XII вв. н. э.), восточно-кыпчакский (XIII—XV вв. н. э.). Несмотря на то, что некоторые выводы авторов в этой части поставлены под сомнение¹⁴, классификация сыграла положительную роль в исследовании древностей Южного Казахстана. Рассматривая вопросы типологии памятников, они выделили три их разновидности: тобе с площадкой, круглые и овальные тобе, городища, — а наиболее типичные, в частности в Отрарском оазисе, на левобережье Сырдарьи, в долине Арыси, на северных склонах Каратау, описали. Систематизация материала позволила поставить вопрос о генезисе оседлой и городской культуры на юге Казахстана, проследить ранние этапы формирования поселений и городов.

Важный вклад в изучение памятников региона внесла «Археологическая карта Казахстана», содержащая информацию об известных на конец 50-х гг. памятниках археологии, в том числе расположенных в рассматриваемом регионе¹⁵.

Во второй половине 50-х гг. началось тщательное изучение отдельных поселений и городищ региона. Раскопки Актобе, осуществленные каратауским отрядом Южно-Казахстанской археологической экспедиции, дали материал по жилой архитектуре, керамическому производству и материальной культуре, свидетельствующей об оседлоземледельческом характере хозяйства жителей, сочетающегося со скотоводством и охотой¹⁶. Эти сведения значительно пополнила Чардаринская археологическая экспедиция (1959—1963 гг.), производившая раскопки поселений Актобе-2, Шаушукумтобе, Актобе-1 и могильников Жаман-тогай, Акто-

¹² Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 59—99; *Ом же. Древний Отрар* // Там же. 1951. Вып. 3.

¹³ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 3—215.

¹⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 17—22.

¹⁵ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

¹⁶ Семигова Т. Н. Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау: ТИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 57—81.

бе, Шаушукумского, Торейбай-Тумсык. Изучены архитектура и строительные традиции, собран многочисленный материал, в первую очередь керамический, установлена твердая хронология археологических комплексов¹⁷. Бесспорно, и сейчас эти памятники являются эталонными для каунчинской культуры, а также для хронологии комплексов из соседних районов, прежде всего присырдарьинских. Впервые был получен материал, характеризующий погребальный обряд, идеологию населения средней Сырды в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.

Изучение группы памятников в бассейне верхней и средней Арыси изменило представление о масштабе развития здесь земледельческо-скотоводческой культуры. Оно позволило наметить пути развития материальной культуры, осветить вопросы хозяйственной и культурной жизни населения в первой половине I тысячелетия н. э.¹⁸. В ходе работ на средней Арыси, в Отрарском оазисе были открыты новые памятники оседлой культуры I тысячелетия н. э., получены керамические комплексы. Предварительные результаты археологических разведок, топографических, стратиграфических и стационарных раскопок Отрара и памятников Отрарского оазиса позволили составить стратиграфическую колонку археологических комплексов с I по VIII в. н. э., дать характеристику керамики в соответствии с хронологией, затронуть вопросы этнической атрибуции и поставить проблемы археологии Южного Казахстана, в том числе общенсторического плана¹⁹. Например, предполагаемая локализация кангюйского владения Сусе на средней Арыси нацеливала на перспективу выявления локальных вариантов в отрарско-каратауской культуре²⁰.

Изучению земледельческо-скотоводческой культуры низовьев Сырдарьи и Приаралья, известной как джетыасарская, способствовали работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Особенно интересные материалы получены ею при исследовании поселений и могильников урочища Джетыасар²¹, в частности по топографии, застройке, фортификации, классификации керамики.

Осуществлена классификация и датировка массового археологического материала — керамики, полученной из раскопов и путем сборов

¹⁷ Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

¹⁸ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алма-Ата, 1970; *Он же*. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1968. № 5. С. 71—75; *Он же*. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий р. Арысь (I—IV вв.) // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 93—107.

¹⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар: (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972.

²⁰ В дальнейшем исследования в этом направлении были продолжены. См.: Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана I—VI вв. н. э. (бассейн р. Арысь, южные склоны Каратау и Каржантау): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1987. С. 16.

²¹ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 186—198.

на памятниках, расположенных по Сырдарье²². На основе сравнения керамических комплексов выделены три района с родственными культурами — джетыасарской, отрарско-каратауской и каунчинской. Керамический материал, относящийся к джетыасарской культуре, с четкой стратиграфической привязкой был получен в основном на городище Джетыасар 3 (Алтын-Асар)²³. Раскопки «большого дома» — бугра со спиральной планировкой — позволили в свое время С. П. Толстому выделить здесь два горизонта. Нижний горизонт на основании изделий из металла, кости, стекла и камня Л. М. Левина датирует первой половиной I тысячелетия н. э. и более поздним временем.

Датировка верхнего горизонта осуществлена при помощи железных трехлопастных наконечников стрел, железных и бронзовых пряжек, колец, серег, бус и бронзовых монет — IV—VII или начало VIII в. Керамика обоих горизонтов, судя по описанию, мало чем различается, в основном отделкой. Без сомнения, она делится на три археологических этапа. Хронологические рамки двух последних этапов — IV—VII и VIII—IX вв. На конечном этапе своего существования джетыасарская культура распространяется в низовья Сырдарьи и Амударьи.

Для уточнения хронологии культуры каунчи Л. М. Левина широко привлекает керамику Актобе-2, Минг-Урюка, Чаштепе, Алимбайтепе, Кугаиттепе. В результате ее сопоставления выделены три группы посуды, которые датируются соответственно I в. до н. э. — III или начало IV в. н. э.; конец III—V в.; VI — начало VIII в. Попутно намечены районы, где найдена керамика, аналогичная или во многом похожая на каунчинскую двух последних этапов. В частности, названы Чаткальская долина и верхнее течение Таласа, где недавно обнаружены поселения, датируемые первой половиной I тысячелетия н. э.²⁴

При исследовании отрарско-каратауской культуры Л. М. Левина дает датировку керамики Тик-Турмаса, Актобе, Алтынтау, Тарсатобе и других хорошо известных по прежним исследованиям памятников. Вполне обоснована более узкая дата для керамики Актобе Бабаатинского, ранее датированной III в. до н. э. — III в. н. э. Предварительно хронологически определены тобе с ранней керамикой в Отрарском оазисе, Яныкургане и на левобережье Сырдарьи. Керамика отрарско-каратауской культуры разделена на группы, датируемые I—IV, IV—VI, VII—VIII вв. Проанализировав керамику, Л. М. Левина делает вывод о неизменности на протяжении почти тысячелетия основного этнического состава населения нижней и средней Сырдарьи (соответственно до начала VIII и до IX вв.), несмотря на взаимодействие с новыми этническими группами. По ее мнению, появление в начале второго этапа в джетыасарской культуре элементов, характерных для культур Южной

²² Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1967; Она же. Керамика нижней и средней Сырдарьи. М., 1971.

²³ Толстов С. П. По древним руслам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 186—190.

²⁴ Байтаков К. М. Исследования в Отрарском оазисе и Таласской долине // АО 1983 г. М., 1984. С. 504—505.

Сибири, Тувы, Монголии, могло быть связано с движением гуннов, которое, в свою очередь, повлекло крупные передвижения присырдарьинских племен. Проникновение семиреченских элементов в джетыясарскую культуру на третьем этапе, передвижение ее в дельты Амударьи и Сырдарьи, а затем полное исчезновение связываются с историей кангаров-печенегов и огузского племенного союза.

Изучением памятников средней Сырдарьи занимались также С. К. Кабанов, Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер, Н. И. Крашенинникова²⁵. Особый интерес для нас представляют исследования памятников Ферганской долины, в культурно-историческом и этническом плане близких к памятникам средней Сырдарьи²⁶, а также вопросов, связанных с этнической историей населения присырдарьинских районов в I тысячелетии н. э.²⁷

Некоторые итоги изучения культур каунчиноидного круга подведены в фундаментальном издании «Археология СССР», в томе, посвященном древнейшим государствам Кавказа и Средней Азии (М., 1985).

В последнее время масштабы изучения сырдарьинских культур растут, и это понятно: только так можно выявить еще малоизвестные периоды истории Казахстана и Средней Азии.

²⁵ Кабанов С. К. Раскопки на Шор-тобе близ Қарши в 1952—1953 гг. // ИМКУ. 1964. Вып. 5. С. 70—89; Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан // Там же. 1977. Вып. 13. С. 70—87; Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Чаш-тепа // Труды ТашГУ. 1960. Вып. 5. С. 150—160; Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 70—80, 101—121.

²⁶ Литвинский Б. А. Керамика из могильников западной Ферганы. М., 1973; Он же. Кангюйско-сарматский фари. Душанбе, 1968; Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М., 1982.

²⁷ Андрианов Б. А., Левина Л. М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 99; Буряков Ю. Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Сырдарьи в древности и средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 50—67.

Типология памятников бассейна Арыси

Вопрос исторической топографии рассматриваемых нами памятников поднимался неоднократно¹, однако малочисленность археологического материала (до недавнего времени исследователи располагали материалами не более чем 30 памятников, в том числе I—VII вв.), отсутствие типологии, подтвержденной стратиграфическими изысканиями, явились препятствием на пути к его разрешению. Предлагая свою типологию археологических памятников района средней Сырдарьи — Каратау, Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич предупреждают, что «приведенные данные, конечно, не являются исчерпывающими, но дают представление об общей картине»². Они выделяют 8 типов памятников, из которых генетически связаны округлые и овальные тепе, тепе с площадкой и ранне-средневековые городища с трехчастным делением (цитадель, шахристан, рабад).

Составленная ими типология основана в основном на изучении памятников Отрарского оазиса, лишь три поселения (междуречье Арысь — Талас и Келес) находятся на территории нашего района. Полученные данные заставляют по-новому взглянуть на проблему исторической топографии и типологии интересующих нас памятников.

Могильники, ранние поселения и городища располагаются в трех ландшафтных зонах — горной, предгорной и равнинной. Наибольшее их количество приходится на предгорную зону — 79. По общепринятой археологической типологии выявлено могильников — 16, ранних поселений — 96, ранних городищ — 27. Большая часть памятников расположена непосредственно у крупных водных источников (бассейны рек Арысь, Бадам, Сайрамсу, Аксу и Боролдай), меньшая — на южных склонах Каратау, у рек Бала-Бугунь, Бугунь, Чаян и Арыстанды (рис. 1). Значительная часть городищ и поселений района — памятники многослойные, в которых ранние конструкции скрыты под более поздними слоями

¹ Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 89; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 203.

² Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1965. Т. V. С. 210—214.

различной мощности. Отдельные поселения под действием ряда факторов со временем меняли свой облик, причем прослеживаются генетические связи между ранними и поздними этапами этого процесса³. В этом плане предлагаемая типология касается заключительной фазы жизнедеятельности поселений, когда в них прекращается жизнь и складывается их окончательная топография.

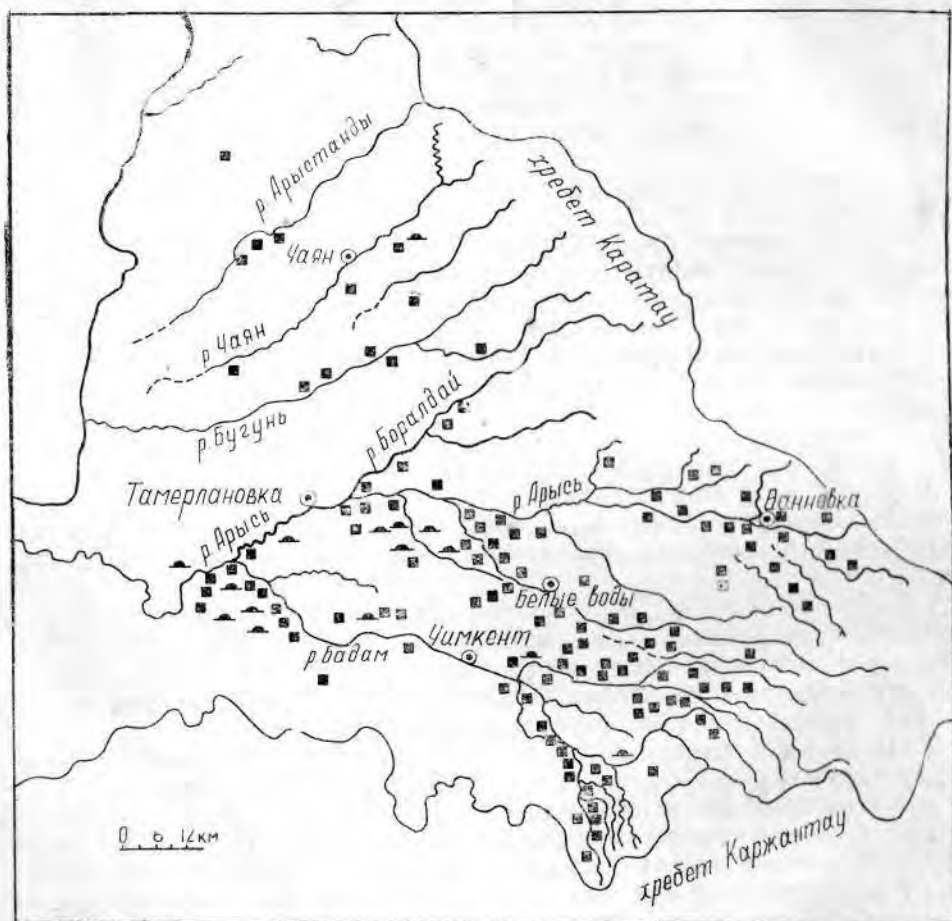

Рис. 1. Распределение памятников в регионе

В основу нашей типологии положены следующие признаки: местонахождение (с учетом ландшафта, рельефа местности и наличия водных источников); особенности топографии; время функционирования;

³ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 203.

стратиграфия; особенности фортификации. В соответствии с ними выделяется несколько типов памятников.

1. Круглые (овальные) в плане тобе. Распространены в смежных с Отрарским оазисом и других районах⁴. Топографически представляют собой овальные холмы с пологими склонами высотой 5—6 м и диаметром в основании 40—50 м, поверху — 10—20 м. Располагаются обычно в пойме реки, на берегу или у родников. Зафиксировано 38 таких тобе⁵ (рис. 2).

Поселение Актобе расположено на левом берегу р. Арыстанды. Диаметр основания 46 м, диаметр верхней площадки 22 м, высота 4 м. Подъемный материал представлен фрагментами кухонных котлов ручной работы с горизонтальными петлевидными ручками и рельефно-выпуклым валиком на тулове, фрагментами столовых горшков шаровидной формы, украшенных тонким станковым рифлением, ангобом красно-вишневых оттенков и лощением. Аналогии этой керамике встречены в материалах городища Каунчи-тепе, поселения Актобе-2, в погребальных памятниках Таласской долины, а также на поселении Актобе близ Баба-Аты, датированных I—IV вв.⁶

Рис. 2. Круглое (овальное) в плане тобе

Поселение Костобе-1 находится на левом берегу реки Бадам. Представляет собой вытянутый по оси север — юг бугор размером у основания 60×50 м, поверху 15×13 м, высотой 5 м. Подъемный материал: фрагменты сосудов типа хумов (хумчи) грушевидной формы без гор-

⁴ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений. С. 210; Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973. С. 11; Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры: (некоторые итоги исследования) // СА. 1977. № 3. С. 108; Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 47.

⁵ Ввиду отсутствия у указанных тобе визуальных топографических признаков фортификации (вал, ров и др.) они условно трактуются нами как неукрепленные.

⁶ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971. С. 179. Рис. 50, 13—15; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2 // Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С. 36—38. Рис. 15, 4, 19, 10, 11; Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940. С. 16. Табл. XIII; Сенигова Т. Н. Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау: Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 14. Алма-Ата, 1961. С. 75. Рис. 13, 1.

ловины. Основные элементы декора: пальцевые защипы по венчику, имитирующие «веревочку», бороздки, покрытые ангобом коричневого оттенка, и ангобные потеки. Фрагменты донцев сохранили следы печати тканей. Наиболее близкие аналогии находят в материалах поселения Актобе-2 I—IV вв.⁷

Поселение Джабаглытобе расположено на правом берегу реки Джабаглысу. Представляет собой холм, слегка вытянутый по оси запад — восток, высотой 6 м, размером по нижнему основанию 63×45 м, поверху 22×19 м. Среди подъемного материала горловина кувшина с ручкой и частью тулова. Ручка желобчатая, вверху переходит в рельефно-выпуклый валик. Тулово орнаментировано станковым рифлением и покрыто ангобом серовато-коричневого оттенка. Найдены также часть ладьевидной каменной зернотерки, боковины шаровидных сосудов типа столового горшка со станковым рифлением, с лощением по красному ангобу. Аналогии описанной керамике отмечены в погребальных памятниках Таласской долины, поселениях Караултобе на средней Сырдарье⁸. Датировка подъемного материала не выходит за рамки IV—V вв.

Рис. 3. Овальное, вытянутое по оси тобе

Следующая группа памятников на основе упомянутого выше признака делится на три типа памятников: тобе овальное, вытянутое по оси, тобе с площадкой и подпрямоугольное (подквадратное) тобе на подпойме, условно названное нами тобе «скрытого» типа⁹.

II. Тобе овальные, вытянутые по оси. В регионе их отмечено 18. Памятники представляют собой вытянутые холмы с крутыми склонами, высотой от 10 до 16 м. Верхняя площадка в большинстве случаев понижается в центре до 1 м, поэтому по линии продольного разреза поселения имеют седловидный профиль. Реже на верхней площадке фиксируются округлые возвышения (до 1 м). Средний размер

⁷ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 42—43. Рис. 16—17.

⁸ Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 65. Рис. 16, 4; С. 62, Рис. 12, 2—4; Подушкин Н. П. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арысь (I—IV вв.) // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 98—99. Табл. 1; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 52—53. Рис. 24, 2; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 170.

⁹ Поскольку все поселения данной группы имеют развитую фортификацию, читаемую визуально по топографии (систему рвов, башни, стены), они интерпретируются как укрепленные.

основания 100—120×50—60 м, верхней площадки 30—35×60—70 м. Топографию памятников этого типа дополняют ров шириной 8—12 м, огибающий поселение с трех сторон и прилегающий к руслу реки, и перемычка-переход (последняя может и отсутствовать). К этому типу относятся несколько поселений (рис. 3).

Поселение Тагайтобе находится на левом берегу реки Бадам. Размеры основания 100×60 м, верхней площадки 26×51 м, высота 8—9 м. В северной части бугра фиксируется возвышение 0,7—0,8 м. С западной и восточной сторон поселения имеются рвы шириной 5—7 м, с южной отмечен переход-перемычка. Наиболее крутой склон северный (около 45°), южный пологий (25—30°). Подъемный материал представлен фрагментами кухонных горшков с петлевидными вертикальными ручками и хумов. Такого типа кухонные горшки и хумы имеются на поселении Актобе-2 I—IV вв.¹⁰

Поселение Торткультобе представляет собой вытянутый по оси север—юг холм высотой 9 м, размером в основании 80×38 м, по верхней площадке 41×20 м. В северной его части отмечено возвышение около 1 м. С южной и северной сторон холм огибали рвы шириной 5—6 м, связанные старым руслом родника Акбулак; с восточной стороны к поселению примыкала перемычка. Подъемный материал представлен керамикой и каменными орудиями. Это фрагменты столовой посуды, по форме и декору близкие сосудам Актобе-2 I—IV вв.¹¹, две ладьевидные зернотерки, часть пестика кубической формы и фрагмент грузила, находящиеся аналоги в комплексе каменных орудий поселения Караултобе I—IV вв.¹²

Поселение Кош-Муллатобе-1 расположено на правом берегу Аксу. Представляет собой вытянутый по оси северо-восток—юго-запад холм размером в основании 95×60 м, верхней площадки 45×35 м, высотой 12 м. С северо-западной и юго-восточной сторон поселения находились рвы шириной от 4 до 6 м. Наиболее крутой склон—северо-восточный (45—47°). Подъемный материал включает: фрагменты грушевидных хумов с пальцевыми зажимами по венчику, фрагменты кухонных горшков и сосудов типа столового горшка шаровидной формы, украшенных станковым рифлением, ангобом красно-коричневого оттенка и лощением. На плечиках сосудов располагались две желобчатые ручки; ближе к плечикам рифление переходило в каннелюры, между которыми по периметру сосуда прочерчивалась волнистая линия. Аналогичные горшки отмечены в памятниках каунчинской культуры IV—V вв.¹³

Подъемный материал 14 других однотипных тобе характеризуется в основном керамикой, близкой по орнаментике и формам описанной

¹⁰ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 36. Рис. 15, 2—5; С. 42—43. Рис. 16—17.

¹¹ Там же. С. 57. Рис. 25, 12, 19.

¹² Подушкин Н. П. О хозяйстве оседлого населения Арыси в I—IV вв. // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 81—83. Табл. 1.

¹³ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 183. Рис. 59, 214.

выше и датируемой IV—VI вв. по аналогиям из памятников средней Сырдарьи.

III. Поселения типа тобе с площадкой¹⁴ составляют самую большую группу из укрепленных поселений (26) (рис. 4). Они представляют собой округлый в плане бугор, к которому с одной стороны примыкает вытянутая подпрямоугольная (или близкая по форме) площадка. Иногда центральный холм поселения отделен от площадки ровом шириной 4—5 м; в отдельных случаях ров опоясывает по периметру все поселение.

Рис. 4. Тобе с площадкой

Средние размеры: центрального тобе — основание 50×60 м, верхняя часть — 20×25 м, высота — 7—8 м; площадки — основание 40×60 м, верхняя часть 35×40, высота 2—4 м.

Поселение Караспантобе расположено на левом берегу реки Арысь. Диаметр основания тобе 60 м, диаметр верхней площадки 17—20 м, высота 7 м. Площадка высотой около 3 м и размером 80×40 м примыкает к центральному бугру с юго-запада. Среди подъемного материала фрагменты грушевидных хумов с печатками

ткани на днищах и пальцевыми защипами по венчику, столовые кувшины с цилиндрическим носиком-сливом и лощением по красному ангобу. Подобные сосуды распространены в памятниках средней Сырдарьи I—IV вв.¹⁵ и встречаются в материалах могильника Борижарский¹⁶.

Поселение Каратобе находится на правом берегу р. Кумышка и имеет размеры основания основного холма — 60×40 м, верхней площадки — 34×21 м при высоте 6 м, примыкающей к центральному холму с северо-востока площадки — 70×40 м при высоте 5 м. Наиболее крутой склон поселения — южный (около 45°). Площадка отделена от тобе ровом шириной 7 м. Подъемный материал представлен фрагментами керамики: сосудов типа хумов грушевидной формы без выраженной горловины, украшенных пальцевыми защипами на венчике и бороздами на

¹⁴ Термин предложен А. Н. Бернштамом. (См.: Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 89).

¹⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 133. Рис. 96; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 52—53. Рис. 19.

¹⁶ Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 111. Табл. III, 2—3.

тулове; столовой посуды, которая украшалась станковым рифлением, рельефно-выпуклым валиком, прочерченной волнистой линией. Аналогичные хумы и кувшины найдены в нижних слоях городища Торткультобе IV—V вв.¹⁷

Поселение Карабастаутобе-1. Размеры памятника: диаметр основания центральной части 35—60 м, верхней площадки — 22 м, высота 8 м. С севера к тобе примыкала площадка размером 60×38 м, высотой 3,5 м, с западной стороны фиксируется древняя пойма реки. В составе подъемного материала фрагменты столовой кружки с ручкой, имеющей зооморфный налп в верхней части, и следами станкового рифления, часть столовой фляги, украшенной светло-коричневым ангобом. Зооморфные ручки с налпами характерны для средней Сырдарьи первой половины I тысячелетия н. э.¹⁸, а сосуды типа фляги — для одновременных памятников средней Сырдарьи, Ферганской и Таласской долин¹⁹.

IV. Подпрямоугольные (подквадратные) тобе «скрытого» типа²⁰. Эта группа укрепленных поселений включает 14 памятников, представляющих собой невысокие (1,5—2,5 м) холмы подпрямоугольной (подчетыреугольной) овальной планировки, расположенные на подпойменной террасе и окруженные с трех сторон рвами. Четвертая сторона памятника, наиболее пологая, имела подход — перемычку шириной до 5 м. В центре холма иногда фиксируется понижение на 0,5—0,8 м. Наиболее крутой склон обращен к реке и имеет высоту 25—27 м (от уровня поймы реки) при крутизне склона 45—55°. Когда подпойма принимала форму мыса, рвы вокруг поселения отсутствовали. Размеры поселений варьируют в пределах 20—35×30—60 м (рис. 5).

Рис. 5. Подпрямоугольное (подквадратное) тобе «скрытого» типа

Поселение Джататобе трапециевидной формы, размерами 28×12 м и 25×11 м, занимало вытянутый с востока на запад мысовидный участ-

¹⁷ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1970. С. 96—97, 102—103.

¹⁸ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 56—57. Рис. 25.

¹⁹ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 180. Рис. 59, 34—36; Сорокин С. С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. 1954. XX. С. 136. Рис. 4; Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940. С. 12. Табл. XVI.

²⁰ Термин предложен нами исходя из особенностей топографии этих памятников, скрытых многочисленными изрезами надпойм средних и малых рек. Благодаря этому поселения использовались как кратковременные убежища.

ток надпоймы, со всех сторон (за исключением восточной) имеющий глубокие овраги. Высота тобе 1,5—2 м, а вместе с надпоймой родника около 20 м при крутизне склонов 45—55°. В восточной части тобе имеется узкая, около 3 м шириной, насыпная перемычка. Подъемный материал представлен ладьевидными каменными зернотерками, фрагментами столовой красноангобириванной лощеной кружки, столовых кувшинов грушевидной формы с горизонтальным станковым рифлением по тулову и рельефным валиком вокруг горловины, фрагментами сковород-жаровен. Керамика находит аналогии в материалах поселений I—IV вв. Караултобе и Актобе-2²¹.

Поселение Керегетастобе находится на левой надпойменной террасе родника Керегетас. Имеет правильную подпрямоугольную форму, размер 25×30 м, высоту 1,2—1,4 м. Зафиксировано понижение его к центру почти на 0,5 м. С учетом надпоймы высота холма равна 10—12 м. С трех сторон тобе огибают рвы шириной 5—8 м; самый крутой склон — северо-восточный, обращенный к роднику (около 45°), пологий — юго-западный, к которому примыкает насыпная перемычка-переход. Подъемный материал характеризуется фрагментами столовой посуды, в частности плоской кухонной крышки диаметром около 15 см с петлевидной ручкой, внешняя поверхность которой украшена пальцевыми вдавлениями. Аналогичные крышки известны по памятникам средней и нижней Сырдарьи первой половины I тысячелетия н. э.²²

Поселение Кулантобе расположено на правой надпойменной террасе реки Кулан. Представляет собой трапециевидный холм размером 38×20 м и высотой до 1,5 м. С учетом мысообразной надпоймы высота его составляет около 20 м. Со всех сторон, кроме южной, обращенной к реке, зафиксированы глубокие овраги шириной более 20 м, которые выполняли функции рвов. В южной части глубина рвов-оврагов уменьшается: два их рукава, огибающие тобе с запада и востока, объединяются в один, который, постепенно теряя глубину, выходит на поверхность надпойменной террасы. По отношению к северному склону Кулантобе он расположен перпендикулярно. Подъемный материал представлен фрагментами сосудов кухонного и столового назначения, аналогии которым отмечены в материалах поселений I—IV вв. Караултобе и средней Сырдарьи²³.

Историко-топографическая характеристика археологических памятников региона была бы неполной без данных о раннесредневековых городищах. Некоторые из них уже начиная с VI в. функционировали в качестве городских образований, оказывая влияние на близлежащие

²¹ Подушкин Н. П. К вопросу о керамике... С. 98—99. Табл. 1, 4, 12; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 39. Рис. 15, 64, 65.

²² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 143. Рис. 109; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 182. Рис. 59, 161.

²³ Подушкин Н. П. К вопросу о керамике... С. 102; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 179. Рис. 59, 3, 6, 18, 22.

поселения. Последние имели непосредственное отношение к генезису первых городских образований²⁴.

К группе раннесредневековых следует отнести 27 крупных городищ с развитой фортификацией, жизнь на которых в VI—X вв. прекратилась. По морфологическому признаку они относятся к городищам с двухчастным делением (цитадель — рабад). Топографические особенности планировки рабадов позволяют выделить три типа памятников: с кольцевым рабадом; с рабадом ломаного периметра; с подпрямоугольным в плане рабадом.

V. Городища с кольцевым рабадом по топографии резко отличаются от остальных. Они характеризуются наличием мощного центрального бугра высотой до 20 м, размером основания 100×120 м, верхней площадки — 35×40 м. Цитадель окружена рабадом, имеющим форму кольца, ширина которого колеблется в пределах 20—60 м при высоте 3—5 м. В одном-двух местах кольцо имеет понижение, через которое, очевидно, осуществлялась связь с цитаделью. Между цитаделью и рабадом имеется пространство шириной 30—45 м, которое не носит следов застройки.

Городище Сырге-салдытобе может служить примером такого памятника. Оно расположено на левом берегу р. Чаян. Цитадель правильной четырехугольной формы, размером в основании 70×70 м, высотой 5—5,5 м, имеет 8 оплывших башен (4 угловых и 4 серединных). В восточной части верхней площадки размером 60×60 м фиксируется округлое возвышение (около 1 м). Кольцевой рабад шириной от 10 до 25 м и высотой до 2 м имеет разрыв в восточной части. Между цитаделью и рабадом зафиксировано понижение около 2 м и шириной 15—20 м, видимо, остатки рва. Подъемный материал представлен фрагментами водоносных кувшинов с горизонтальным прочерченным рифлением по горловине, кувшинов с двумя ручками, закраина которых оформлена в виде прямого пальцами носика-слива, биконическим пряслон. Аналогии водоносным кувшинам с горизонтальным рифлением горловины известны в материалах поселений каунчинской, отрарско-каратауской культур IV—VI вв.²⁵ и джетыасарской культуры до VII в.²⁶ Кувшины, закраина которых оформлена в носик-слив, отмечены на поселении Актобе (Баба-Ата)²⁷, на поселениях средней Сырдарьи VI—VII вв.²⁸ и памятниках низовьев Сырдарьи IV—VII вв.²⁹

VI. Городища с рабадом ломаного периметра. Цитадель имеет форму почти круглого в плане бугра с понижением к центру. Диаметр ее основания 90—120 м, верхней площадки 50—60 м, высота 10—15 м. От рабада она отделена рвом шириной 16—20 м. Рабады не имеют опреде-

²⁴ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений. С. 72; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 203, 209.

²⁵ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 53, Рис. 22, 5—6; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 146. Рис. 111.

²⁶ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 73. Рис. 15, 212, 221.

²⁷ Сенигова Т. Н. Поселение Актобе... С. 72—75. Рис. 16, 13.

²⁸ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений. С. 174. Рис. 90.

²⁹ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 73. Рис. 15, 207—208, 211—212.

ленной конфигурации. Зафиксированы подпрямоугольные, сегментовидные, овальные и неопределенной формы рабады, площадь которых варьирует в пределах 3000—5000 м² при высоте 2—3 м. Иногда по внешнему периметру рабада пролегает ров шириной 3—8 м (рис. 6).

Городище Джалаутобе находится на правом берегу р. Бугунь. Цитадель овальная в плане, размером в основании 70×60 м, верхней площадки 40×30 м, высота 10 м. К центру площадки понижается (до 1,3 м). Южный и восточные склоны цитадели обращены к реке. С юго-запада к

Рис. 6. Городище с рабадом ломаного периметра

цитадели примыкает рабад, имеющий форму неправильного вытянутого с востока на запад прямоугольника высотой от 3 до 6 м. Северо-западная часть памятника отделена от надпойменной террасы реки рвом шириной от 6 до 13 м. Подъемный материал включает фрагменты керамики: сосудов типа грушевидных хумов, украшенных ангобными потеками, пальцевыми защипами по венчику и имеющих донца с отпечатками ткани; кувшинов столового назначения с горизонтальным рифлением тулова и рельефно-выпуклым валиком; тарелок со слегка загнутой внутрь закраиной, покрытых красно-вишневым ангобом; мисок со следами рифления. Хумы, орнаментированные ангобными потеками по тулову и имеющие на днищах отпечатки ткани, отмечены на поселениях средней Сырдарьи IV—VI вв.³⁰ Кувшины с рифленным туловом и валиком под венчиком известны по материалам поселения Актобе (Баба-Ата) VI—VIII вв.³¹ и городища Торткультобе V—VIII вв.³²

Городище Шатыртобе. Цитадель памятника овальной формы, несколько вытянута по оси север—юг. Размеры ее основания 95×80 м, верхней площадки 30×20 м, высота 10—12 м. Северная часть городища обращена к руслу родника—здесь склоны цитадели наиболее круты (40—45°). Рабад в виде вытянутой с запада на восток подпрямоугольной площадки размером 120×60 м, высотой 3—4 м примыкает к цитадели с запада. Между ними выкопан ров. Подъемный материал представлен фрагментами кухонной роговидной подставки под сосуд, сто-

³⁰ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермаков Л. Б. Древний Отрар. С. 144. Рис. 110.

³¹ Сенигова Т. Н. Поселение Актобе... С. 76. Рис. 18, 2.

³² Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения... С. 96—97.

ловых красноангобированных лощеных кружек с рифлением тулова. Роговидные подставки под сосуд известны по материалам поселений Шаушукумтобе и Ботайтобе V—VIII вв.³³

Городище Шольтобе имеет цитадель размером в основании 110×80 м, верхней площадки 40×30 м, высотой 11 м. Рабад в виде подковы огибал цитадель с запада, севера и востока. Общая площадь рабады 5300 м², высота 4—5 м. Городище окаймлено рвами шириной от 10 до 35 м. Подъемный материал представлен фрагментами грушевидных хумов, венчики которых украшены пальцевыми вдавлениями. Аналогичные по форме и декору хумы найдены на средней Сырдарье в памятниках V—VIII вв.³⁴

VII. Городища с подпрямоугольным рабадом расположены на надпойменной террасе рек, причем основание их зачастую дублирует контуры надпоймы. Цитадель, подквадратная или округлая в плане, непосредственно объединена с вытянутой площадкой — рабадом. Средние размеры цитадели 50×40 м, рабада — 80×40 м, высота цитадели 3—3,5 м, рабада — 1,5—1,8 м. С трех сторон городища обрамлены естественными оврагами. Наиболее крутой склон обращен к реке. Пологий склон образован за счет искусственных рвов и связан с поверхностью надпоймы перемычкой. Иногда верхняя площадка цитадели понижается почти на 1 м (рис. 7).

Рис. 7. Городище с подпрямоугольным рабадом

Городище Культобе расположено на левой надпойменной террасе р. Кызылсу. Представляет собой массивный, вытянутый с востока на запад подпрямоугольный бугор размером у основания 150×60 м. Округлая в плане цитадель находится в западной части. Диаметр ее основания 50 м, верхней площадки — 25 м, высота 4 м. Рабад в виде подпрямоугольной площадки размером в основании 80×60 м, в верхней части 70×50 м, высотой 1,5—2 м, вытянут от цитадели к востоку. Северной стороной памятник обращен к реке; с восточной, южной и западной сторон окружен рвами шириной до 18 м. Подъемный материал представлен фрагментами грушевидных без горловины хумов, венчики которых украшены пальцевыми зацепками, имитирующими ве-

³³ Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка // Древности Чардары... С. 97. Табл. 1; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 143. Рис. 108, 13.

³⁴ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 183. Рис. 59, 183—185; С. 188. Рис. 319—321; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 144. Рис. 110.

ревочку. Формировались хумы на матерчатой основе: донца имеют отпечатки ткани. Аналогичные сосуды найдены на городище Торткультобе V—VIII вв.³⁵

Городище *Безымянное* находится на левой надпойменной террасе р. Бадам, изрезанной многочисленными оврагами. Представляет собой вытянутый по оси север — юг холм. Цитадель размером 40×25 м вышается над поверхностью надпоймы на 3—3,5 м в южной части памятника. К северу от нее вытянулась площадка — рабад размером 40×60 м. Северная сторона рабада переходит в крутой (до 50°) склон надпойменной террасы, обращенный к реке. Естественные западные и восточные овраги-рвы, теряющие глубину по мере выхода к поверхности террасы, превращаются в искусственный ров шириной 5—7 м. Подъемный материал представлен фрагментами столовых красноангобированных лощеных кувшинов с цилиндрическим носиком-сливом на плечике. Близкие по форме и декору кувшины известны по материалам могильника Борижарский³⁶ и слоям VI—VIII вв. городища Костобе южное³⁷.

Как видим, рельеф местности, наличие водных источников в известной степени определяли топографический облик памятников. Например, круглые (овальные) тобе и поселения, вытянутые по оси, в основной массе располагались у родников, в пойме небольших рек и практически отсутствуют на надпойменных террасах. То же можно сказать о ранне-средневековых городищах с кольцевым рабадом и рабадом ломаного периметра.

Подпрямоугольные (подквадратные) поселения «скрытого» типа и городища с подпрямоугольным рабадом находятся только на надпойменных террасах, причем топография их определяется линией террасы. Если для поселений всех типов характерно местонахождение у родников, в поймах малых и средних рек и на надпойменных террасах, то для ранне-средневековых городищ — близость к крупным водным артериям.

Предложенная типология, основанная в целом на данных топографии, существенно дополняется материалами стратиграфических работ. Стратиграфическому обследованию подверглись: круглое (овальное) поселение Актобе Чаянское; овальное, вытянутое по оси, поселение Алтынтобе; поселение типа тобе с площадкой Каратобе; поселение подпрямоугольное (подквадратное) «скрытого» типа — Керегетастобе.

Согласно полученным данным, наиболее ранними из перечисленных групп памятников являются круглые (овальные) в плане тобе. Именно в них следует видеть неукрепленные поселения. Топография, стратиграфия, раскопки овального в плане поселения Актобе Чаянского демонстрируют отсутствие фортификации и дают возможность на основе стратиграфии, типологии керамики, аналогий всему археологическому материалу датировать верхний строительный горизонт памятника III—IV вв.

³⁵ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения... С. 102—103.

³⁶ Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника... С. 110. Табл. III, 3.

³⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 133. Рис 9Б.

(рис. 8, 1). Датировка верхних культурных напластований тебе описываемого типа не выходит за рамки IV—V вв.

Вопрос о наличии в исследуемом регионе неукрепленных поселений и сопоставлений последних с округлыми (овальными) тебе имеет свои особенности. Они заключаются в широком распространении памятников такого типа в предгорной зоне Южного Казахстана и Средней Азии и их малознученности. Между тем только раскопочные или стратиграфические работы позволяют судить об облике скрытого под тебе поселения. Ибо «поселения... фигурирующие как отдельно стоящий „дом-усадыба“, не всегда оказываются таковыми и, кроме того, могут быть укрепленными и неукрепленными. Поэтому однозначная интерпретация таких холмов без раскопок возможна лишь с оговорками»³⁸.

Существует мнение об отсутствии неукрепленных поселений в Южном Казахстане. Так, появление округлого в плане тебе связывают с эволюцией подчетыреугольной (прямоугольной) крепости с закругленными углами (укрепленного поселения), лежащей в основании³⁹.

Стратиграфические и рекогносцировочные работы на округлых тебе выявили в них элементы фортификации — надо полагать, генезис этих памятников был иным. Об этом свидетельствует также анализ стратиграфии и археологического материала поселения Актобе Чаянского. С нижними культурными напластованиями в виде горизонтальных зольников различной мощности, перекрываемых глинопесчаными прослойками, возможно, следует связывать этап функционирования памятника в качестве сезонного стойбища. Для последнего характерны эпизодичность и относительная кратковременность пребывания людей, хотя пользование стоянкой осуществлялось длительное время. Начальный период трудно определить по нашим материалам, однако нижняя его граница, судя по керамике, уходит в первые века до н. э.

К III—IV вв. на месте стойбища, имеющего уже форму невысокого округлого холма с плоской площадкой наверху, появляются первые постройки из пахсы. Стены последних стоят на более чем 3-метровых зольных напластованиях. Капитальность построек свидетельствует о стабильности жизни: на месте эпизодически посещаемой стоянки появляется поселение. Наконец, в IV—V вв. окончательно складывается топография неукрепленного поселения в виде овального (округлого) холма.

Многочисленность неукрепленных поселений, их раннее происхождение заставляют остановиться на социально-экономических моментах их генезиса. Археологические исследования подтверждают, что там, где имелись благоприятные физико-географические и климатические условия для развития скотоводства и простейших форм земледелия, происходило оседание отдельных групп скотоводов⁴⁰. Этим объясняется

³⁸ Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков н. э.: (Некоторые итоги исследований) // СА. 1977. № 3. С. 110—111.

³⁹ Левина Л. М. Исследования в Джетысарском урочище // АО. 1981 г. М., 1983. С. 442.

⁴⁰ Плетнева С. А. Введение // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 5—6.

появление округлого (овального) неукрепленного тобе на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. Физико-географические и климатические особенности предгорий, где зафиксированы неукрепленные поселения, способствовали развитию переходной к земледелию формы хозяйства — полукошевого (айлажного) скотоводства и земледелия. Кроме того, относительная недоступность и изрезанность рельефа компенсировали в известной степени поселениям отсутствие фортификации. К этому же времени относится распространение таких поселений в среднем течении Сырдарьи на северных склонах Каратау, в Таласской и Чуйской долинах, где имелись овальные (округлые) тобе⁴¹. На заключительной стадии функционирования неукрепленные поселения, судя по всему, уже обладали фортификацией. В качестве последней можно рассматривать платформу из нижних культурных напластований (до 4 м высотой), которая выступала, очевидно, в роли стилобата, а также глухие внешние стены домов.

Наличие фортификации, подтвержденное топографией и раскопками, позволяет видеть в овальных, вытянутых по оси тобе укрепленные поселения.

Поселения-крепости, скорее всего, появляются в I—IV вв. и функционируют до VI—VIII вв. Об этом свидетельствует археологический материал, полученный при раскопках поселения-крепости Алтынтобе. Укрепленные поселения находят аналогии в многочисленной группе памятников соседних районов, трактуемых исследователями как укрепленные замки, кешки, укрепленные селения, укрепленные усадьбы, усадьбы-замки и т. д. Укрепленные поселения находятся в поймах средних и малых рек, в непосредственной близости от русел. Они возводились на подпрямоугольном в плане стилобате из пахсы и кирпича-сырца, который формировал первоначальный облик памятника (рис. 8, 3). По верхнему периметру стилобата возводилась монолитная паховая стена, не имеющая башен и внутренних галерей. По нашим материалам, поселения-крепости как однослойные памятники функционировали вплоть до VIII в., не меняя своего топографического облика.

Считая тобе с площадкой укрепленными поселениями⁴², исследователи расходятся в вопросе об их происхождении, а также о функциях тобе и площадки. Стратиграфическое исследование тобе с площадкой — Караултобе — показывает, что памятник сложился не сразу. Выделенные здесь два культурных горизонта охватывают I в. до н. э. — IV в. н. э.⁴³ (рис. 8, 2). Его ядром могли быть стоянка, неукрепленное или укрепленное поселение. Вероятно, как топографический элемент пло-

⁴¹ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 58; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 61; Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С. 244; Сенигова Т. Н. Поселение Актобе... С. 79—81; Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941. С. 13; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С. 167—168.

⁴² Подушкин Н. П. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1968. С. 71—73; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 18.

⁴³ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения... С. 34—35.

щадка сформировалась позднее, завершив сложение облика Караул-тобе.

Топография и фортификация тобе скрытого типа находят аналогии в памятниках Средней Азии. В частности, в Ферганской долине выделены *стойбища на увалах*, укрепленные поселения двух типов, чья топография подчинена рельефу местности, поселения и крепости на скалах и мысах⁴⁴. Материал, полученный в ходе рекогносцировочных работ и стратиграфических раскопок, указывает на эпизодичность и относительную кратковременность функционирования последних в качестве укрепленных поселений. Тобе скрытого типа можно сопоставить с раннесредневековыми поселениями-убежищами. Достаточно твердо определяется время возникновения и прекращения жизни на последних — середина I тысячелетия н. э. — VIII в. н. э.

Масштабность, топография, фортификация и археологический материал позволяют рассматривать городища трех типов в качестве раннесредневековых городов, причем городища третьего типа, расположенные на надпойменной террасе, следует интерпретировать как убежища. Исследования показывают, что первые города (поселки городского типа) не всегда имели трехчастную структуру⁴⁵. Материалы археологических раскопок свидетельствуют, что наиболее ранними являются городища с двухчастным делением.

Генезис раннесредневекового города Южного Казахстана — проблема сложная и малоразработанная, однако отдельные ее аспекты могут быть раскрыты при изучении поселений, которые могли составлять и составляли основу некоторых городов. Процесс поэтапного эволюционирования поселений в города еще не изучен в полной мере, хотя в отдельных случаях прослежен достаточно хорошо⁴⁶. В этом смысле типология ранних поселений дает ключ к пониманию начальных этапов генезиса процесса урбанизации. Тезис о складывании некоторых раннесредневековых городов на базе укрепленных поселений подтверждается археологическими исследованиями как в исследуемом регионе, так и за его пределами. Появление поселений различных типов, обусловленное социально-экономическими факторами, рассматривается в числе важнейших предпосылок сложения города. Наличие развитой системы оседлых поселений определяет многообразие путей складывания средневекового города и в известной степени влияет на топографию последнего.

В исследуемом регионе, например, укрепленные поселения (тобе скрытого типа) по ряду признаков связываются с группой раннесредне-

⁴⁴ Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М., 1982. С. 13; Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы... С. 113.

⁴⁵ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 72; Якубов Ю. Раскопки Гардон-Хисора: (к проблеме становления городских поселений в горных районах Средней Азии) // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1979. Вып. 4. С. 48—49.

⁴⁶ Агеева Е. И. Памятники средневековья: (раскопки на городище Баба-Ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау: Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 14. Алма-Ата, 1972. С. 210; Мерциев М. С. Городище Актобе-1 (IV — нач. XIII в.) // Древности Чардары... С. 173.

вековых городищ, причем типологически первые и вторые порой весьма близки. Это характерно для поселений и городищ-убежищ, разница между которыми только в размерах и наличии у городищ двухчастной структуры. Такая же картина наблюдается при сравнении топографии тобе с площадкой, двухчастных городищ и рабада ломаного периметра. Отдельные городища топографически дублируют поселения, отличаясь лишь ббльшими размерами. Процессы складывания раннесредневекового города на основе укрепленных поселений типа замка, крепости известны в Средней Азии и Казахстане⁴⁷. В нашем случае топографическая и функциональная близость поселений-крепостей и цитаделей двухчастных городищ позволяет предположить, что первые могли выступать в роли ядра будущего городища и на определенном этапе превратиться в цитадель. Сравнительный анализ в некоторых вариантах прослеживает, а в других предполагает генетическую преемственность некоторых типов поселений и городищ. Ее конкретизация целиком зависит от масштабных стационарных исследований указанных памятников.

⁴⁷ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 73; Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 240.

2

Городища и поселения Отрарского оазиса

Раскопки городищ Кок-Мардан, Мардан-Куик, поселений Пшуктобе, Костобе в Отрарском оазисе, Актобе, расположенного на северных склонах Каратау, Алтынтобе на Бадаме, Каратобе в долине Сайрамсу позволили получить представление о характере и общих принципах застройки, облике жилища, наметить эволюцию последнего.

Кок-Мардан

Городище находится в месте слияния двух древних протоков Арыси, на мысу, превращенном с помощью искусственной протоки в остров.

Центральная часть городища представляет собой овальный, вытянутый с севера на юг бугор длиной 140, шириной 60 м и высотой 15 м (рис. 9). По периметру городище окружала стена, превратившаяся в оплывший вал, а также ров и протоки, ширина которых достигла 30—50 м. Единственный въезд находился с восточной стороны. Въездная дорога проходила по искусственной дамбе (высота 1,5 м, ширина 1,5, внизу — около 3 м), устроенной в наиболее узком месте рва, и выводила к пандусу, располагавшемуся у ворот. Въезд первоначально был фланкирован двумя башнями, от которых сохранились хорошо читаемые округлые выступы.

За рвом находились участки со следами застройки. Со стороны въезда такой участок имеет четырехугольную в плане форму, площадью около 1 га. Рядом, через протоку располагается еще один площадью 1400 кв. м. С западной и северо-западной сторон застройка прослеживалась на площади около 3 га. К сожалению, часть ее распахана, поэтому границы определены предположительно. Общая площадь городища составляет более 4 га.

Уже визуальное обследование позволило на ряде участков «прочитать» застройку верхнего строительного горизонта, направление улиц, выделявшихся темными полосами благодаря зольным прослойкам.

От предполагаемых ворот улицы веером расходились по территории городища. Первая, условно названная «южной», поворачивала на юг и шла рядом с гребнем стены, до южного обвода городища. Вторая,

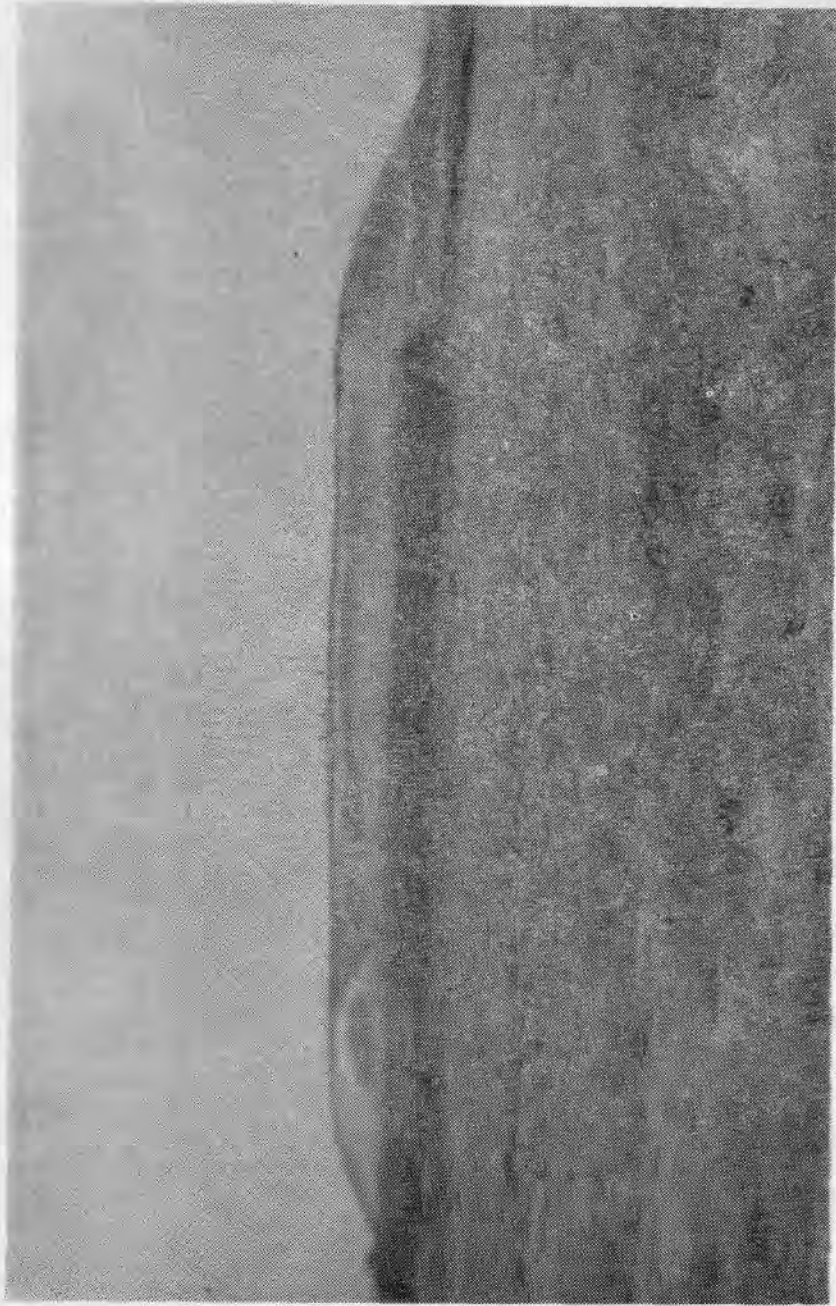

Рис. 9. Городище Кок-Мардан. Вид с востока

названная «центральной», вела строго на запад, пересекая городище по прямой. Третья улица, «диагональная», пересекала городище с юго-востока на северо-запад. Четвертая, «северная», поворачивала от ворот на север, тянулась параллельно гребню вала на расстоянии 10—15 м от него и упиралась в еще одну улицу, которая отделяла северную, наиболее высокую часть Кок-Мардана. Последняя являлась, скорее всего, незастроенной полосой шириной 3—5 м, тогда как ширина улиц составляла 1—1,5 м.

На территории городища было заложено семь раскопов. В раскопах I, II, V, VI и VII пройдены уровни первого (верхнего) и второго строительных горизонтов на глубину 0,5—0,7 м, на ряде участков раскопов III и IV достигнут уровень третьего строительного горизонта. Глубина раскопов колеблется от 1 до 2 м в зависимости от рельефа городища.

На раскопе I вскрыт ряд помещений по уровню первого и второго строительных горизонтов. По площади выделяется центральное помещение (около 100 кв. м) с большим открытым очагом в центре. Скорее всего, раскоп охватил территорию, занятую дворцовым или храмовым комплексом. К сожалению, он не был закончен ввиду трудностей технического характера.

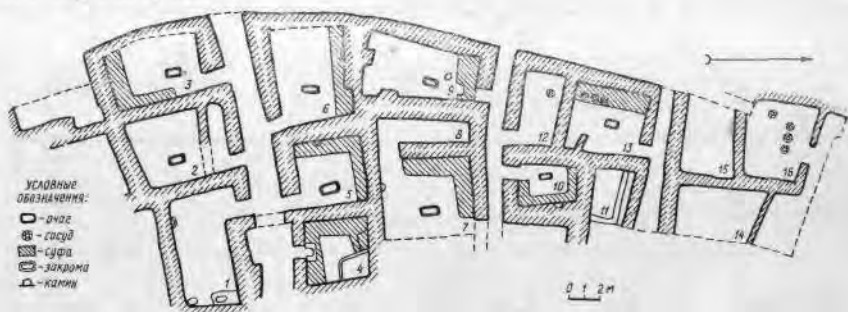

Рис. 10. Городище Кок-Мардан. План раскопа II

На участке раскопа II площадью около 375 кв. м выделялись 4 жилых комплекса, разделенных узкими (0,6—0,8 м) проходами, которые под прямым углом отходят от северной улицы и заканчиваются у окраины городища (рис. 10). Комплексы постройки выполнены из сырцового кирпича размером 40×20×10 см и состоят из нескольких помещений, объединенных проходами. Функционально выделяются жилые комнаты площадью до 30 кв. м и кладовые. Обязательной принадлежностью первых являются очаг и камин. Очаги, напольные, прямоугольные либо арочновидные в плане, со стенами, выполнены из глины. Верхняя часть очага обычно заполнена золой и углями, нижняя свободна. Каминны от больших — глубиной до 0,5 м, с основанием до 1 м, до маленьких с основанием до 30 см и глубиной 10—15 см. Каменная ниша по уровню пола ограничена порошком-экраном высотой 20—30 см. У небольших каминнов основанием служит жаровня.

Раскоп заложен в восточной части основного бугра с таким расчетом, чтобы его восточный край примыкал к оборонительной стене, остаток которой отчетливо прослеживались в топографии городища. Верхний слой на 20—25 см от дневной поверхности состоял из рыхлого дернового слоя.

Остатки первого строительного горизонта зафиксированы при снятии верхнего, дернового слоя в юго-западном углу. По уровню первого и второго строительных горизонтов вскрыто 16 помещений.

Помещение 1 находится в юго-западной части раскопа у края городища. Оно имеет прямоугольную форму (размером 3×4 м), два уровня полов и относится ко второму строительному горизонту.

На уровне первого пола в юго-восточном углу сохранились остатки двух хумов, рядом — два закрома, впущенных в пол и обмазанных глиной желтоватого цвета. Толщина обмазки 5—6 см. При расчистке закромов обнаружены зерна проса. На полу сохранились остатки обуглившегося перекрытия из камыша и соломы и балок округлой формы (диаметр 8—10 см). Пол сильно прокален и покрыт плотным слоем глиняной обмазки желтоватого цвета с примесью растительности. Аналогичная обмазка сохранилась и на стенах.

На уровне второго пола планировка помещения осталась прежней (высота стен 0,7—1 м). Каких-либо бытовых и хозяйственных конструкций не обнаружено.

Помещение 2 примыкает к первому с западной стороны и имеет размер 4×6,5 м. Вскрыто по уровню первого пола второго строительного горизонта. Стены толщиной 80—85 см и пол имеют несколько слоев обмазки (толщина 2—3 мм) из хорошо отмученной желтой глины с примесью растительности. На полу обнаружен керамический светильник с частично сохранившимся резервуаром, жернов из серого песчаника диаметром 35 см, толщиной в середине 6 см.

Помещение 3 имеет два уровня полов с единой планировкой и относится ко второму строительному горизонту. Размер помещения с С — Ю — 6,2 м, с З — В — 4,2 м. На уровне первого пола сохранились следы пожара в виде прокаленной обмазки и обуглившегося перекрытия из камыша, соломы и балок. Расстояние между балками 0,8—1 м. Высота стен на уровне первого пола 15—35 см, на уровне второго — 0,3—0,7 м, толщина 80 см. В центре северной стены на уровне второго пола обнаружен очаг-камин, встроенный в стену. Он выполнен в форме полуовала (длина основания 70 см, высота 25 см), углубленного в стену на 15 см, на платформе из плотно забутованной глины желтого цвета. Толщина платформы 12—15 см. На дне каминна устроена жаровня, диаметр дна которой составляет 40 см, высота стенок — 5—6 см.

Все три помещения входили в один жилой комплекс, ограниченный с западной стороны северной улицей шириной 2,5 м, с северной — переулком (ширина 2,2 м).

При зачистке переулка на участке у края стены обнаружена яма, заполненная золой и гумусом. В заполнении найдены остатки косточек винограда, арбуза, урюка, зерен проса, обуглившиеся семена хлопчат-

ника со следами сторевших волокон, на дне — железный наконечник стрелы, плоский, с черенком, двумя жальцами.

Переулок отделял жилой комплекс 1 от комплекса 2, расположенного южнее и насчитывавшего три помещения.

Помещение 4 имеет форму квадрата со стороной 4,4 м и характеризуется двумя уровнями полов с единой планировкой. На уровне первого пола стены сохранились на высоту от 70 см до 1 м. Обмазка пола и стен сильно прокалена. Вход в помещение располагался в северной стене. Ширина дверного проема составляла 1 м. Архитектурных конструкций на этом уровне не зафиксировано. В заполнении помещения обнаружено несколько чередующихся слоев гумуса (толщина 15 см) и зольника (4,5 см). На уровне первого пола найдено много фрагментов кухонной посуды, светильник, большое количество костей животных. Вероятно, после того как постройки на уровне первого пола были заброшены, помещение использовалось для свалки мусора.

На уровне второго пола высота стен помещения составляла 1,1—1,3 м. В центре его северной стены обнаружен алтарь в виде ниши (высота 0,7 м, ширина 0,5 м, глубина 0,4 м) (рис. 11), украшенной снизу налепом в виде рогов (рис. 12).

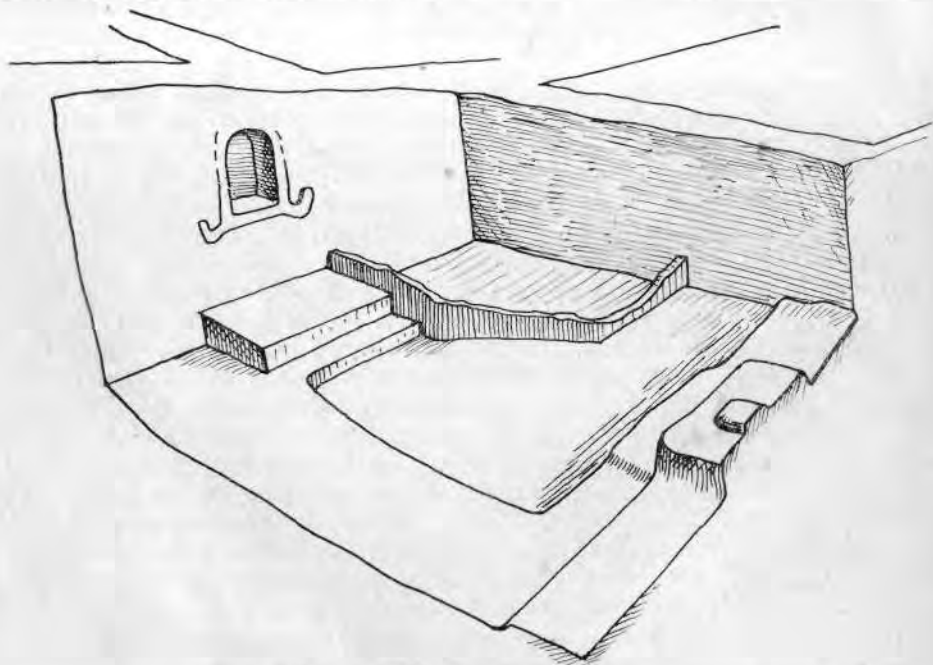

Рис. 11. Кок-Мардан. Святилище

С западной стороны «культурной комнаты» располагалось *помещение 5*. Оно вскрыто по уровню второго строительного горизонта и насчитывает два уровня полов.

Рис. 12. Кок-Мардан. Ниша с налёпом в святилище

Высота стен на уровне первого пола 10—30 см, на уровне второго пола — 0,7 м. Размер помещения 4,7×4,2 м, толщина стен 65 см. Вдоль двух стен располагалась суфа, ближе к выходу — прямоугольный очаг.

С западной стороны к помещению 5 примыкает *помещение 6*, под-прямоугольной в плане формы, размером 4,6×6 м. Помещение относится ко второму строительному горизонту. У одной из стен имелась суфа, в центре — очаг.

Помещения 7, 8 и 9 составляли единый жилой комплекс.

Помещение 7 прямоугольной в плане формы, размером 6,2×5,6 м, вскрыто на уровне двух полов. Пол первого уровня сильно прокален. Сохранились остатки перекрытия в виде обуглившихся балок, камыша и соломы. Высота стен на этом уровне 15—20 см. На уровне второго прослежена г-образная суфа и прямоугольный очаг.

Помещение 8 имеет прямоугольную форму, размер его 6,8×1,7 м.

В *помещении 9* размером 6,8×4 м на уровне второго пола обнаружены остатки сгоревшего перекрытия: обуглившийся камыш толщиной 2 см и балки округлой формы диаметром 8—10 см. Вдоль северной стены располагалась суфа (шириной 1,2 м, высотой 20 см) и в центре — очаг с сильно прокаленными стенками. Диаметр очага 30 см, глубина 25 см. Рядом вырыта яма для золы диаметром 45 см и глубиной 1 м, наполовину заполненная спрессованной золой.

У середины восточной стены обнаружено углубление длиной 1,5 м, шириной 0,6 м, глубиной 15 см, ориентированное длинной стороной в направлении З — В.

Углубление было заполнено зольником. В юго-восточном углу и в середине южной стены устроены две тумбы из плотной, хорошо отмученной глины. Диаметр их 70 см, высота 60 см.

К комплексу 2 через переулочек шириной 1,35 м примыкал еще один из четырех помещений.

Помещение 10 раскопано по уровню второго строительного горизонта. Оно имело подквадратную форму, размер 3×4 м, высоту стен от 10 до 40 см. На полу обнаружены остатки сгоревшего перекрытия, в центре — прямоугольный очаг.

Помещение 11 тоже относится ко второму строительному горизонту, но меньше по размеру — 3×1,9 м. Сохранившаяся высота стен 10—35 см, толщина — 90 см.

Помещение 12 размером 2,8×5 м относится ко второму строительному горизонту. Высота стенок 15—45 см. Стены и пол имеют несколько слоев обмазки. В центре помещения обнаружен хум, впущенный под уровень пола. В северной стене, ближе к северо-восточному углу, находился дверной проем шириной 75 см.

Помещение 13 размером 5,1×4,6 м также относится ко второму строительному горизонту. Северо-западный угол его не сохранился: здесь в позднее время была устроена яма. В разрезе ямы прослеживаются слои гумуса и золы, в заполнении обнаружены кости животных, ножка светильника, фрагменты кухонной и столовой посуды. Вдоль западной и до середины северной стены располагалась суфа, возвы-

шавшаяся над уровнем пола на 15 см. В южную стену под уровень пола встроены очаг-камин, длина основания которого — 60 см, высота 40 см, глубина 20 см. Стенки очага сильно прокалены. Рядом обнаружены фрагменты хума.

Переулок шириной 1 м отделяет описанный комплекс от еще одного, расположенного с северной стороны и насчитывавшего 3 помещения.

Помещение 14 имеет прямоугольную в плане форму, размер 6×4 м. Высота стен от 10 до 30 см. Пол сильно прокален. Около западной стенки найдены остатки хума.

Помещение 15 размером $3,6 \times 4,7$ м имеет прямоугольную в плане форму. Высота стен от 10 см до 60 см. Строительных конструкций внутри не обнаружено.

Помещение 16 размером $5,5 \times 4,7$ м примыкает к комплексу с северной стороны. Западная стена его разрушена ямой, вырытой в позднее время. Высота стен от 10 до 35 см, толщина 80 см. Вдоль северной стены сохранились остатки трех хумов. Еще один лежал у западной стены. В центре устроен очаг в виде углубления прямоугольной формы с овальными углами (длина 1 м, ширина 60 см, глубина 12 см). Стенки очага сильно прокалены. В заполнении обнаружены слои золы.

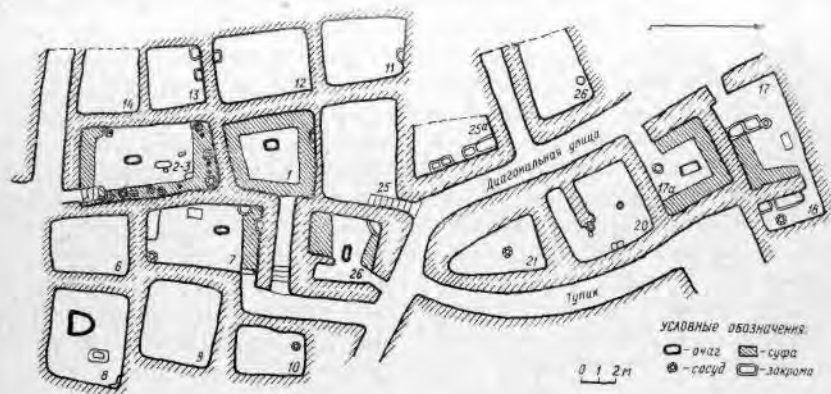

Рис. 13. Кок-Мардан. План раскопа III

Раскоп III охватил западный склон городища (рис. 13). На дневной поверхности прослеживались остатки стен более 26 помещений, преимущественно квадратных и прямоугольных в плане. Ширина стен от 0,6 до 1 м. Судя по срезам, они были сложены вперевязку из сырцового серовато-зеленого кирпича размером $35-40 \times 20-25 \times 9-10$ см, скрепленного глиняным раствором толщиной до 2 см. Все помещения примыкали друг к другу. Размер комнат верхнего слоя колеблется от 3×3 до 6×7 м. Следует, однако, отметить, что комнаты прослежены не по всей дневной поверхности раскопа. Они не читаются на самой верхней площадке Кок-Мардана, где поверхность в результате ветровой эрозии почти снесена, на крайнем участке западного склона городища, так как

здесь конструкции домов размыты или перекрыты оплывшими слоями лесса.

В границах раскопа III помимо двух магистральных улиц имелись и внутриквартальные переулки. В настоящее время выявлено 2 таких переулка. Один из них, расположенный в северо-западной части раскопа, отходит от диагональной улицы вниз по западному склону. Скорее всего, он имел выход на улицу, идущую вдоль западной стены Кок-Мардана. Другой, в южной части раскопа, спускался по склону. Конец его не выявлен, однако заметно, что он поворачивает к южной стороне городища и продолжается параллельно длинным стенам его в направлении магистральной улицы. В этом месте находилась, вероятно, небольшая площадь или незамкнутый внутренний дворик.

Поскольку помещения верхнего строительного горизонта повторяли помещения нижележащих горизонтов или строились с небольшим смещением, составлена их общая нумерация.

Полностью раскопаны 9 помещений и еще несколько принадлежащих к верхнему строительному горизонту. Некоторые комнаты только околтурены по границам выявленных стен.

Помещение 1 подквадратной формы: его северная и южная стены равны 6 м, западная — 5,6 м, восточная — 5 м. Последняя в северо-восточной части прерывалась проходом, ведущим в коридор, шириной поверху 1,4 м, понизу — 1,25 м (рис. 14, 15). Все четыре стены имеют разную толщину: западная и восточная — 0,65 м, южная — 0,6 м, северная — 0,45 м. Они сложены из сырцового кирпича размером $36,5 \times 18,5 \times 10$ см, связанного серым глиняным раствором толщиной до 3 см. Способ кладки вперевязку. Изнутри стены обмазаны сероватой глиной, толщина обмазки достигает 2 см. Из таких же кирпичей сложены стены коридора, составляющие с комнатой одно целое. Стены сохранились на разную высоту: с восточной стороны коридора — на 0,8 м, комнаты — на 0,6 м (восточная) и 10—15 см (западная стена).

Комната была заполнена однородным слоем рыхлой глины с примесью золы и фрагментами керамики. На глубине 0,15 м в 1 м от северо-западного угла обнаружен раздавленный хум. Черепок, судя по излому, хорошего обжига, поверхность покрыта ангобом. На уровне верхнего строительного горизонта по всему помещению разбросаны многочисленные фрагменты керамики: ручки кувшинов различных размеров, плоские донца лепных сосудов, венчики больших и малых кувшинов ручной лепки серого цвета, а также фрагменты венчиков хумов красноватого цвета. Интересен лепной работы сосуд, характеризующийся плотным тестом, ровным обжигом, в изломе устойчивого красноватого цвета, покрытый красным ангобом. На сохранившейся части тулова прослеживается прочерченный острым предметом овал. Выделяется еще один фрагмент — часть венчика с ручкой, принадлежавшей крупному кувшину ручной лепки. Обжиг неравномерный, светло-коричневого цвета. Тесто плотное с примесью песка и извести. Снаружи венчик покрыт ангобом красно-коричневого цвета и украшен рифлением. Ручка, петлеобразная, подпрямоугольная в сечении, прикреплялась верхней

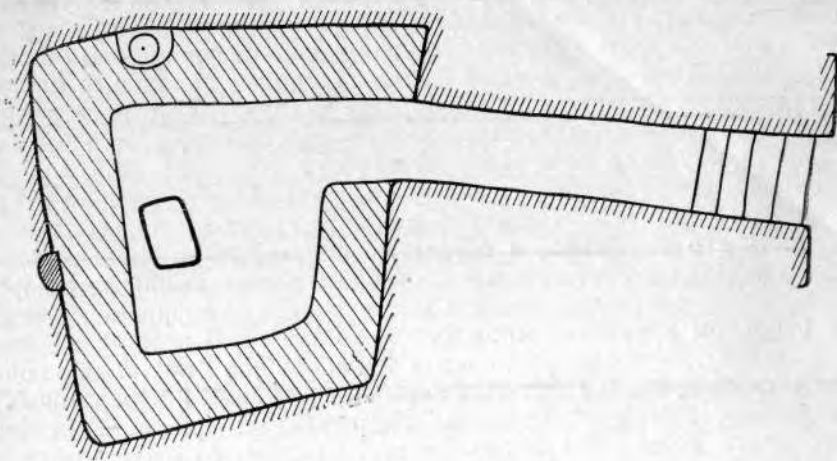

Рис. 14. Кок-Мардан. План жилища III—VI вв.

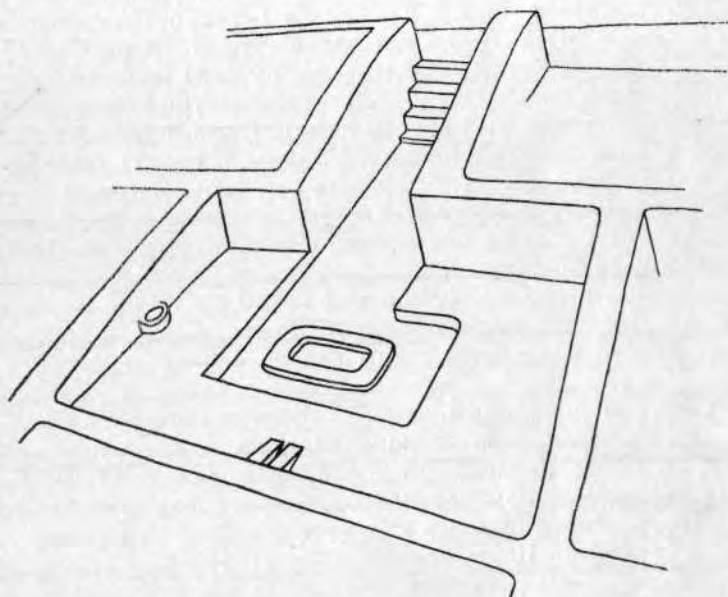

Рис. 15. Кок-Мардан. План жилого дома

частью к венчику, а нижней — к изгибу тулова кувшина. Прямо под ручкой имеется тамгообразный знак, прорезанный по еще сырой глине, — прямая линия, перечеркнутая в верхней части двумя полуovalами.

Почти в центре комнаты зафиксировано зольное пятно диаметром 2,5 м, а в нем — кусочки древесного угля и мелкие фрагменты обожженной керамики. Вероятно, в этом месте находился напольный очаг. Рядом с предполагаемым очагом подобраны два фрагмента подставок под котлы в виде головы быка, выполненных из грубого, с большой примесью песка, крупного шамота и дресвы теста.

Коридор, соединявший комнату с улочкой, с восточной стороны был заложен кирпичами. Вероятно, какое-то время им пользовались, но затем часть его заложили, а оставшуюся превратили в место свалки. Об этом свидетельствует толстый слой золы, заполнявший весь коридор от пола до дневной поверхности, с многочисленными фрагментами сосудов, в основном кухонных, множеством костей овец и лошади (черепа, ноги, лопатки). В коридоре поднята и небольшая костяная поделка (длина 9 см, ширина 0,7 см) с обломанным концом и отверстиями на обоих концах. Рядом обнаружены два глиняных пряслица желтого и черного цвета конической и биконической формы со сквозными отверстиями в центре. Размер пряслиц $2,3 \times 2,5$ и $2,5 \times 2$ см, диаметр отверстий — 0,5 см. Тут же обнаружены 4 стеклянные бусины и пастовые бусы зеленого и голубого цвета.

Как удалось выяснить, стены нижнего строительного горизонта совпадали со стенами верхнего. В отличие от верхних, стены нижнего горизонта комбинированные и сложены из прямоугольного сырцового кирпича размером $40 \times 22 \times 12$ см и сильно уплотненной сбитой (набивной) глины, затем обмазаны толстым слоем глины желтого цвета. После зачистки по уровню пола выяснилось, что в центре комнаты находился открытый очаг, а в стену был врезан камин. Суфа, идущая по периметру стен, сооружена из плотной набивной глины и сверху обмазана слоем желтой глины с примесью растительных остатков. Вдоль северной и западной стен она имеет ширину 75 см, вдоль южной — 60, восточной — 65 см. Высота суфы с 25 см постепенно снижается до 8 см. Перед выходом в коридор суфа прерывается.

Пол коридора выше пола комнаты на 10 см. Пол и стены здесь обмазаны толстым слоем глины желтого цвета. Как и в коридоре верхнего строительного горизонта, стены его постепенно сужаются к основанию.

Так как стены коридора нижнего строительного горизонта уходили под кирпичный заклад, замыкающий коридор с восточной стороны в первый строительный период, то после фиксации этой части в плане заклад был убран. Из коридора вверх вели четыре ступеньки из плотной глины. Первая возвышалась над уровнем пола коридора на 13 см, вторая выше первой на 19 см, третья выше второй на 28 см, а четвертая выше третьей на 35 см. Ступени постепенно расширялись снизу вверх от 30×27 до 70×30 см, в результате третья и четвертая занимали всю ширину дверного проема. Последний от ступенек отделялся порогом

высотой 25 и шириной 20 см. По обе стороны дверного проема и на пороге имелись пазы шириной 7 см, куда вставлялась деревянная корбка (от нее осталась древесная труха).

Открытый очаг в помещении установлен на подчетыреугольной глинобитной площадке, на 5 см возвышающейся над уровнем пола. Площадка с закругленными углами, длиной 1,4 м, шириной 0,8 м. Длинные стенки очага имели толщину 3,5 см, короткие более широки и массивны. Очаг ориентирован длинной стороной по линии северо-восток — юго-запад. Северо-восточная часть его сильно прокалена до красного цвета. В этом месте разводился и поддерживался огонь. Другая часть, расположенная ниже, была заполнена толстым слоем золы и мелкого древесного угля. Сюда, видимо, выгребали золу по мере ее накопления.

В северной стене, ближе к северо-западному углу, имелся камин. Он выглядел как небольшое, овальное углубление, сильно прокаленное и закопченное, высотой 25 см, глубиной в стене 15 см. На дне очага, почти на уровне пола, лежала половина сковородки с толстым дном, изготовленной из грубого, рыхлого с большой примесью дресвы и шамота теста. На полу встречены отдельные фрагменты керамики.

Помещение 2 подквадратной формы примыкало к южной стене помещения 1. Длина стен: южной — 4,15 м, западной — 3,75 м, северной — 4,55 м, восточной — 4,15 м. Стены верхнего строительного горизонта были возведены с небольшим отклонением от нижних из сырцового кирпича серого цвета на глиняном растворе толщиной до 3 см. Стены верхнего помещения сохранились на высоту 25 (западная) — 1,1 м (восточная). Глинобитный пол обмазан толстым слоем глины желтого цвета. Часть комнаты вдоль восточной стены использовалась в хозяйственных целях: здесь обнаружено несколько хозяйственных ларей и закров. Прямоугольный закров в северо-восточном углу отделялся от жилой части перегородкой толщиной 10 см. Размер его 2×0,55 м, глубина 35 см. Перегородка с внутренней стороны тщательно оштукатурена и побелена. В этом закрове обнаружены зерна проса, емкости круглой формы диаметром от 1 м до 50 см. Стены закровов слеплены из полос глины.

Помещение 3, примыкающее ко второму, имело прямоугольную в плане форму.

Найденная во всех трех помещениях керамика в основном ручной лепки. Это фрагменты хумов, водоносных кувшинов, маленьких кувшинчиков, подставки для котлов, сковородки. На фрагменте одного из сосудов сохранилась ручка в виде стилизованной фигурки барана. Верхняя часть венчика изнутри и снаружи покрыта ангобом с лошением.

Как выяснилось по уровням второго и третьего строительных горизонтов, помещения 2 и 3 составляли одно большое, которое примыкало с северной стороны к комнате 1, длина северной стены которой составляла 4,55 м, восточной — 8,75, южной — 4,6, западной — 8 м (рис. 16). Стены его сложены из сырцового кирпича размером 40×22×12 см и покрыты глиняной обмазкой серого цвета, толщиной 3—4 см. И стены, и пол сохранили следы пожара. Вероятно, после этого помещение и было

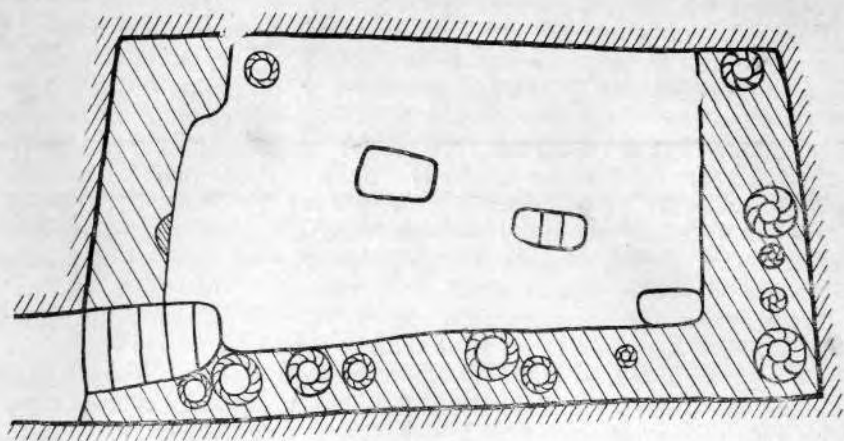

Рис. 16. Кок-Мардан. План жилища III—VI вв.

Рис. 17. Кок-Мардан. Входная лестница в помещение

разделено на две комнаты. Вдоль восточной стены устроена суфа шириной 90 см и высотой 10 см, обмазанная слоем глины.

С улочкой помещение сообщалось лестницей из пяти ступеней, сложенных из сырцового кирпича размером $32 \times 20 \times 10$ см (рис. 17). Первая ступень — это часть суфы длиной 70 см, шириной 35 см, возвышающаяся над полом комнаты на 17 см. Вторая ступень имеет длину 70 см, ширину 40 см, высоту 14 см, третья соответственно 85, 28, 15 см, четвертая — 85, 30 см. Ступени должны были подходить к дверному проему, но так как южную стену в процессе перестройки сnivelировали, то дверной проем был уничтожен. Вдоль южной стены помещения шла суфа, более широкая, чем суфа у восточной стены: ширина ее в верхней части достигала 80 см, а понизу — 1,05 м. Высота суфы от уровня пола комнаты — 0,5 м.

В юго-западном углу прямо в суфу была врезана подпрямоугольная яма длиной 1,4 м, шириной 0,55 м. Яма двухступенчатая, глубина первого уступа 0,35 м, второго — 0,6 от поверхности суфы. Обмазанная слоем глины, она служила, скорее всего, ларем для хранения муки. К углу суфы был пристроен еще один заком овальной формы, выполненный из лент сырой глины и тщательно обмазанный снаружи и изнутри. Диаметр закома 0,45—0,75 м, глубина — 45 см. На дне его обнаружено плоское дно сосуда диаметром 28 см и остатки обуглившихся зерен проса.

Обмазка западной и северной стен, свободных от суфы, плавно переходила в обмазку пола. На полу, во многих местах закопченном, попадались небольшие обломки обгоревшего дерева, обуглившегося камыша — остатки перекрытия. Вдоль северной стены комнаты, от верхнего северо-западного угла вниз под углом $15-20^\circ$ спускалась сильно обгоревшая деревянная балка перекрытия крыши. Длина сохранившейся части около 2 м, толщина 15 см. Поверх балки поперек ее лежал обгорелый камыш, затем шел слой прокаленной глины толщиной до 6 см с хорошо сохранившимися бороздами от камыша. Несомненно, он принадлежал конструкции перекрытия крыши второго строительного горизонта, ибо сверху шли напластования первого строительного горизонта.

Балка перекрытия опиралась на вертикальную деревянную колонну, основанием которой служила вымостка из крупных кирпичей почти в центре комнаты. Вымостка имела форму трапециевидную в разрезе и овальную в плане и была сложена из четырех кирпичей размером $28 \times 18 \times 18$ см. Общая длина базы колонны 80 см поверху и 90 понизу, высота 19—20 см. Ее обмазка из толстого слоя глины во время пожара сильно прокалилась.

На полу находились три очага. Один из них открытого типа располагался около южной суфы. Он имел овальную форму, длину 0,7 м, ширину — 0,35 м, глубину — 15 см и был заполнен золой. Пол вокруг очага сильно прокален. На нем, вероятно, приготавливали пищу. Помещение же, видимо, обогревалось костром, который разжигали прямо на полу в центре комнаты. На месте предполагаемого костра зачищено пятно прокала длиной 0,9 м, шириной 0,6 м. Еще один небольшой оча-

жок находился возле северной стены комнаты. Вдоль всей восточной стены прямо на суфе стояли 7 хумов различных размеров. От них сохранились днища, фрагменты тулова и венчиков. Один из них стоял в юго-восточном углу комнаты между стеной и лестницей. Он выполнен из плотного теста с примесью шамота и имеет диаметр дна 40 см, толщину стенок 2 см. Снаружи хум покрыт красным ангобом. Донце его изнутри сильно прокопчено, на нем сохранились кусочки обгоревшей древесины.

Еще один такой же хум находился рядом. Четыре хума располагались на суфе на расстоянии 0,5 м друг от друга, причем три из них были вкопаны.

В северо-восточном углу комнаты стоял хум высотой 80 см, покрытый ангобом серого цвета и черными потеками. Отогнутый наружу венчик имел в сечении подквадратную форму.

Хум в центре северной стены разрушен упавшей балкой перекрытия. Тесто, из которого он изготовлен, плотное, с примесью шамота, извести и песка. Венчик диаметром 40 см слегка отогнут наружу. Поверхность хума покрыта красным ангобом и потеками ангоба более темного цвета. На плечиках прочерчен орнамент в виде вертикальных полос.

В северо-западном углу комнаты на глубине 1,2 м под балкой перекрытия, в слое сгоревшей соломы обнаружены рога. Видимо, они висели под потолком. В этом же углу найдены фрагменты красноангобированного хума.

Вдоль западной стены помещения прослежены остатки глиняных ларей. Они представляют собой овальные ямы с хорошо обмазанным дном. Длина их 0,5 м, ширина — 0,3 м. Стены ларей сделаны из лент сырой глины, наложенных последовательно друг на друга и с обеих сторон хорошо обмазанных глиной.

Фрагменты боковин серого цвета в юго-западном углу комнаты указывают, что здесь находился еще один хум.

Помимо крупных сосудов в комнате обнаружены и другие. Так, рядом с очагом стоял обгоревший кувшин, с восточной стороны базы колонны — другой с диаметром дна 15 см. От последнего сохранилась только часть тулова. Встречены венчики и боковины лепных горшков, ручки котловидных сосудов, венчики и ручки различных по величине и назначению кувшинов, лепные крышки и подставки для котлов, фрагменты сковородок, донца чашек.

Помещение 7 подпрямоугольной формы имело стену (западную), общую с комнатами 1, 2, 3. Размер его 6,2×4,3 м по уровню первого строительного горизонта. Стены сложены из сырцового кирпича серовато-зеленого цвета размером 40×22×12 см и обмазаны слоем глины сероватого цвета толщиной от 2 до 4 см. Заметны попытки выровнять стены путем утолщения или утоньшения слоя обмазки. Сохранившаяся высота их до 1 м с восточной стороны и до 40—70 см с западной. Толщина стен также различна: северная — 75 см, южная — до 1 м. Пол комнаты хорошо обмазан слоем жидкой глины толщиной 8—10 см.

В северной и южной частях помещения на желтом фоне пола хорошо прослеживались большие зольные пятна неправильной формы.

В этих же местах встречены кусочки древесного угля, сильнообожженные фрагменты костей мелких рогатых животных. Это следы очагов, сами же очаги не сохранились. Вероятнее всего, здесь были напольные костры. У восточной стены, в 1,8 м от северо-восточного угла расчищена грушевидная хозяйственная яма диаметром сверху 90 см, внизу 1,4 м и глубиной 0,5 м. На дне ее обнаружено большое количество обугленного проса.

Небольшой ларь овальной формы был пристроен к западной стене. Диаметр его 55—80 см, глубина — 1,2 м. Как и другие, он сложен из наложенных друг на друга лент сырой глины и обмазан снаружи и изнутри глиной желтого цвета. Стены закрома возвышались над поверхностью пола верхнего строительного горизонта на 0,4—0,5 м, а снизу были заглублены. Заполнение серого цвета содержало кусочки дерева, древесного угля. Стены вблизи закрома прокалены до красного цвета. Видимо, эта часть помещения когда-то горела. Найденные здесь фрагменты столовой посуды тонкостенной, красноангобированной принадлежали небольшим кувшинам, чашкам. Интересны фрагменты венчика и тулова миниатюрного лепного кувшинчика неравномерного обжига, серовато-желтого цвета в изломе. Он выполнен из плотного, с примесью песка и извести теста и покрыт красным ангобом с лощением.

Помимо столовой посуды в помещении встречены фрагменты хумов, водоносных кувшинов, глиняных котлов, крышек к ним. Фрагмент крышечки с волнистым краем и небольшим углублением в центре для ручки был поднят недалеко от обломков котла. Подставки для котлов изготовлены в виде голов быков.

Стены второго строительного горизонта оказались несколько смещены относительно верхних наружу. Особенно хорошо это заметно по восточной и южной стенам. Первая смещена на 30 см, вторая — на 50 см. В результате размер комнаты увеличился и стал 6,7×4,5 м при высоте стен 2 м. В юго-восточном углу под обмазкой пола верхнего строительного горизонта расчищен венчик крупного сосуда, как оказалось, хума. Он был покрыт серым ангобом и имел диаметр венчика 40 см, высоту — 65 см.

В северо-восточном углу находился выход на улицу, оформленный тремя ступеньками шириной 45 см, высотой по отношению друг к другу 17 см. Сложены они из сырцового кирпича. В дверном проеме шириной 87 см имелся порог высотой 15 см, а в торцовых стенах — выемки от черных косяков шириной до 15 см. Ступеньки, ведущие в комнату, доходили до суфы, которая шла вдоль северной стены и имела ширину 1 м, высоту — 23 см. Такая же суфа шириной 80 см, высотой 20 см, но в лучшей сохранности находилась в южной части комнаты.

Помещение имело два очага — камин и напольный. Камин диаметром 0,75 м, высотой 55 см, глубиной 0,35 м находился в северной стене, в 90 см от северо-западного угла. Перед камином имелся порожек-экран, изготовленный из глины, длиной 75 см, высотой 35 см. Камин заполнен золой и кусочками древесного угля. Вся стена над камином, а также пол перед ним прокалены докрасна и прокопчены. Недалеко от

камина, тоже в северо-западной части комнаты, располагался напольный очаг подчетыреугольной формы, врезанный в пол на глубину до 12 см. Длина его 1,2 м, ширина — 83 см. Северная часть его (45 см) чуть возвышалась, южная в виде ямки заполнена водой.

Помещение 17 размером 4×6,4 м, высотой 0,4—1 м имело прямоугольную в плане форму (рис. 18). Пол и стены его сильно прокалены. Обмазка из хорошо отмученной глины на стенах насчитывает 4 слоя по 3 мм каждый. В центре на полу устроен очаг длиной 1 м, шириной 65 см, глубиной 10 см. Стенки его сильно прокалены. В середине восточной стены на расстоянии 25 см над уровнем пола располагался очаг-камин. Под ним сделана платформа из плотного слоя глины высотой 25 см.

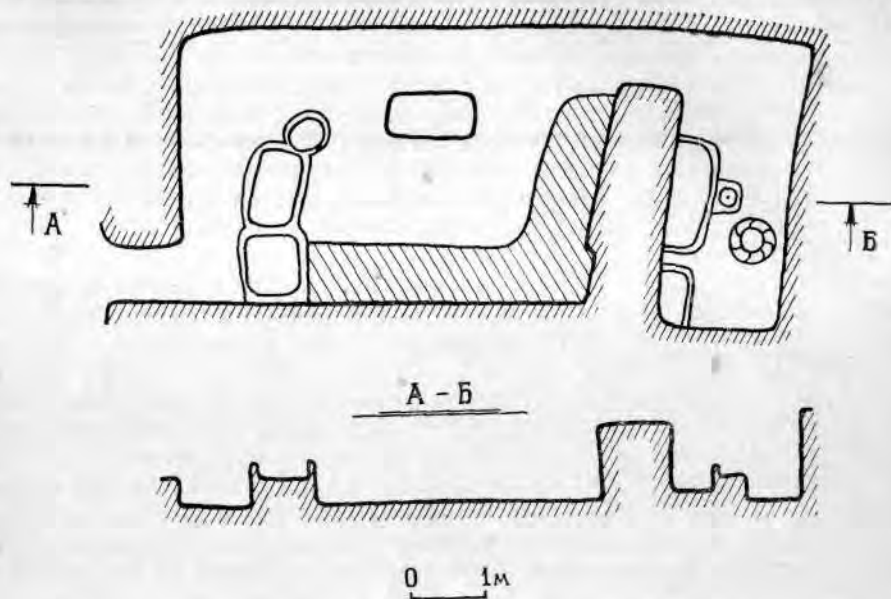

Рис. 18. Кок-Мардан. План жилища III—VI вв.

Ширина основания камина 70 см, высота 30, глубина 10 см. Стенки камина сильно прокалены. В этой же стене, ближе к северо-восточному углу помещения, на расстоянии 15 см от пола устроена ниша квадратной формы со стороной 1 м. У западной стены, ближе к юго-восточному углу, обнаружены два закрама овальной формы. Толщина их стенок 10 см, глубина 45 см, ширина 40 см. Длина одного 1,1 м, второго — 1 м. В заполнении их обнаружены остатки шелухи проса.

Помещение 17 имело два дверных проема. Один, шириной 0,6 м, в западной стене выходил на улицу. Другой, шириной 0,8 м, в северо-восточном углу вел в хозяйственное помещение 18. Последнее размером 4×2 м имело прямоугольную в плане форму. Около западной его стены располагался овальный закрам, стенки которого толщиной 4 см возвы-

шались над уровнем пола на 0,5 м. С южной стороны закрома на полу обнаружен нижний диск ручной мельницы диаметром 35 см. От отверстия в центре диаметром до 6 см радиально расходятся углубления. Еще два закрома расположены у южной стены. Один подпрямоугольной формы, размером 1×0,6 м, другой — овалыный, размером 70×30 см. Стенки их возвышаются над уровнем пола на 0,9 м. В заполнении обнаружены остатки зерен проса.

С южной стороны к описанным помещениям примыкало еще одно, 17 а, ограниченное с восточной и западной сторон улочками. Размер его 5,5×4,5 м, высота стен 1,2 м, толщина 75 см. Пол местами сильно прокален. В середине устроен очаг в виде прямоугольного углубления длиной 1,15 м, шириной 90, глубиной 15 см. В восточную стену врезана квадратная ниша со стороной 55 см, глубиной 16 см. В центре южной стены находился камин шириной 80 см, высотой 60, глубиной 25 см. Стены помещения обожжены, но видно, что поверх трех слоев обмазки имелся тонкий слой алебаstra — побелки.

Расположенное рядом *помещение 20* размером 5,5×4,7 м раскопано по уровню второго строительного горизонта. Часть его была отгорожена и использовалась, видимо, как кладовая. На полу находились два хума.

Помещение 21 — угловое — имело трапециевидную в плане форму. Длинная сторона его 6 м, короткая — 2,5 м. На полу находился хум.

Раскоп IV охватил южную часть городища (рис. 19). Основные работы были сосредоточены к востоку от городских ворот. Характер северного участка раскопа, где предполагалось наличие башни, выяснить не удалось. Здесь зафиксирован сплошной пахсовый массив с включениями отрезков кирпичной кладки шириной в один кирпич. Четкие границы его пока не прослежены. На северном склоне холма была заложена траншея длиной 12,8 м, глубиной 6,1 м от поверхности. В разрезе также выявился сплошной пахсовый массив, внешняя грань которого не найдена (разрез до материка не доведен).

При вскрытии участка обнаружили следы многочисленных перестроек, в основном в пределах единой планировки, иногда с незначительным отклонением линии стенок. Мощность слоев небольшая. Выделено три строительных горизонта. Лишь в одном месте (*помещение 1*) обнаружена стена, относящаяся к четвертому строительному горизонту. Южной границей раскопа служила стена верхнего строительного горизонта, отделявшая постройки от улицы, тянувшейся от въезда в город к восточному краю холма. Улица шириной до 1,5 м хорошо читается на поверхности. Глубина отсчитывалась от самой высокой точки на южном краю раскопа.

Стены построек заметны на уровне верхнего строительного горизонта: они сохранились на высоту 15—20 см. Постройки почти полностью разрушены, полы зачастую уже исчезли, поэтому четкого плана строения получить не удалось. Во всех трех строительных горизонтах прослеживаются хозяйственные и жилые помещения, однако объединить их в дома, к сожалению, пока не удается. Все помещения имеют неправильные очертания, что, очевидно, обусловлено планировкой нижних горизонтов.

В качестве строительного материала во всех трех горизонтах использовался сырцовый кирпич размером $40-44 \times 22-11$ см, а также пахса.

Помещение 1 имело трапециевидную форму. На уровне верхнего строительного горизонта в нем вдоль северной стены располагалась суфа шириной около 50 см. В северо-западном углу находился цилиндрический заком со стенками толщиной 5 см из плотной коричневатой глины. Покатое дно выполнено из такой же глины и несколько углублено

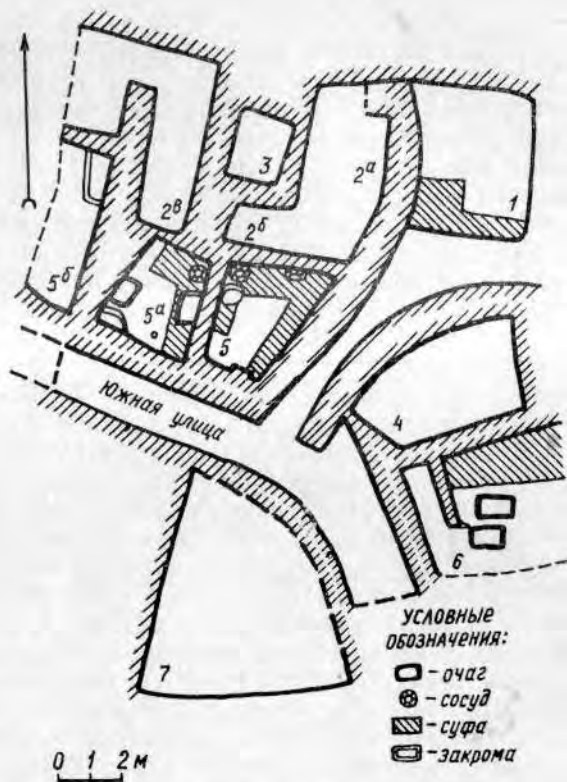

Рис. 19. Кок-Мардан. План раскопа IV

по отношению к поверхности суфы. С юга стенка закома была укреплена кирпичной перегородкой длиной 45 см и шириной 20 см, причем кирпич положен перпендикулярно стене. Высота перегородки и закома 25 см. Пол на этом уровне не обнаружен. Стены кирпичные, сложены тычком и ложком через ряд.

На уровне второго строительного горизонта помещение это было несколько меньше: восточная стена проходила на 70 см западнее, южная — на 50 см севернее. Вдоль северной стены располагалась суфа

шириной 60 см и высотой 35 см. Суфа пахсовая, из коричневатой глины, хорошо обмазанная желтой глиной. Пол зафиксирован.

Между вторым и первым строительными периодами прослеживается период запустения, когда южная часть помещения была уничтожена и засыпана мусором, причем здесь четко выделяются два этапа. Более ранний, с глубины 2,95 до 2,1 м — зольно-мусорные слои, падавшие с восточной стены и перекрывавшие срубленные южную и южную часть западной стены мощностью 86—90 см, выше — мусорный слой мощностью 15 см с несколькими небольшими ямами, врезавшимися в нижние мусорные слои.

В северной части помещения на глубине 2,3 м обнаружено очаговое углубление размером 1,25×0,6 м, глубиной 12—15 см, заполненное золой. Следы пола на этом уровне не прослеживались.

Пол третьего строительного горизонта зафиксирован на глубине 3,4 м. Здесь в 2 м от северо-западного угла, у западной стены лежали зернотерка, половина еще одной, обломок жернова, камни со следами сработанности, венчик хума.

Северная стена помещения сохранилась лучше других — она существовала в течение всех трех строительных периодов (сохранившаяся высота 1,7 м), западная (сохранившаяся высота 1,4 м) — в течение второго и третьего строительных периодов, а затем была перестроена и сдвинута на 10 см восточнее. Восточная стена перестраивалась в каждом строительном периоде (сохранившаяся высота во втором строительном периоде — 60 см; в первом — не сохранилась, в третьем — не найдена). Южная стена сохранилась в высоту на 30 см.

На глубине 3,65 м открылась кирпичная стена шириной 80 см, идущая в широтном направлении и, видимо, относящаяся к четвертому строительному горизонту. Во всех слоях помещения найдены обломки керамики, во втором кроме того несколько бусин и 2 костяные поделки.

Помещение 3, видимо, было построено во второй строительный период. Оно подпрямоугольной формы со скругленными углами, западная и южная стены сложены дугообразно. Сохранившаяся высота стен 1,3 м, основание кладки находится на глубине 3,65 м. Позднее помещение использовалось в качестве мусорной ямы, о чем свидетельствуют зеленые оплывы на стенах, ее заполнение — рыхлая земля вперемешку с огромным количеством золы, костями животных, керамикой. Здесь встречено глиняное пряслице.

Между помещениями 1 и 3, примерно в направлении ЮЗ—СВ, проходит дугообразная кирпичная стена, северный конец которой примыкает к стене (пахсовой?) меридионального направления, в свою очередь примыкающей к западной стене помещения 1. Основание ее находится на глубине 4,2 м, длина 2 м.

Дугообразная стена также перестраивалась во всех строительных периодах. В третьем она имела самый большой изгиб. Ширина ее 60 см. Прослежена она вдоль западной стены помещения 1 на протяжении 5 м. Основание ее находится на глубине 4,2 м. Небольшое пространство между стенами было заложено кирпичом, лишь небольшой участок

(примерно 1×1 м) остался незабутованным. Заполнение здесь было рыхлым, однородным, без находок. Нижняя дугообразная стена сохранилась в высоту на 2 м. На глубине 2,2 м, относящейся ко второму строительному периоду, ее сменила другая, также кирпичная, шириной 65 см, прослеженная от ее северного конца, которым она примыкала к той же поперечной стене, что и нижняя, до южной бровки раскопа, всего на протяжении 11,2 м. Сохранившаяся высота ее 1,2—1,4 м. До глубины 1 м она несколько смещена к западу относительно нижней. Самая верхняя стена шириной 30 см расположена на 50 см западнее второй и прослежена также от северного конца на протяжении 3,5 м. Нижняя стена в первом строительном горизонте засыпана слоем золы, углей, костями животных, керамикой. Здесь найдены плохо сохранившиеся железное тесло с несомкнутой втулкой и обломок железного серпа.

Еще одна дугообразная стена шириной 60 см образует с северной стороны *помещение 4*. На уровне первого строительного горизонта помещение примыкало к помещению 1, а на уровне третьего и, возможно, второго строительного горизонта между помещениями сохранялся проход шириной около 1,5 м.

Пол помещения 4 на уровне первого строительного горизонта зафиксирован на небольшом участке, на глубине 0,95 м, на уровне второго строительного горизонта — на глубине 1,6 м (толщина слоя замазки 10 см), на уровне третьего — на глубине 2,85 м. Полностью контуры помещения выявлены только для третьего строительного периода. Помещение имело неправильную форму. Вдоль короткой (1,6 м) западной стены сохранились 3 ступени, ведущие наверх, к северо-западному углу. Длина каждой ступени 1,2 м, ширина 60 см. У юго-западного угла на уровне пола был, видимо, стенной очаг, в настоящее время совершенно разрушенный. Над ним на отметке 1,22 м во второй строительный период существовал еще один камин. Глубина его 30 см, ширина 45 см. Его стенки, образующие полусферический свод высотой 25 см, хорошо прокалены. Рядом обнаружены остатки жаровни или сковородки. В завале третьего строительного горизонта кроме керамики найдены бусина, обломок глиняной зооморфной фигурки и костяной шумек.

Северная, дугообразная стена помещения была разрушена и засыпана слоями мусора, как и стены помещения 1. Мусор занимал лишь северную часть помещения, проникая в него, видимо, через пролом в стене

Проход между помещениями 1 и 4, продолжаясь к юго-западу, в направлении улицы, разделял помещения 4 и 5. Последнее оконтурено не полностью: его южная стена оказалась под бровкой раскопа. Контуры помещения первого строительного горизонта не сохранились, остались лишь нижняя часть хума и куски обмазки трех ям-хранилищ диаметром 40 см и глубиной около 60 см. Во второй строительный период помещение имело трапециевидную форму, пол был на глубине 1,5 м. В северо-западном углу помещения сохранился хум без венчика, врытый в пол у восточной стены, в 15 см от нее и в 35 см от южной бровки раскопа — яма-хранилище овальной формы размером 70×45 см, глуби-

ной 40 см, толщиной стенок—5 см. Яма заполнена рыхлой землей с обломками кирпичей. В заполнении обнаружено много обугленных стеблей камыша.

Еще один пол расчищен на глубине 2,3 м. Судя по нему, помещение имело те же контуры, только восточная стена на 10 см была сдвинута восточнее. Вдоль стен располагалась суфа высотой 20 см. Ширина ее варьировала: у северной стены — 1 м, у восточной — 65 см, западной — 40 см. В южной части, под самой бровкой, находились ступени, ведущие наверх.

На западной суфе устроен заком овальной формы, размером 75×45 см. Сохранившаяся высота стенок — 20 см, толщина их — 5 см. Рядом — обгоревшие остатки, видимо, примитивного тандыра. Стенки его образованы многочисленными слоями горизонтально уложенных стеблей камыша, обмазанных глиной. Диаметр тандыра — 75 см, сохранившаяся высота стенок — 20 см. Тандыр, видимо, был довольно хрупким, судя по многочисленным его обломкам, среди которых сохранился фрагмент венчика, прямого, слегка отогнутого наружу. Пол помещения и часть северной суфы были покрыты на 20—30 см слоем черепков, в основном обломков хумов, а также кухонных горшков и рыхлого теста. Здесь встречены верхняя часть широкогорлого кувшина с покатыми плечиками, покрытого светлым ангобом, обломки обгоревших кирпичей, углей, обугленные семена проса и ячменя, глиняное пряслице. Судя по завалу, помещение погибло от пожара, но стены обгорели лишь в двух местах. Видимо, его следует отнести к третьему строительному периоду.

В помещении 5 а зафиксировано три уровня полов: на глубине 1,35, 1,6 и 2,6 м. На уровне пола 2 сохранились остатки суфы высотой около 10 см. Ширина западной суфы 80 см, северной — 40 см. В юго-восточном углу имелся выход на улицу, видимо, не ступенчатый, как в других помещениях, а пандусный. Ширина прохода 90 см.

Помещение на уровне пола 3, очевидно, относится к третьему строительному периоду, поскольку западная стена на этом уровне перестраивалась. Открытая часть помещения, прямоугольной формы, характеризуется наличием суфы вдоль стен. Ширина восточной суфы — 90 см, северной — 1,1 м, высота — 10 см. Хорошо сохранилась ее обмазка. Западная суфа на 5 см выше, длина ее до северо-западного угла помещения 1,6 м, ширина 1 м. С юга к ней примыкает прямоугольный заком, расположенный также вдоль стены. Его размер 90×80 см, толщина стенок 5 см, сохранившаяся высота 20 см. Он был заполнен рыхлой землей в смеси с углем. В юго-западном углу его найден плохо сохранившийся череп человека: части затылочной и теменной костей и несколько зубов. Череп, возможно, подвергся искусственной деформации. Далее к югу под бровку уходит еще один заком многоугольной формы. Сохранившаяся высота его стенок 25 см.

На восточной суфе, в 1,4 м от северо-восточного угла помещения, устроен заком овальной формы размером 90×65 см, толщиной стенок 5 см, сохранившейся высотой 30 см. К югу и северу от него на суфе венчиком вниз установлены хумы. Венчики целые, стенки же неровно

обломаны. Снаружи хумы были обмазаны глиной, так же был обмазан внутри венчик, в результате чего он приклеился к поверхности суфы. Диаметр южного венчика 25 см, северного — 33 см. В юго-восточном углу помещения сделаны ступени, ведущие наверх, высота каждой 10 см. В рыхлом завале на полу найдено глиняное пряслице, миниатюрный сосуд, покрытый темным ангобом, обломок железного предмета, фрагменты керамики, главным образом хумов. На суфах и полу — следы пожара.

К западу от помещения 5 а на глубине 2,6 м расчищена часть помещения 5б, также трапециевидного в плане. Западная стена его не найдена. Сохранились суфы высотой 25 см вдоль стен, обмазка которых, как и пол, обгорела. В северо-восточном углу — заком, сохранившийся на высоту 35 см. На полу, как и в помещениях 5 и 5 а, — сплошной слой обломков керамики, главным образом хумов.

Позднее помещение 5 б не перестраивалось. На разных глубинах зафиксированы плотные наклонные поверхности, перекрывавшие его и примыкавшие к его восточной стене, являвшейся и внешней стеной помещения 5 а.

Таким образом, все три помещения, расположенные в ряд, видимо, существовали одновременно в качестве кладовых и погибли от пожара.

К северу от помещения 5 б, видимо, было еще одно — 3 а, так как примерно на том же уровне обнаружен участок пола с обмазкой. Между помещениями 5, 5 а и 3 расположены три небольших помещения 2 а, 2 б и 2 в, не имеющих северной стены. В помещениях 2 а и 2 б на глубине 1,8 м обнаружена плотная поверхность (пол), в помещении 2 в на глубине 2,3 м в юго-восточном углу — остатки закрома. На этом уровне рядом найдены две заготовки из рога и изогнутая костяная пластина. Видимо, в более раннее время, в третьем или четвертом строительных периодах, здесь были помещения, позднее частично перекрытые помещением 3 и потерявшие свое значение.

Помещение 6 расположено южнее помещения 4 и имеет с ним общую стену. Здесь фиксируются два уровня полов и кроме того самый низ стен верхнего, не сохранившегося, помещения. Восстанавливается интерьер помещения на уровне пола 2 на глубине 0,91 м. Параллельно западной стене, в 0,9—1 м от нее, располагалась перегородка шириной 45 см, сложенная из кирпичей, положенных тычком. Она примыкала к северной стене, а южный ее конец в 1,4 м от южной стены плавно закруглялся и шел к восточной стене уже шириной 10 см. Сохранившаяся высота перегородки — 14 см. Между меридиональной перегородкой и южной стеной помещение имело очаговое углубление глубиной 10 см, размером 1,5×0,8 м, заполненное слежавшейся золой. Здесь обнаружены 2 двурогие очаговые подставки, выполненные из рыхлого теста с примесью шамота. Одна из них орнаментирована круглыми вдавлениями. Кроме того, на полу найдена керамика: обломки хумов, фрагменты глубоких чаш с прямым, слегка загнутым и скошенным внутрь венчиком, фрагменты кувшина, обугленные клочки шерсти и зерна ячменя, проса и пшеницы.

Пол 3 находится на глубине 1,34 м, помещение по этому уровню не расчищалось.

Раскоп V примыкал к раскопу II. Границей между ними служила северная улица. Здесь выявлены остатки шести помещений, из них три раскопаны полностью по уровню второго строительного горизонта.

Помещение 21 размером 6,5×5,3 м ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением. Высота сохранившихся стен 0,7 м. Вход в помещение коленообразный, шириной 1,2 м, сделан с наклоном в 25°. Стены (ширина 0,4 м) при входе и пандус имеют несколько слоев обмазки (рис. 20).

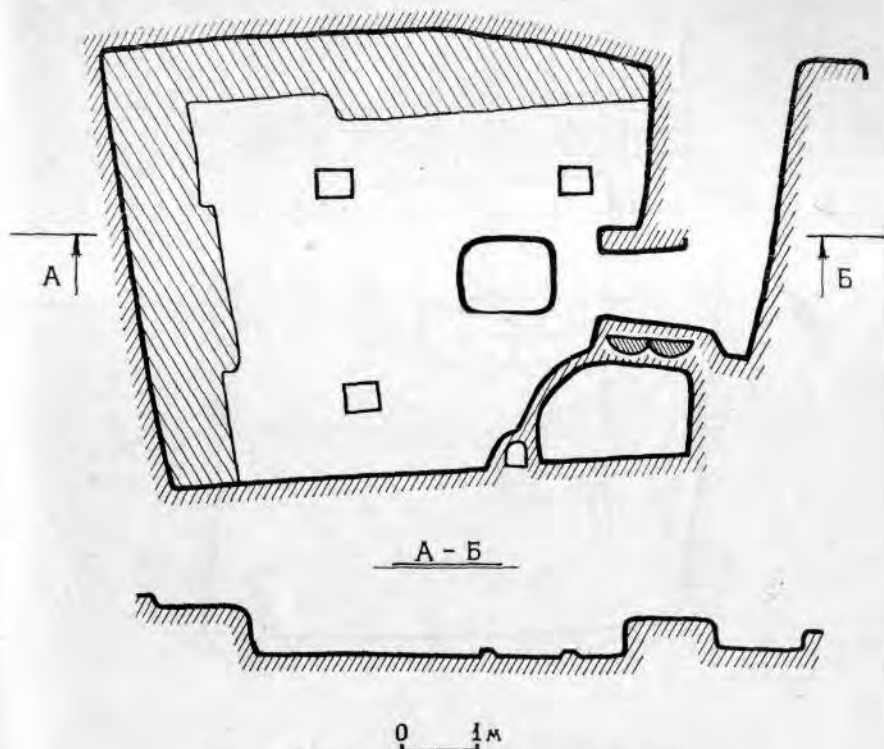

Рис. 20. Кок-Мардан. План жилища VI—VII вв.

Сразу у входа находилась печь размером 1,55×0,55 м, со стенками толщиной 0,1 м. Ее обмазка светло-серого цвета была сильно прокалена. В профиль печь напоминала восьмерку. Внутри нее земля прокалена на глубину 0,2—0,3 м. Возле печи были обнаружены фрагменты кухонного котла.

Юго-восточный угол помещения имел хозяйственное назначение, на что указывают остатки сохранившихся закромов. Ширина закромов у основания 0,1 м, сохранившаяся высота 0,15—0,2 м.

Напротив входа, почти в центре помещения, располагался сильно разрушенный очаг размером $1,15 \times 0,85$. Бортики имели высоту $0,05$ м и ширину $0,04$ м. Очаг долго использовался, судя по сильной прокаленности восточной половины и обильной зольной прослойке в западной половине. Вдоль двух стен была устроена суфа шириной $1-1,2$ м и высотой $0,3-0,4$ м. Участок суфы напротив входа имел в центре выступ-эстраду длиной $2,4$ м и шириной $1,8$ м. В северо-западном и северо-восточном углах обнаружены две прямоугольные ямки размером $0,45 \times 0,4 \times 0,1$ м. Возможно, в них находились деревянные базы опорных столбов перекрытия.

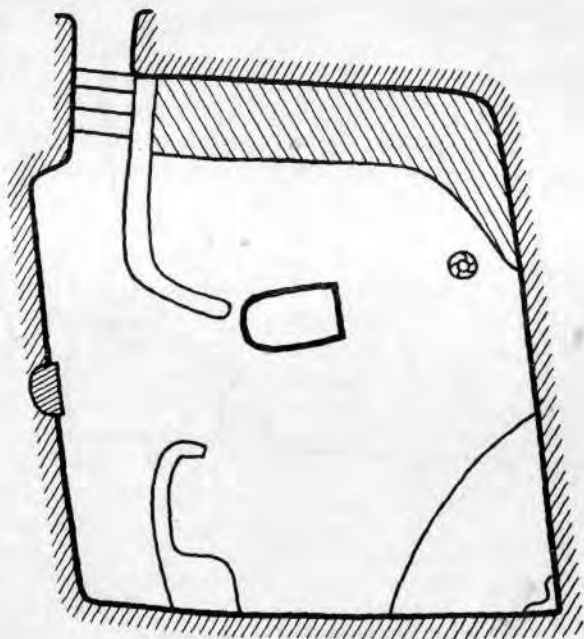

Рис. 21. Кок-Мардан. План жилища III—VI вв.

Помещение 22 прямоугольное в плане размером $5,6 \times 4,8-5,6$ м, сохранившаяся высота стен 1 м (рис. 21). Вход в помещение располагался в юго-западном углу. Сразу у входа, в южной стене находился камин. Помещение разделено на две части двумя простенками с закругленными концами. При входе из прихожей в жилую комнату находился напольный очаг, плохо сохранившийся.

В северо-восточном углу помещения располагался алтарь в виде

овала, перед ним — возвышение. На всей поверхности подиума прослежен угольно-золистый слой толщиной 2—2,5 см. Однородность слоя, его одинаковая толщина позволяют предполагать, что это результат ритуала, связанного с возжиганием. Восточная стена имеет две обмазанные изнутри ниши: на высоте 0,6 м от уровня суфы и 1,5 м от северо-восточного угла.

К западу от суфы, на расстоянии 0,2 м от северной стены находился хум, от которого сохранилось дно.

С улицы в помещение вели 3 или 4 ступеньки, выложенные из сырцового кирпича.

Помещение 23 размером 5,6×4,8 м также прямоугольное в плане. Высота сохранившихся стен 0,7 м. Почти в центре его находился очаг размером 0,85×0,65 м. Северная часть очага носит следы сильного прокала. В северной стене помещения, почти на уровне пола находился

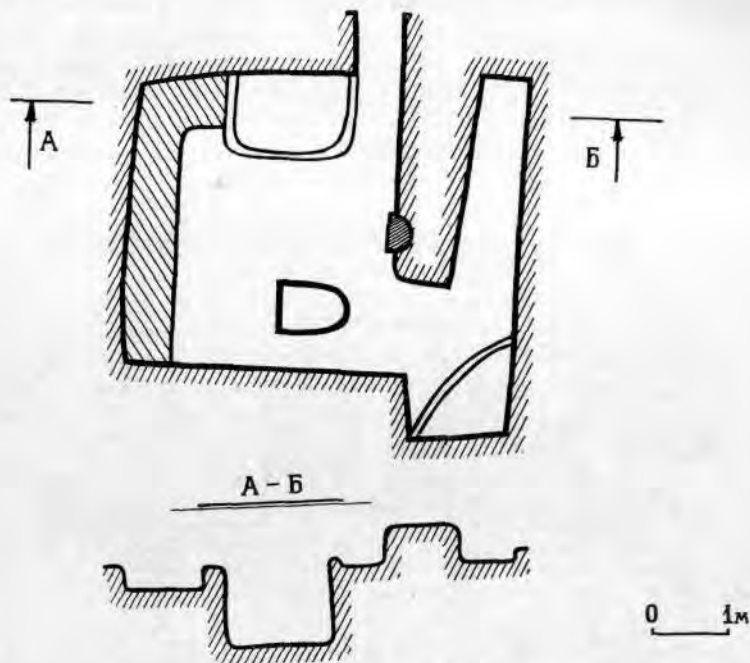

Рис. 22. Кок-Мардан, План жилища VI—VII вв.

камин плохой сохранности. Дверь в помещение обнаружить не удалось. Вероятнее всего, она была в северо-западном углу, так как обычно очаг располагался рядом с дверью.

Закрома имеют плохую сохранность. В самом углу помещения обнаружен сосуд, горловина которого находилась на уровне пола. Сверху он закрыт зернотеркой.

Заполнение помещения было плотным, а в северо-западном углу на-

ходился завал из кирпича, возможно, остатки разрушенных входных ступенек.

Помещение 24 размером $7 \times 3,7$ м соединялось с северной улицей дверным проемом шириной 0,8 м. Подпрямоугольное в плане, оно было вытянуто вдоль улицы. Ближе к центру находился напольный очаг с закругленным краем. В южной половине устроены два подпрямоугольных закрома из полос сырой глины.

Помещение 25 состояло из двух частей — жилой ($4 \times 3,5$ м) и кладовой ($1 \times 5,5$ м) (рис. 22). Вход в него вел с «диагональной» улицы. Вдоль двух стен располагалась г-образная суфа шириной около 1 м и высотой 0,3 м. Рядом с входом находился прямоугольный загром, выполненный из полос сырой глины, размером $1,5 \times 1$ м. Одна из его стенок образует тамбурный вход в жилище. На полу, ближе к центру находился очаг с закругленным краем. Кладовая представляла собой узкий отсек, в западном углу которого находился секторальный загром.

В помещении 21 в районе очага были обнаружены два фрагмента изделий из железа, между очагом и остатками хума на уровне пола — бронзовый эллипсоидный браслет с обломанными концами. Здесь же встречены два железных ножа, фрагмент железного орудия.

Большинство керамики происходит из помещения 21. Часть ее изготовлена на гончарном круге, но большая вылеплена от руки.

Раскоп VI примыкал к раскопу V с северо-западной стороны. Здесь частично или полностью по уровню второго строительного горизонта вскрыто 11 помещений (рис. 23).

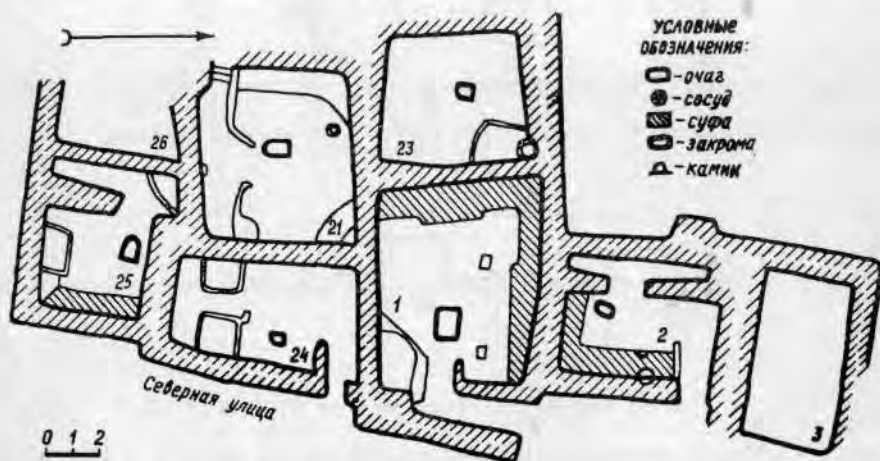

Рис. 23. Кок-Мардан. План раскопов V—VI.

Особый интерес представляет *помещение 2* размером $4 \times 5,3$ м с плотным заполнением. Стены его выложены из сырцового кирпича и сохранились на высоту 0,4—0,5 м. Посередине восточной стены на глубине 0,2 м от уровня пола находился плохо сохранившийся камин, раз-

мер и форму которого установить не удалось. Перед камином — суфа, примыкающая к южной и восточной стенам, размером $1,2 \times 4,5$ м. У южной стены расположен напольный очаг эллипсовидной формы, размер которого $0,6 \times 0,35$ м. Местонахождение дверного проема установить не удалось, видимо, он находился в северо-восточном углу помещения и выходил на северную улицу.

В помещении 4 размером $4,9 \times 7,5$ м обмазка на стенах не сохранилась. В середине южной стены обнаружен камин плохой сохранности, заглубленный на 0,2 м от дневной поверхности. Перед очагом — плотная сырцовая площадка, видимо, остатки суфы. Суфа и камин, по всей вероятности, относятся к первому строительному горизонту. По всей площади помещения, за исключением юго-западной части, заполнение слабое, угольно-зольное, слоистое. Помещение не докопано, пол выявить не удалось.

Помещение 5 квадратное в плане со стороной 5 м вскрыто по уровню первого строительного горизонта. Ширина стен 0,6—0,8 м. В юго-восточном углу обнаружен вкопанный хум, венчик которого располагался на уровне пола, а также плохо сохранившиеся закрома. В восточной стене находился камин плохой сохранности.

Помещение 7 размером $5,6 \times 4$ м было заполнено рыхлой глиной, перемешанной с золой и гумусом. При расчистке помещения встречались кости животных. Возможно, когда помещение перестало функционировать как жилия комната, его использовали для свалки мусора. С северной стороны к нему примыкало прямоугольное строение. Судя по размерам (23×4 м) и толстому слою гумуса (30—50 см) красно-коричневого и коричневого цвета, это был двор.

В помещении 8 размером $4,5 \times 6,2$ м стены сохранились на высоту 0,9 м. Они выложены из качественного сырцового кирпича желто-серого цвета размером $35-40 \times 20-25 \times 8-11$ см. Г-образный простенок делил помещение как бы на прихожую и жилую часть. Сохранившаяся высота простенка 0,55 м, длина до изгиба 0,95 м, ширина 0,4 м. Он выложен из сырца и обмазан.

В северной стене помещения, на высоте 0,4 м от уровня пола был устроен камин, плохо сохранившийся. В северо-западном углу прослеживались остатки тумбы высотой 0,05 м при диаметре 0,9 м. Она выполнена из пахсового монолита желто-бурого цвета. У изгиба простенка расположен напольный очаг размером $1 \times 0,7$ м, глубиной 0,1 м. Северная половина его сильно прокалена, в южной находилась зола.

Одно строение вначале определили как помещение 9, но дальнейшее углубление натолкнуло на мысль, что это двор, в который попадали из проулка, отходящего перпендикулярно северной улице. Из двора, видимо, был вход в помещение 11. Последнее, прямоугольное в плане, размером $29 \times 6,7$ м. Стены шириной 0,5—0,6 м сохранились в высоту на 0,75 м. Помещение имело мощное угольно-зольное заполнение.

Вход, вероятнее всего, находился в юго-восточном углу. В этом же углу у восточной стены обнаружены остатки камина, фрагменты кухонного котла и участок обмазанного пола, плавно переходящего в восточ-

ную стену. В месте предполагаемого дверного проема обнаружены остатки истлевшей древесины, возможно, двери или дверной коробки.

Как видно, почти все описанные помещения прямоугольные в плане, выложены из сырцового кирпича хорошего качества. Пол и стены сохранили следы обмазки. Обычно в середине помещения находился напольный очаг, который служил для его отопления, а при входе, в одной из стен устраивался камин. Почти в каждом помещении встречаются суфы.

Иногда помещения делятся внутрикомнатным простенком на две части, одна из которых используется как кладовая. Кое-где на полах расчищены ямки от деревянных баз колонн перекрытия.

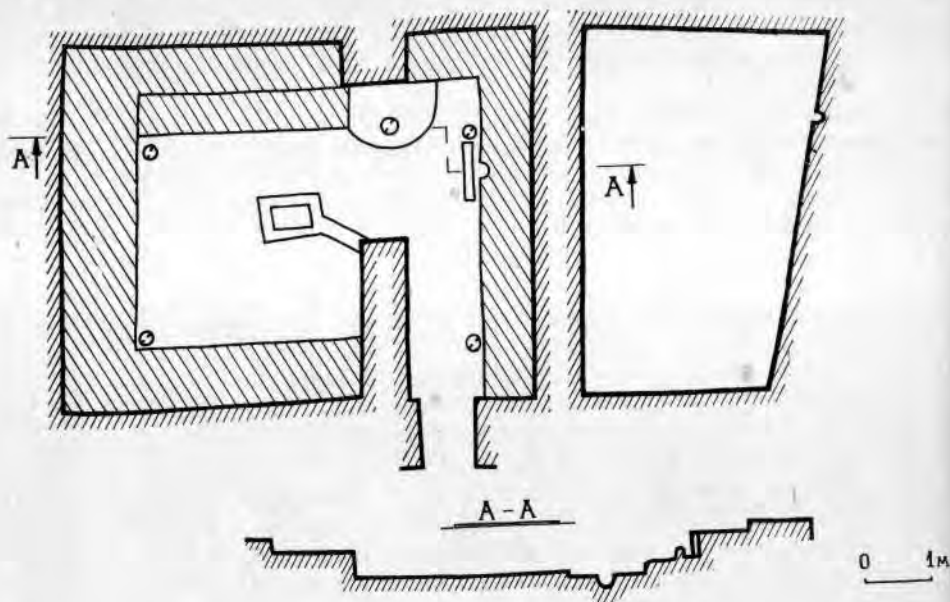

Рис. 24. Кок-Мардан. План жилища VI—VII вв.

Раскоп VII в центральной части поселения вскрыл двухкомнатный дом по уровню второго строительного горизонта. Жилое помещение дома прямоугольное в плане, размером $7 \times 5,5$ м, ширина стен 0,7 м. В восточной стене выявлен проход шириной 75 см, ведущий на улицу. Короткой перегородкой шириной 75 см, длиной 2,25 м помещение разделено на 2 части (рис. 24).

На глубине 25 см зафиксирована суфа, хорошо обмазанная глиной светло-желтого цвета, располагавшаяся по периметру стен. Ширина ее у юго-западной стены 1,25 м, у северо-западной — 75 см, северо-восточной — 75 см и юго-восточной — 80 см, высота 25 см.

В процессе расчистки заполнения встречены обломки сырцового кирпича, упавшего со стен, прослойки горелого камыша и дерева кровли. На глубине 70 см был обнаружен пол, обмазанный светло-желтой

глиной, а на нем — фрагменты керамики, каменное точило, сурьматаш. Северо-западная суфа была двухступенчатой, нижняя — шириной 65 см и высотой 25 см. В центре помещения располагался очаг (50×75 см) подпрямоугольной формы, окаймленный бортиком шириной 20 см и высотой 5 см. В заполнении очага отмечены зола и обломки керамики. От очага отходил бортик шириной 20 см, упирающийся в стену. На уровне пола помещения (по углам, у основания суфы) выявлено 5 лунок, предназначенных для столбов, подпиравших кровлю. В северо-восточной суфе выявлен камин, перед ним на полу — экран в виде прямоугольного выступа высотой 20 см, размером 80×10 см, обмазанного светло-желтой глиной. Камин и часть экрана, обращенная к нему, прокалены. В северо-западной части помещения под суфой в полу зафиксировано овальное углубление (1×1,25 м) с лункой для столба в центре. В углублении обнаружены астрагалы барана.

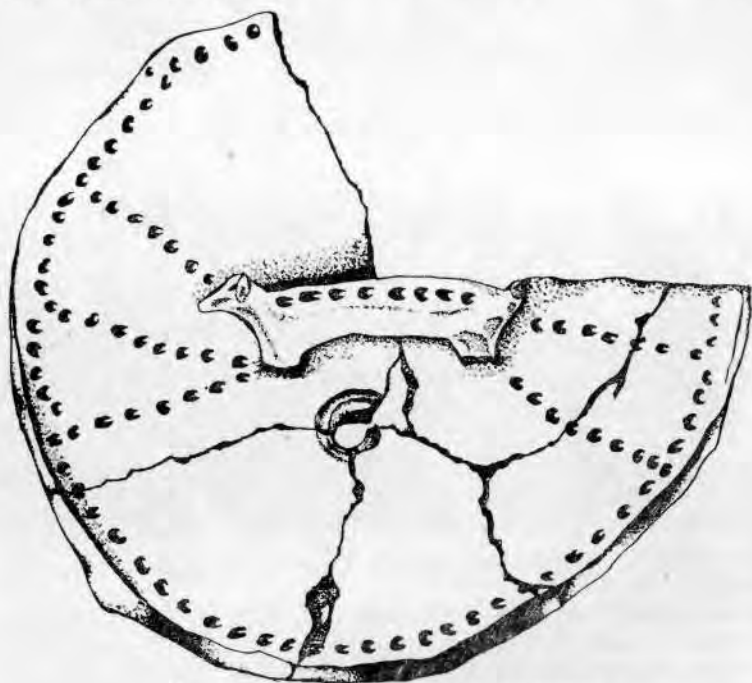

Рис. 25. Кок-Мардан. Глиняная крышка

Основной материал из раскопов — керамика — образует два больших комплекса: керамика первого (верхнего) и второго горизонтов и керамика третьего строительного горизонта, — относительно однотипных. Посуда делится на кухонную: котлы, горшки, крышки, сковороды, подставки; предназначенную для хранения продуктов, их транспортировки — хумы, хумчи, горшки, фляги, кувшины, крынки; столовую — кувшины, миски, кружки, кубки. Отдельную группу керамических изделий

составляют светильники, детские игрушки, грузики ткацких станков, пряслица.

В кухонной посуде преобладают горшки — приземистые сосуды с округлым туловом, невысоким горлом и слегка отогнутым наружу венчиком. Диаметр горла обычно меньше диаметра дна.

Крышки различных размеров — от небольших, диаметром 10—12 см, до крупных, диаметром 25—30 см. Встречаются экземпляры с петлевидной ручкой в центре или сбоку, с овальным отверстием для выхода пара. Особенно интересны крышки с ручками в виде животных (рис. 25).

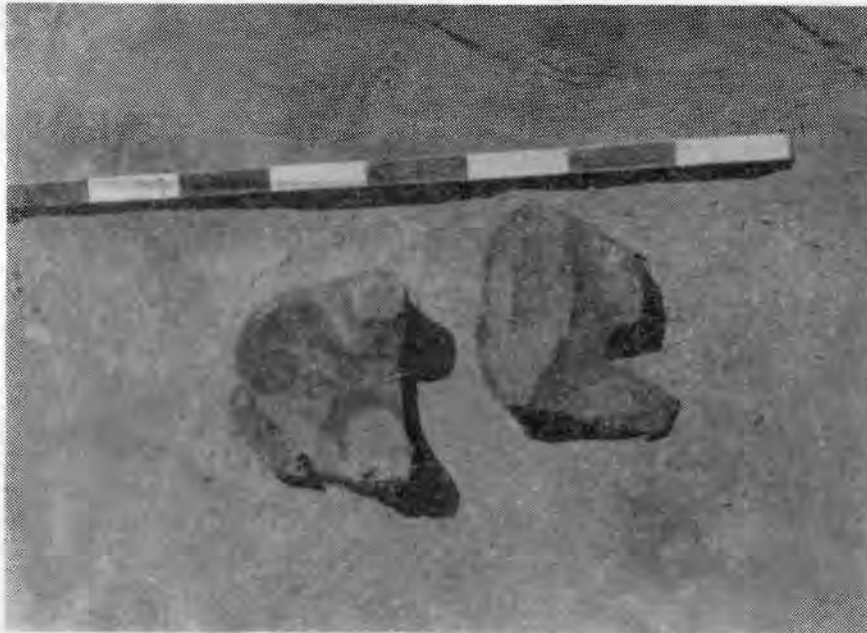

Рис. 26. Кок-Мардан. Очаговые подставки

Особую группу керамических изделий образуют подставки в виде стилизованных изображений головы быка с подчеркнuto массивными рогами. Поверхность их украшалась ямочными вдавлениями (рис. 26).

Посуда для хранения и транспортировки воды и продуктов питания изготавливалась из плотного отмученного теста ленточной техникой вручную или при помощи подставки. Преобладают хумы и хумчи. Для хумов характерны массивные прямоугольные в сечении венчики с выступом посередине. Встречаются также подтреугольные и круглые в сечении.

Хумчи имеют удлиненное асимметричное тулово, прямоугольные или овальные в сечении венчики.

Большую группу составляют горшковидные сосуды, почти все пок-

рытые белым, а также розовым и красным ангобом. На тулове, как правило, видны следы заглаживания каким-то округлым предметом, видимо, черепком.

Водоносные кувшины имеют широкое короткое горло, переходящее в заостренный, слегка отогнутый наружу венчик, ромбический в сечении. Тулово с покатыми и обвислыми плечиками. Ручки, овальные, прямоугольные с желобком, прямоугольные в сечении, соединяют венчик с плечиками или прилеплены верхним концом чуть ниже венчика.

Немало кувшинов с горизонтальными ручками на тулове.

Для группы водоносных кувшинов характерно такое сочетание элементов, как коричневый ангоб и рифление горла. Зачастую это не рифление, а зона частых резных или вдавленных концентрических линий.

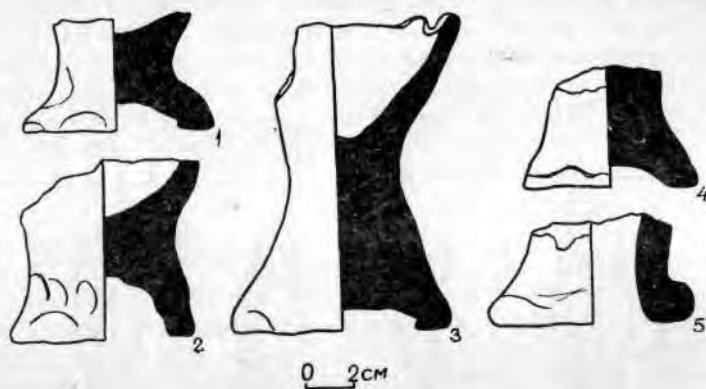

Рис. 27. Кок-Мардан. Светильники верхнего строительного горизонта

Столовая посуда в основном представлена красноангобированной керамикой. Тесто изделий плотное, звонкое, обжиг розовый. Красный ангоб сочетается с лощением. Часть этой керамики сделана на круге. Формы краснолощеной столовой посуды разнообразны.

Кружки нескольких типов, среди которых наиболее распространены сосуды изящных пропорций с прямой шейкой, отогнутым венчиком и округлым туловом. Ручка соединяет тулово с краем венчика. Сюда же относятся кувшинчики, чаши и кубки.

Группу бытовых изделий из керамики составляют светильники. Их делали из рыхлого с шамотом теста, снаружи замывали. Резервуар с расширяющимися стенками опирался на короткую коническую ножку на кольцевидном поддоне (рис. 27). Аналогии этой керамике имеются в комплексах отарско-каратауской, каунчинской и джетыасарской культур Сырдарьи VI—VIII вв.

Однако в комплексах керамики верхнего и второго строительных горизонтов Кок-Мардана появляются новые типы посуды. Это энохоевидные краснолощенные кувшины, краснолощенные кружки с кольцевыми ручками реберчатых очертаний — подражание тюркской торевтике. Воз-

никновенне нового стиля Б. И. Маршак относит к VII—VIII вв.¹ В качестве датирующего элемента выступает керамика с резным растительным орнаментом, находящая аналогии в посуде VII—VIII вв. из «болотных» городищ низовьев Сырдарьи².

Немногочисленная керамика третьего горизонта имеет ряд отличительных признаков. Так, у хумов этого времени более разнообразна профилировка венчиков. Наряду с прямоугольными в сечении венчиками много округлых и в виде запятой. Меньше водоносных кувшинов с рифлением, невелик процент краснолощеной керамики. Зато есть посуда с черным лощением (кувшин с носиком). Светильники более массивные, встречаются длинные столбовидные ножки с манжетом-упором. Отсутствуют крышки с цилиндрическими навершиями. Этот керамический комплекс находит аналогии в керамике второго этапа отрарско-каратауской культуры, определяемого V—VI вв.³ Именно этим временем следует датировать комплексы построек, вскрытых по уровню третьего строительного горизонта.

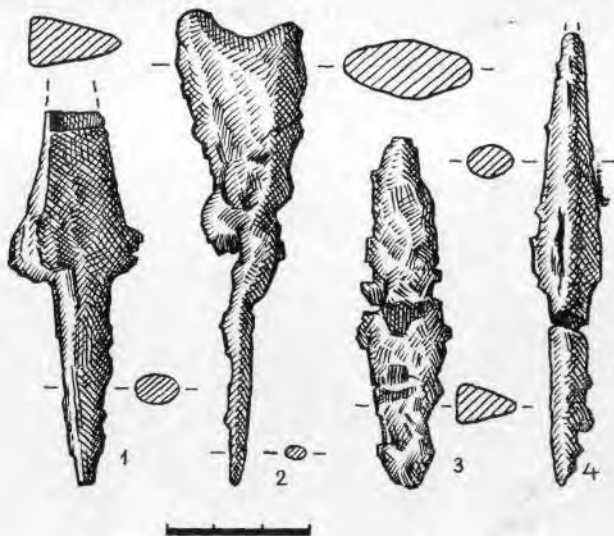

Рис. 28. Кок-Мардан. Изделия из железа

Остальной материал из раскопов представлен изделиями из металла (оружие, орудия труда, бытовая утварь), поделками из кости и рога, каменным инвентарем, ювелирными украшениями (бусы, браслеты, перстни, амулеты из камня, кости).

¹ Маршак Б. И. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник: (К методике изучения керамических комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965. С. 25.

² Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 80—81. Рис. 20, 85, 86, 111.

³ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 224.

Железо, возможно, плавил на самом городище: здесь найдены крицы. Все изделия из него — серпы, ножи, наконечники стрел, чоты — сохранились плохо. Серпы с характерной изогнутостью, тупым обушком, длиной лезвия 10—14 см. Чоты имеют подпрямоугольное лезвие, переходящее в разомкнутую вилку. Ножи черешковые, однолезвийные, длиной 10—12 см. Наконечники стрел двух типов: черешковые с треугольным лезвием, клиновидным в сечении, трехлопастные с выделенным бойком (рис. 28).

Собрано большое количество жерновов и зернотерок диаметром от 25 до 35 см. На рабочих поверхностях некоторых жерновов имеются борозды, радиально расходящиеся. Много различного рода терочников в виде шаров с уплощенными поверхностями и пестов. Встречены кольцевидные утяжелители мотыг. Материал — гранит, песчаник, сланцы серо-розового, бордового, темно-синего и черного цветов.

Из костей и рога изготавливали накладки сложного лука, ручки ножей, застежки, шилья и орудия для обработки шкур. Интерес представляют костяные булавки с головками длиной 12—14 см. Украшения, амулеты делали из золота, бронзы, камня, рога и кости.

Уникальной находкой является бляшка из золотой фольги со вставкой из красного камня, околнуренной ложной зернью. Найдены кольца из медной проволоки, обломки браслетов из бронзы, различного рода бляшки.

Собрана коллекция бус из полудрагоценных камней: граната, сердолика, бирюзы; стеклянные — синего, черного, голубого цветов. Среди них выделяется бусина черного цвета с желтыми глазками, окаймленными белыми кружками. В коллекции есть бусы из раковины каури.

Амулеты сделаны из просверленных фаланг животных и птиц. Один миниатюрный амулет изготовлен из окатанной гальки в виде головки хищной птицы.

Таким образом, предварительный анализ стратиграфии памятника, планировки жилищ, строительной техники, керамики и других изделий позволяет датировать слои городища Кок-Мардан V — первой половиной VII в.

Пшук-Мардан

Раскоп на цитадели. Цитадель городища представляет собой двухъярусный подчетыреугольный бугор высотой до 12 м, размером 70×100 м с овальными углами, ориентированный с севера на юг. Со всех сторон он окружен рвом, связанным со старицей реки Арысь. Восточный фаз бугора крутой, западный — пологий. По своим топографическим признакам городище относится к типу «тобе с площадкой», довольно широко распространенному в Южном Казахстане и сопредельных регионах.

Вокруг цитадели расположен плоский бугор высотой 3—4 м — остатки рабада (рис. 29). Он также окружен рвом, направление которого обозначено густыми зарослями тамариска и травы. В микро топографии

бугра читаются остатки строений, объединенных в массивы, и контуры улочек.

Стратиграфический раскоп был заложен на верхней площадке бугра, в 7—8 м от восточного фаса. Первоначальная площадь (30 кв. м) сокращалась по мере углубления.

Результаты раскопок позволяют говорить пока о двух строительных горизонтах.

В первом строительном горизонте зафиксированы конструкции здания, возможно, двухэтажного. На цокольном этаже обнаружено место стыковки двух сводчатых коридоров, уходящих в северо-восточном направлении. Этот участок имел форму небольшого четырехугольного помещения (1,7×1,6 м). Ширина северного коридора 1,1 м, восточного— 0,85 м, высота — 2,5 м, высота свода — 1,2 м. Поперечный и продольный срезы кладки свода показали, что выложен он способом «ложного сво-

Рис. 29. План городища Пшук-Мардан

да» — горизонтальными слоями пахсы и сырца напуском. В замке находится обычный сырец, уложенный длинной осью поперек коридора. Изнутри свод покрыт толстым слоем обмазки. Обмазка стен сохранилась хуже, растрескалась, местами отслоилась, видимо, в результате их деформации. Между сводом цокольного этажа и полом второго этажа — толстая (0,7 м) вымостка из сырца и пахсы. При выборке грунта керамический материал не обнаружен: сплошной слой завала. Лишь при частичной расчистке коридора была найдена горловина кувшина с носиком-сливом.

На небольшом участке (1,5 кв. м), заглубленном ниже пола цоколь-

ного этажа, вдоль стен коридора отмечены забутовка и продолжение вниз кладки. Попадались угольки, фрагменты костей, несколько невыразительных фрагментов керамики. Незначительная площадь раскопа не позволила установить характер наслоений.

Пол второго этажа зафиксирован в северо-западном углу раскопа на глубине 1,8 м. С ним связаны северная, южная и западная стены. В разрезе помещения читаются слои завала восточной стены, чередующиеся с зольными прослойками. В завале найдены три фрагмента горловин сосудов.

Стены, толсто обмазанные, сложены так же, как стены цокольного этажа — комбинированной кладкой сырцовых кирпичей и пахсовых слоев. В ходе первого ремонта второго этажа южная стена увеличилась в толщине с 0,7 до 1,1 м. В этом дополнительном слое была устроена ниша, которая лишь частично попала в площадь раскопа. В результате очередной перепланировки второго этажа вдоль западной границы раскопа появилась стена. В северо-восточном углу обозначился угол еще одного помещения второго этажа, которое полностью осталось за пределами раскопа. Одна из стен этого помещения также была утолщена до 1,5 м.

Полы конструкций верхнего строительного горизонта зафиксированы на глубине 1—0,7 м. Стены являлись продолжением стен второго этажа основного строительного горизонта. Видимо, после небольшого периода запустения их нарастили и покрыли дополнительным слоем штукатурки. Кроме того, были возведены и новые стены, значительно изменившие планировку основного строительного горизонта. При расчистке завалов на полах первого строительного горизонта собраны многочисленные фрагменты керамики. В южном разрезе зафиксированы два уровня полов верхнего строительного горизонта. В восточном срезе между двумя стенами, уходящими к восточному фасу бугра, выявлен толстый слой «свалки». В первом ярусе выкопанной здесь траншеи зафиксирован пол верхнего строительного горизонта и связанные с ним стены. Ниже проявились оштукатуренные и обгорелые местами стены узкого (1,8 м) коридорообразного помещения, примыкавшего к восточной внешней стене, видимо, второго этажа основного строительного горизонта. Оно заполнено завалом перекрытия, слоями золы, углей. Очевидно, после обвала перекрытия до возведения над ним стен верхнего строительного горизонта этот узкий участок некоторое время служил местом свалки. Весь керамический материал отсюда, по всей вероятности, можно связать с верхним строительным горизонтом.

Таким образом, хотя стратиграфический раскоп на цитадели нельзя считать завершенным, ясно, что в основе бугра находятся остатки фундаментальной постройки, сохранившаяся высота стен которой достигает 4 м. После разрушения помещения были забутованы, остатки стен верхнего этажа надстроены, возведены новые стены, связанные уже с верхним строительным горизонтом.

Раскоп на рабаде. Рабад Пшук-Мардана имеет форму вытянутой с востока на запад полуподковы размером 150×60 м, высотой 4—1,5 м, опоясанной рвом шириной около 10 м.

Раскоп в средней части рабада размером 16×14 м охватил жилой комплекс из четырех помещений. На глубине 1,2—1,3 м во всех помещениях был вскрыт пол первого строительного горизонта. Стены выполнены из сырцового кирпича размером 40×20×10 см, пахсы и обмазаны глиной с примесью соломы. Пол обмазан неровно, покрыт зольным слоем.

Помещение 1 прямоугольной формы, имеет в восточной стене дверной проем. С южной стороны к помещению примыкало еще одно, небольшую часть которого удалось вскрыть. В стене последнего располагался очаг-камин на невысокой платформе.

Помещение 2, также прямоугольное в плане, связано с помещением 3 дверным проемом в северной стене. Пахсовыми перегородками с дверным проемом оно разделено на две части. В восточной установлен напольный очаг открытого типа в виде округлого углубления в полу и рядом заком, в западном углу на уровне пола обнаружены фрагменты керамики и остатки плетеной камышовой подстилки.

Помещение 3, в плане прямоугольное, имеет три дверных проема, связывающих его соответственно с коридором, помещениями 2 и 4. В западной части у дверного проема находился очаг-камин; в центре фиксируется каменная выкладка и керамика.

Помещение 4 подквадратной в плане формы, в северной стене имеет дверной проем. В восточном углу на уровне пола найден водоносный кувшин. Рядом с очагом открытого типа находился раздавленный кухонный горшок и части роговидной подставки под сосуд; в западной части помещения обнаружен водоносный кувшин.

Хорошо прослеживается восточная стена коридора, на уровне пола которого отмечены мощные зольники и фрагменты керамики.

Стены помещений 1 и 3 опирались на толстое основание горизонтально залегающих мощных зольников, в разрезе имели вид усеченного конуса. Основным строительным материалом служил кирпич-сырец размером 40×20×10 см, использовалась и пахса. На одной из поверхностей кирпичей, как правило, имелись борозды, сделанные палицами, реже — знаки, нанесенные на сырую глину.

Закрома яйцевидной формы размером 1×0,5 м выполнены из необожженной глины с примесью растительности. Они устраивались как внутри пахсового выступа-платформы, так и прямо в полу. Толщина их стенок 5—7 см.

Планировка жилого комплекса рабада городища Пшук-Мардан, приемы строительства, интерьер помещений находят широкие параллели в памятниках земледельческо-скотоводческих культур Сырдарьи. Аналогичное подквадратное расположение помещений отмечено на городище Ботай-тобе IV—VI вв.⁴, поселении Актобе-2 I—IV вв.⁵ Прямоугольный кирпич-сырец таких же размеров с бороздами и знаками на

⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 140. Рис. 104.

⁵ Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С. 17. Рис. 7.

одной из поверхностей известен на городище Шаушукумтобе IV в.⁶, на городищах Отрарского оазиса V—VIII вв.⁷

Анализ керамики свидетельствует о преобладании форм и орнаментами, присущих каунчиноидным культурам среднего течения Сырдарьи IV—V вв., и вместе с тем о влиянии джетысарских традиций⁸.

Таким образом, верхний строительный горизонт рабада Пшук-Мардана можно отнести к V—VI вв.

Костобе северное

Поселение расположено на левом берегу старой протоки Арыси, в 3 км к юго-востоку от городища Кок-Мардан. Бугор округлый в плане, диаметром 20 м и высотой 12 м. К нему примыкает площадка, треугольная в плане, со стороной 80 см.

Стратиграфический раскоп площадью 40 кв. м заложен у северного фаса основного бугра, который с южной стороны примыкает к нижней площадке. После снятия первого штыка в центре, вдоль длинной стороны раскопа, оконтурилось узкое коридорообразное помещение, расположенное между толстыми стенами комбинированной кладки. Верхний пол зафиксирован на глубине 30—35 см. На полу, покрытом глиняной обмазкой с белыми вкраплениями, собраны фрагменты кухонного горшка. В восточной стене на уровне этого пола расчищены очажки в виде округлых углублений, заполненных золой. Над полом — завал с множеством зольных прослоек.

На глубине 70 см в южной части помещения зафиксирован участок еще одного пола. Между полами — пахсово-сырцовый завал с множеством фрагментов толстостенных хумов. Обмазка пола сильно прокалена, как и фрагменты сохранившейся обмазки стен. Под полом сохранился слой прокаленного завала с зольными включениями и фрагментами хумов.

Пол находился на уровне основания второго яруса. В третьем ярусе фиксируется еще два уровня полов (4—5), разделенных слоями пахсовой забутовки. Мощный слой пахсового завала разделяет полы 5 и 6, расположенные на уровне основания четвертого яруса. Углубление на небольшом участке под уровень пола 6 выявило, очевидно, основание стен верхнего строительного горизонта: здесь под восточной стеной четко фиксируется слой (8—10 см) зеленоватого цвета.

Разрез западной стены показал, что возведена она методом комбинированной кладки: ряды сырцового кирпича толщиной 9—10 см проложены пахсой толщиной 5—6 см.

Можно полагать, что стратиграфический шурф прошел уровень верхнего строительного горизонта, который имеет шесть разновременных полов и датируется V—VI вв.

⁶ Там же. С. 88.

⁷ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ. Алма-Ата, 1958. С. 26—28. Рис. 4, 5.

⁸ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 187—188.

Костобе южное

Поселение расположено в 0,5 км к востоку от городища Кок-Мардан и представляет собой тобе с небольшой площадкой, пологой с южной стороны. В 60 м восточнее крайней оборонительной стены хорошо просматривается русло древнего оросительного канала. Диаметр основного бугра составляет около 40 м, высота от современной поверхности около 10 м.

Предварительные раскопки позволили установить время существования, выявить основные этапы жизни поселения⁹. Раскоп, заложенный между двумя старыми раскопами, охватил площадь 324 кв. м и выявил планировку по уровню второго строительного горизонта (рис. 30).

Хорошо выделяется один из домов (рис. 31).

Помещение 1 размером 5,55×5 м в центре раскопа имело пахсовые стены, сохранившиеся на высоту 35—40 см. Для устройства обнаруженного в нем открытого напольного очага использовано донце хума диаметром 38 см. Вдоль южной и западной стен располагалась суфа шири-

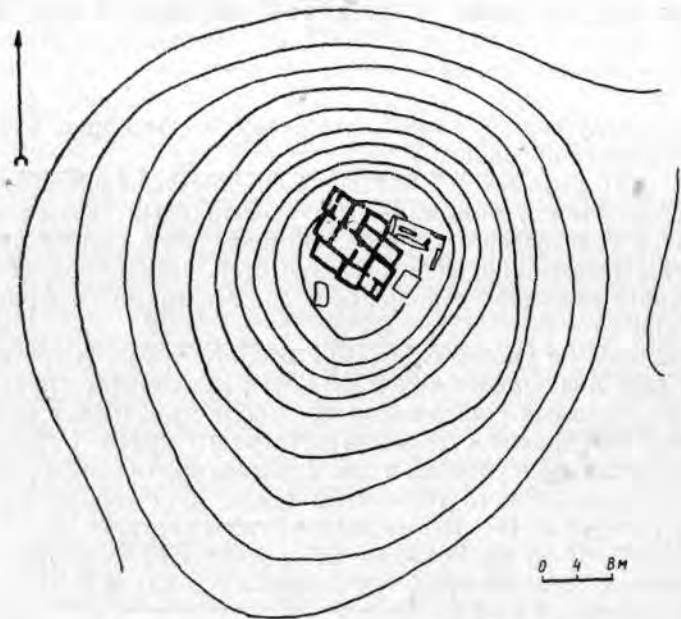

Рис. 30. Поселение Костобе. План раскопа

ной 125 см, высотой 15 см, покрытая обмазкой. Средняя ширина стен 70—75 см. Исключением является стена, разделяющая помещения 1 и 2, ее ширина 105 см. В южном углу помещения расположен очаг, вмозанный в суфу. Рядом находился дверной проем, ведущий в помеще-

⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 123—135.

ние 2, шириной 50 см. Он имел три плавно переходящие друг в друга ступеньки, из которых средняя — самая высокая — составляла в высоту 15 см. Ближе к восточному углу выявлен «жертвенник», образованный двумя донцами хумчи, поставленными на ребро и вмазанными в глинобитный круг диаметром 45 см, высотой 8 см. От дверного проема очаг отделен обмазанной со всех сторон перегородкой-экраном шириной 30 см, высотой от пола помещения 45 см, от суфы — 20 см. На полу

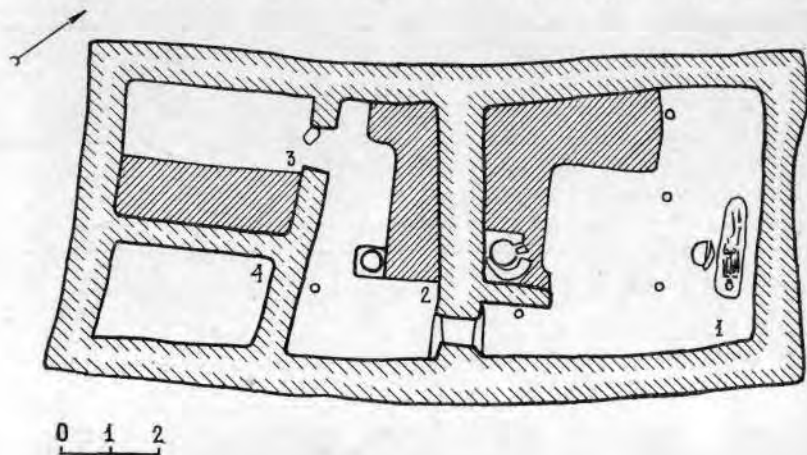

Рис. 31. Костобе. План дома

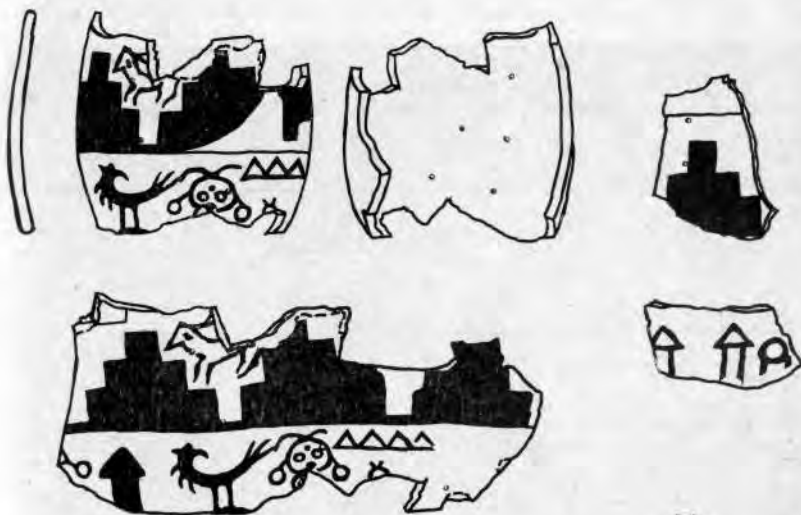

Рис. 32. Костобе. Сосуд с сюжетной росписью

помещения выявлены три углубления от опорных столбов, поддерживавших кровлю. Диаметр углублений составляет 13—18 см. Еще одно углубление расположено у центра перегородки в 60 см от дверного проема, ведущего в помещение 2. Диаметр углубления — 20 см (рис. 31). В этом квадрате обнаружены фрагменты кувшина, по тулову которого сделана сюжетная роспись вишневым ангобом. Над ступенчатыми пирамидальными фигурами изображен олень, под ними — хищная птица,

Рис. 33. Костобе южное. Фрагмент сюжетной росписи на сосуде

Рис. 34. Костобе южное. Фрагмент сюжетной росписи на сосуде

первоначально принятая за коня¹⁰; а также антропоморфная личина (рис. 32—34). Здесь же найдена глазурная печать-амулет с отверстием для шнура, на одной стороне которой изображен крест, на другой — эпитафические знаки (рис. 35). Похожие печати найдены в памятниках каунчинской культуры¹¹.

Стены помещения 2 сохранились на высоту 35—50 см. Вдоль западной и северной стен располагалась суфа шириной 115 см, которая заканчивалась в 70 см от дверного проема, ведущего в помещение 1, и в 55 см от дверного проема, ведущего в помещение 3. В восточном конце суфы (вдоль северной стены) выявлено пятно — остатки открытого очага, располагавшегося на квадратном (50×50 см) возвышении. Диаметр очага 35 см. Высота суфы — 10—12 см.

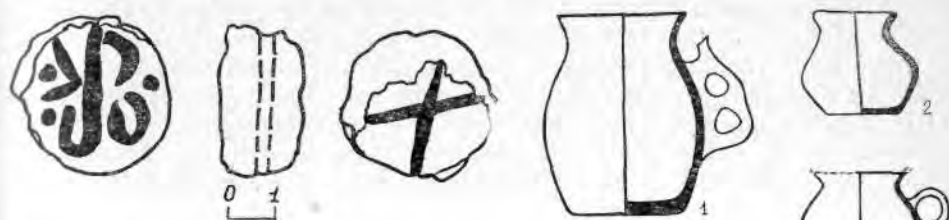

Рис. 35. Костобе южное. Глиняная печать

На полу помещения ближе к южному углу выявлены ямки глубиной 11 см, диаметром 22 см. В юго-восточном углу на уровне пола обнаружена пастовая бусинка. Дверной проем шириной 76 см в юго-западном углу вел в помещение 3 размером 5,7×2,8 м. Он имел порожек высотой 3 см, на котором лежал прямоугольный каменный блок размером 25×13×7 см. Высота стен у прохода составляла 20 см. Пол обмазан желтой глиной и покрыт слоем белого налета от сгнившей камышовой кровли. Здесь найдено 26 фрагментов керамики, в том числе 2 горловины хумчи.

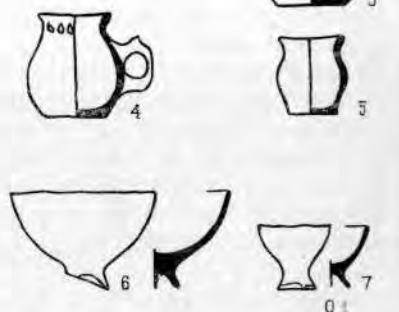

Рис. 36. Костобе южное. Керамика

С юго-восточной стороны к помещению 3 примыкало помещение 4, стены которого высотой 5—7 см имели в некоторых местах тонкую обмазку.

Из этого помещения выход вел в переулок, расположенный с за-

¹⁰ Байпаков К. М. Исследования в Отрарском оазисе и в Таласской долине // АО 1983, М., 1984, С. 504.

¹¹ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении // Изв. АН КазССР. № 46. Сер. археол. 1948. Вып. 1. Табл. XII; Филанович М. И. Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. Табл. II.

падной стороны строения. Три ямы во дворике заполнены горелым мусором и битой керамикой. Диаметр ям 120, 105, 100 см.

Остальные помещения раскопа не связаны между собой, поэтому их нельзя скомпоновать в отдельные дома. Керамика из раскопок датирует горизонт 2 поселения III—V вв. (рис. 36).

Мардан-Куик (Коныр-тобе)

Городище охарактеризовано Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем и датировано в пределах I—XIV вв.¹² Нами снят инструментальный план и уточнены некоторые детали топографии (рис. 37).

Городище представляло собой сложный организм, формировавшийся в течение многих столетий. Отдельные участки его складывались и функционировали в разное время. В настоящее время оно представлено тремя отдельно стоящими буграми и площадкой, примыкающей к ним, окруженной стеной, хорошо заметной в современной топографии.

Один из бугров, видимо, являвшийся цитаделью, подчетыреугольный в плане, плоский, с площадкой наверху, размером 55×50 м, высотой 14 м. Плавно понижаясь в юго-западной и северо-восточной частях, он образует ложбины, удобные для выездов. Здесь прослеживаются улицы, отходящие от выездных дорог.

С юго-запада к цитадели примыкал шахристан, представлявший собой овальный холм размером поверху 180×150 м, высотой 7—11 м. Поверхность шахристана бугристая. На плоских участках ее хорошо прослеживаются остатки построек верхних строительных горизонтов. По краю бугра прослеживается массив крепостной стены.

Западнее цитадели, на расстоянии 15 м от ее подошвы, находится г-образный бугор с крутыми склонами. Размер его поверху 40×10—15 м, высота 14 м. Здесь располагалась башня, фланкировавшая основной выезд на территорию городища, расположенный в западном обводе. Ложбина его у южной подошвы холма выводит на овальную площадь размером 60×30 м, откуда попадали на территорию цитадели и шахристана.

К бугру шахристана примыкал рабад подпрямоугольный в плане, размером 650×250 м, окаймленный стеной. Рабад прослеживается в топографии памятника.

Южная часть рабада плоская, северная — возвышенная, с несколькими плоскими буграми, высотой 6—7 м. Восточная часть занята округлым в плане бугром с плоской площадкой наверху диаметром до 120 м и высотой 8 м. Здесь собрана коллекция обломков глазурованной посуды XI—XIII вв. У восточного подножия бугра на берегу древнего рва обнаружены остатки нескольких печей XIII—XIV вв. Подъемный материал позволяет датировать городище первыми веками — IX в. н. э. В X—XII вв. жизнь отчасти продолжалась на территории цитадели, восточном бугре, в XIII—XIV вв. — только на территории восточного бугра.

¹² Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5.

В работе русская транскрипция названия Мардан-Куик дана неправильно.

Рис. 37. План городища Мардан-Куик

Раскоп I, заложенный на цитадели городища с учетом привязки ее к центральной улице, выявил три строительных горизонта, из которых верхний не сохранился: он смыт. Остались участки полов, мусорные ямы, лежащая на поверхности керамика IX—XI вв.

Постройки второго строительного горизонта на участке раскопа разрушены пожаром, о чем свидетельствуют обгоревшие стены домов, обуглившиеся остатки деревянных перекрытий, спекшиеся куски глиняной обмазки кровли. Здесь полностью вскрыто два двухкомнатных дома (рис. 38, 39).

Дом 1 состоял из жилого помещения и кладовой (10 и 11). В жилой комнате размером $4,2 \times 4,5$ м вдоль восточной стены располагалась суфа шириной 1,5 и высотой 0,4 м, края которой выложены сырцовым кир-

Рис. 38. Городище Мардан-Куик. Общий вид раскопа I

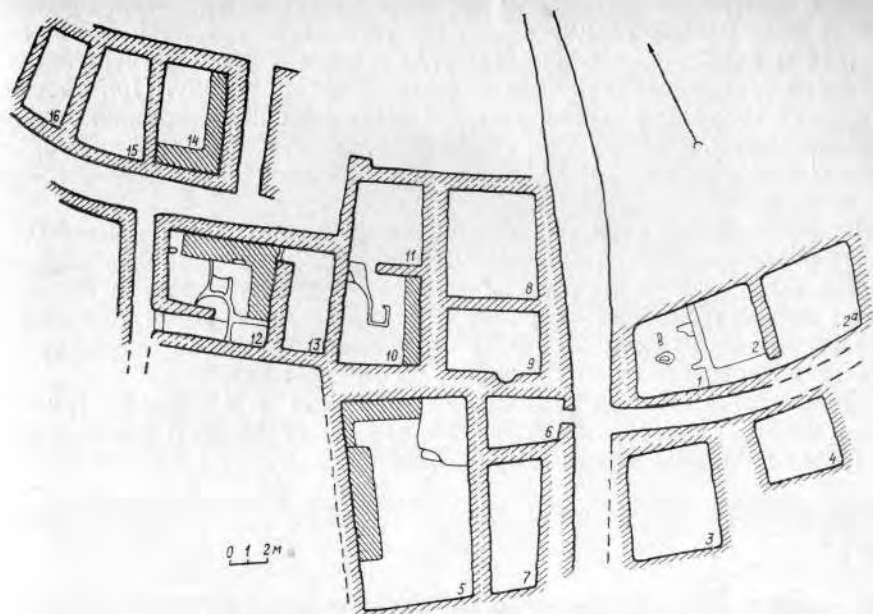

Рис. 39. Мардан-Куик. План раскопа I

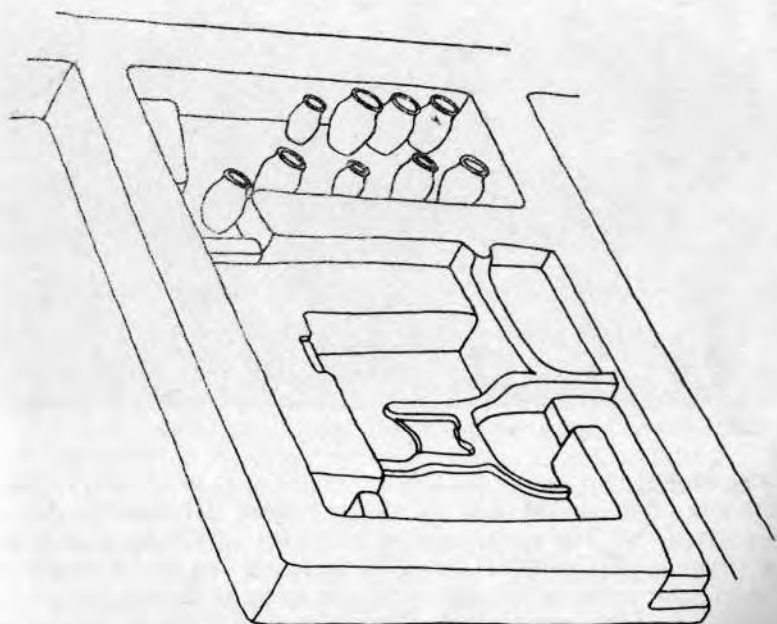

Рис. 40. Мардан-Куик. Интерьер дома

пичом. В центре помещения был устроен напольный подпрямоугольный в плане очаг размером $1,2 \times 1,2$ м. Бортики шириной 0,15 м, высотой 0,1—0,15 м сделаны из глины. От угла очага к углу помещения шла невысокая стенка, отгораживающая хозяйственную зону. При расчистке помещения собраны раздавленные обломки кувшинов, кружки с геометрическим орнаментом, кухонные банкообразные сосуды, густо покрытые копотью. Возле очага на полу найдены литая бронзовая монета и железные пластины доспеха.

Кладовая соединялась с жилой комнатой проходом шириной 0,7 м. Она трапециевидная в плане, размером $3,7 \times 3,7$ в наиболее широкой части и $3,7 \times 6,2$ м — в узкой. Помещение использовалось в последний период жизни городища (верхний строительный горизонт). Тогда оно было вычищено от завалов. Об этом говорят обломки керамики, собранные на новом полу и относящиеся к IX—XII вв.

Дом 2 тоже состоял из жилого помещения и кладовой (рис. 40). Вход в него вел со стороны тупичка шириной 1—1,2 м. В проходе шириной 1,2 м сохранился паз от дверной коробки.

Рис. 41. Мардан-Куик. Жилое помещение

Из коридора размером $1,2 \times 6$ м попадали в комнату размером $5,4 \times 3,5$ м с г-образной суфой вдоль двух стен. Ширина суфы 1,2 м у восточной стены и 1,3 м у северной, высота 0,4 м. Ближе к углу ее была устроена ступенька. Северный угол помещения занят прямоугольным закромом, образованным за счет того, что суфа не доходила на 0,7 м до западной стены. Еще один закром размером 2×1 м устроен в конце коридора с помощью глинобитной стенки (рис. 41).

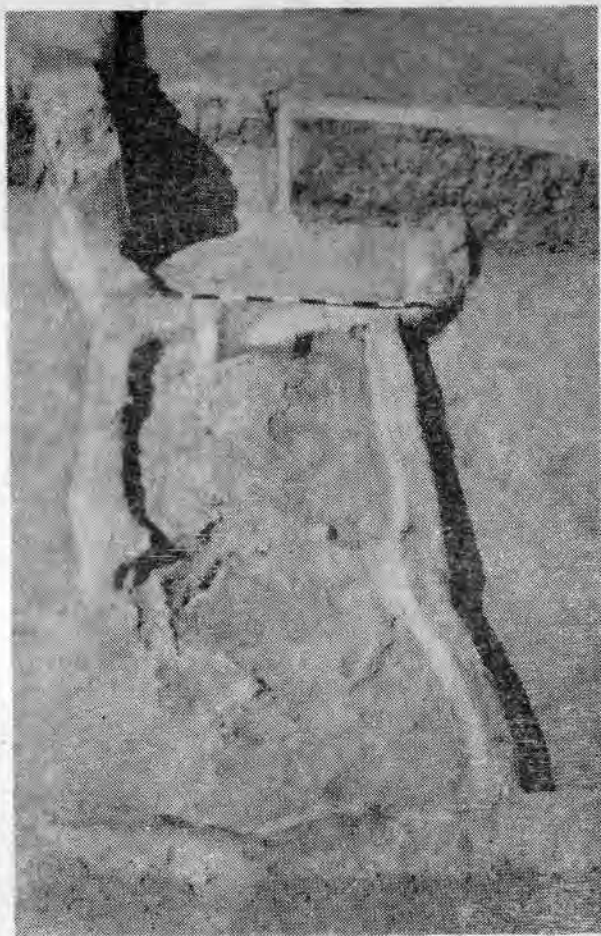

Рис. 42. Мардап-Кунк. Напольный очаг

В центре помещения находился прямоугольный, частично разрушенный напольный очаг размером $1,5 \times 1,5$ м (рис. 42). Его топочная часть имела подпрямоугольный выступ. Бортики очага шириной 0,15, высотой 0,1 м сделаны из глины. Возле очага была расчищена коническая ямка диаметром 15 см и глубиной 10 см. В ней найдена бронзовая литая монета и косточки персика. Керамика представлена столовыми кувшинами кангарского типа, кружками, кухонными банками. В кладовой размером $2,2 \times 5,2$ м стояло 8 хумов. В семи из них находилось обугленное зерно, в одном — неочищенный от семян хлопок. На полу были рассыпаны обгоревшие яблоки (рис. 43).

Датировка домов, как и всего второго строительного горизонта, основывается на находках монет VII—VIII вв., изделий из металла и

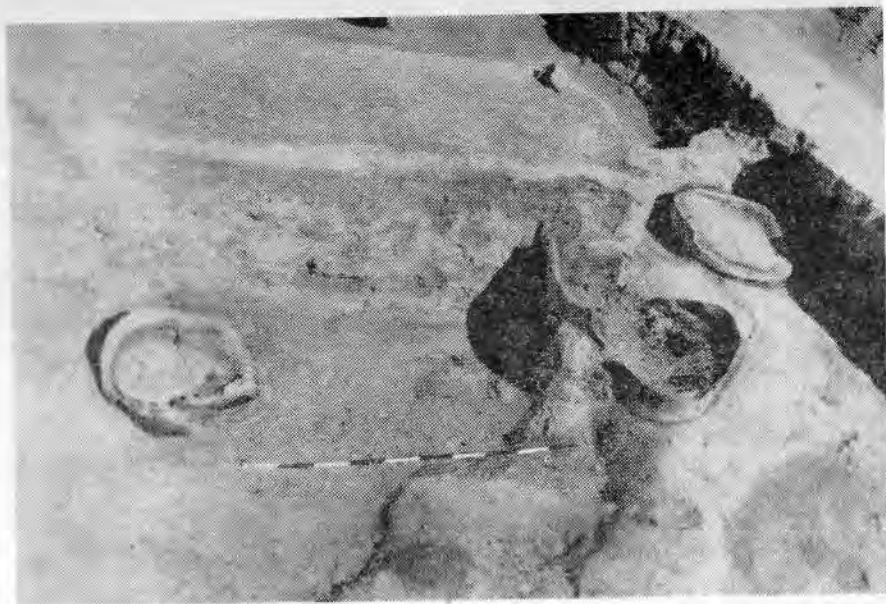

Рис. 43. Мардан-Кунк. Кладовая

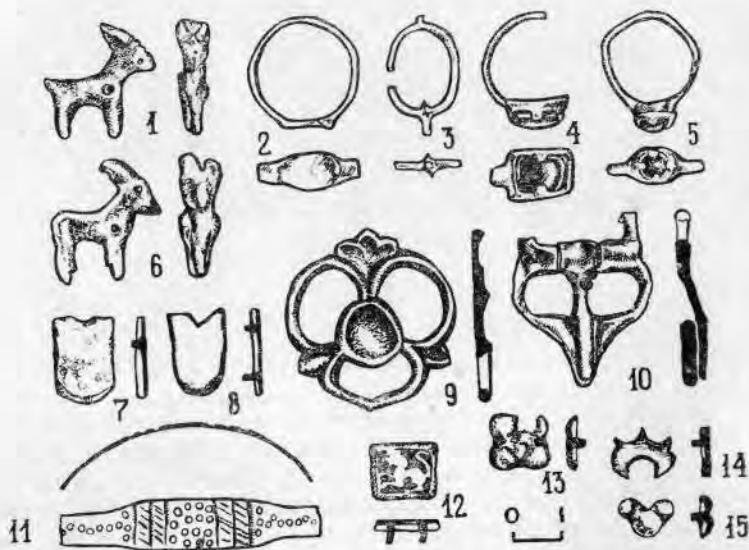

Рис. 44. Мардан-Кунк. Изделия из бронзы

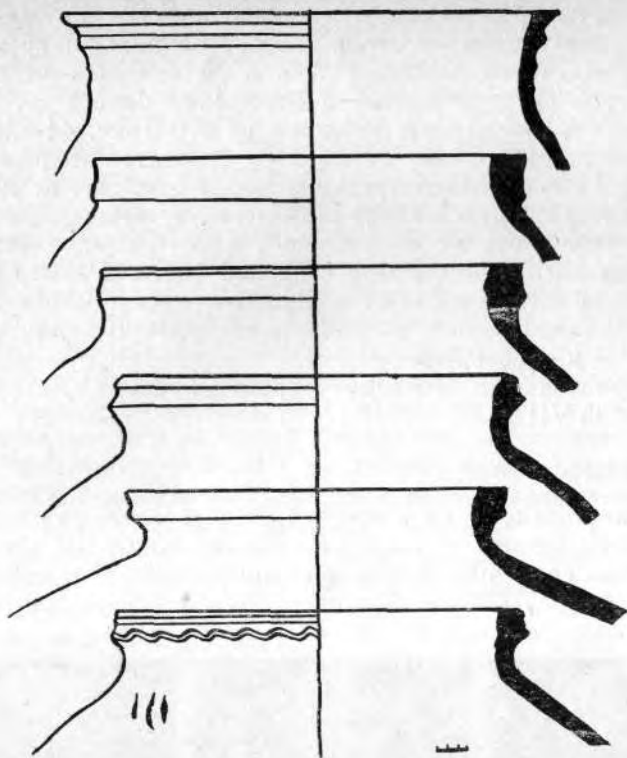

Рис. 45. Мардан-Кунк. Хумы второй половины VII — первой половины IX в.

Рис. 46. Кангарская керамика второй половины VII — первой половины IX в.

керамики, среди которой выделяется кангарская. Это кружки с кольцевыми ручками и кувшины со сливами, светильники, покрытые темно-вишневым, коричневым и черным ангобами и вдавленным геометрическим орнаментом. Такая керамика в Отрарском оазисе относится ко второй половине VII — первой половине IX в.¹³ (рис. 44—46).

К третьему строительному горизонту относятся 9 помещений, из которых 1, 2 и 2а составляют трехкомнатный дом, еще не докопанный. Наибольший интерес представляет помещение 5, вместе с помещениями 6 и 7, видимо, входившее в состав единого жилого комплекса. Стены его сохранились на высоту до 2,3 м в северной части. Размер помещения 5,7×10,4 м. Вход со ступеньками находился в углу. Вдоль западной и северной стен располагались разновысокие суфы. Ширина суфы у западной стены 1,3 м, у северной — 1,2 м.

Третий строительный горизонт предварительно датируется V — первой половиной VII в.

Актобе

Поселение находится в 10 км к востоку от пос. Чайн, на левом берегу р. Чайн, недалеко от выхода ее из ущелья. Это округлый в плане холм, высотой 6 м, размером 40×35 м в основании и 20×30 м поверху. Стратиграфический разрез (30×3 м) пересек холм с северо-востока на юго-запад и в центральной части был доведен до материка.

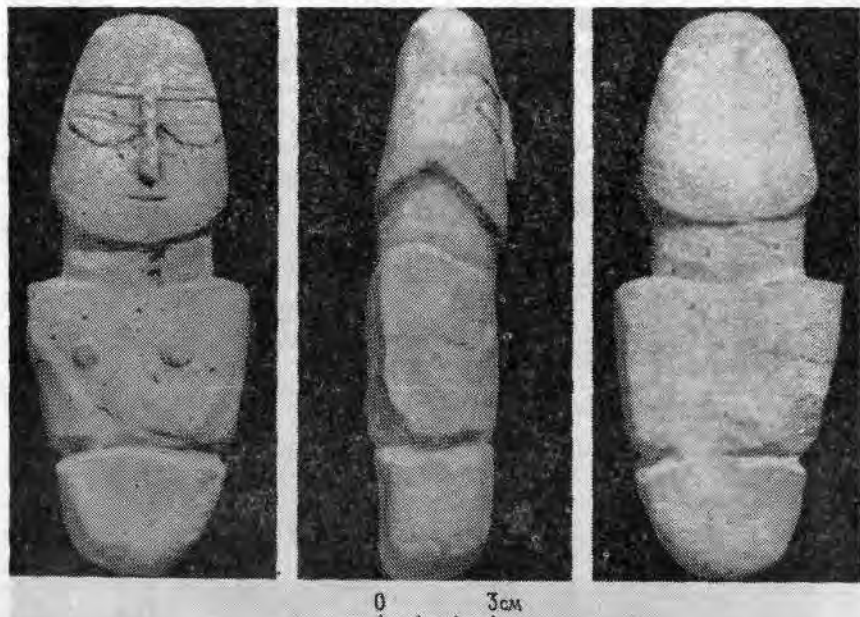

Рис. 47. Актобе. Глиняный идол

¹³ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — нач. XIII в.). Алма-Ата, 1986.

Нижний культурный горизонт (XII—VI ярусы) характеризуется мощными гумусно-зольниковыми горизонтальными слоями толщиной от 0,2 до 1 м. Иногда зольники разделены светло-серыми глинистыми прослойками с песком; ближе к поверхности отмечены галечные выкладки и отдельные пахсовые блоки.

Нижний строительный горизонт (VI—II ярусы) отличают бессистемные завалы из пахсы. Кое-где их подстилают тонкие горизонтальные зольниковые напластования. В центр разреза северной стены попала мусорная яма, забутованная пахсой вперемешку с керамикой и камнем. Фиксируются также единичные галечные выкладки.

Верхний строительный горизонт отделен от нижнего зольниковой прослойкой и галечной выкладкой. По всей площади и в разрезе шурфа отмечены пахсовые завалы, стены, каменные выкладки и полы. Отчетливо читаются пахсовые стены, ниша, выложенная камнем, галечные выкладки. Шурф частично охватил 2 помещения и коридор, пол которых покоился на зольнике и галечной выкладке. Керамический материал верхнего строительного горизонта в основном фрагментарен и представлен венчиками и боковинами хумов. Венчики подквадратные в разрезе, с пальцевыми вдавлениями на внешней плоскости и потеками ангоба темно-коричневого цвета по светловатому фону. Найдены фрагменты кухонных горшков с петлеобразными вертикальными ручками, верхний конец которых крепился к закраине, а от нижнего в обе стороны расходились выпуклые рельефные валики.

Собраны также каменные ладьевидные зернотерки, плоские керамические напрясла, выполненные из фрагментов посуды, и сурьматаш классической формы без отверстия в утолщенной части, идол, выполненный из алебаstra (рис. 47). Керамика, и прежде всего хумы с подквадратной профилировкой венчика, горшки, украшенные рельефным валиком, котлы с горизонтальными петлевидными ручками, находят аналогии в материалах городищ и поселений Южного Казахстана первой половины I тысячелетия до н. э.

Алтынтобе

Поселение расположено в 15 км к западу от г. Чимкента, у пос. Алтынтобе, на правом берегу р. Акбулак. Это овальный, вытянутый по линии север—юг холм размером 120×60 м по основанию и 70×32 м поверху, высотой 16 м. С северной и южной сторон поселения отмечены рвы шириной 8—10 м.

Раскоп в северной, наиболее высокой части, площадью около 630 кв. м выявил общую планировку, некоторые особенности фортификации, стратиграфию верхнего строительного горизонта. В разрезе южной бровки шурфа на глубине 0,8—1 м от поверхности зафиксированы пахсовые завалы, горизонтальная кладка из прямоугольного сырцового кирпича размером 46—48×26—28×8—10 см. Очевидно, это разрушенная крепостная стена и жилые конструкции верхнего строительного горизонта. Отмечены также линзовидные гумусные заполнения и про-

слойки серой глины. Далее до отметки 1—1,2 м идут горизонтальные гумусно-золевые наслоения в сочетании с единичными кирпичами и паховыми завалами. Начиная с глубины 1,2 м по всей площади шурфа открылась мощная платформа — стилобат, прослеженная до отметки 5,5 м. Она представляет собой монолитную горизонтальную выкладку толщиной 0,3—0,4 м из сырцового кирпича размером 48×26×10 см. Кирпич положен вертикально на ребро с наклоном поочередно в одну и другую сторону. Скрепляющим раствором служила пахса.

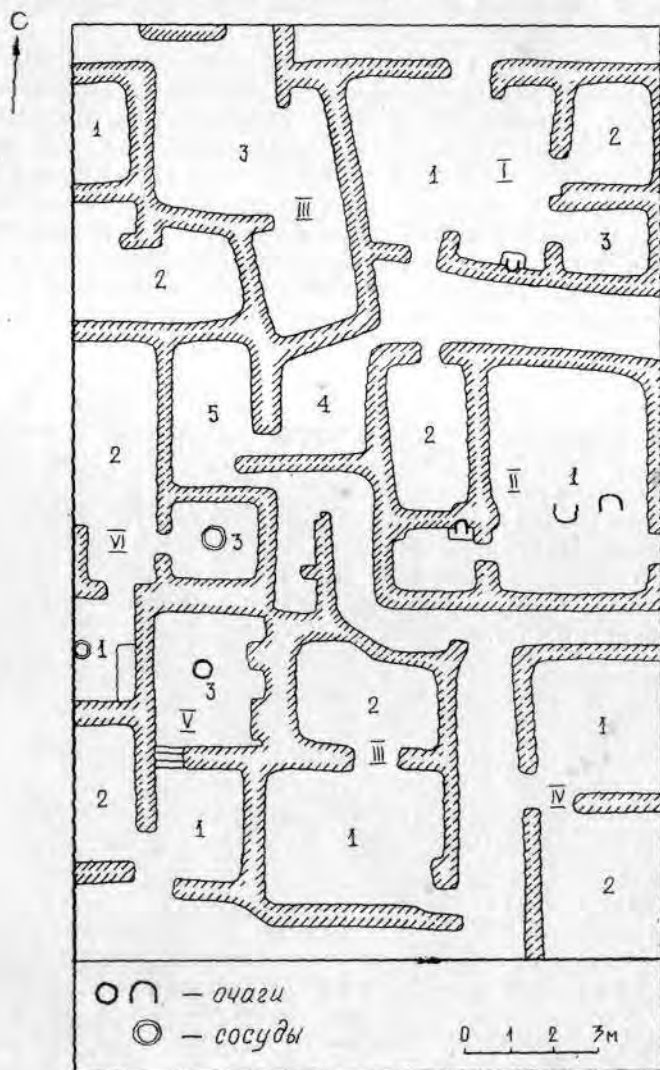

Рис. 48. Поселение Алтынтобе. План раскопа

На площади раскопов и шурфа открыто 21 помещение. Судя по некоторым признакам (взаимосвязь, функциональность), некоторые помещения объединялись в жилые комплексы. Выделено шесть таких комплексов (рис. 48).

Комплекс 1 включал три помещения, стены которых выполнены из пахсы. Толщина стен 0,6—0,8, сохранившаяся высота 0,5 м. Помещение 1, подпрямоугольной формы, размером 4,3×5,2 м, имеет два дверных проема — в северной и южной стенах. В южной стене устроен очаг-камин на небольшой пахсовой платформе. Пол покрыт обмазкой толщиной 1—1,2 см. Помещение 2 размером 2,1×3 м связано дверным проемом в западной стене с помещением 1. У дверного проема найден подпяточный камень. Помещение 3, также прямоугольное в плане, размером 2,3×3,1 м, характеризуется дверным проемом в западной стене. На уровне пола расчищен слой битой керамики.

Комплекс 2 состоял из 3-х помещений. Помещение 1, прямоугольное в плане, размером 7,4×6,3×3,5 м, вытянуто с севера на юг. Пахсовые стены толщиной 0,7—0,8 м сохранили следы обмазки. В северной его части найдены три хума, вкопанные по горловину, с каменной выкладкой вокруг, сделанной на уровне пола. Один из хумов ниже горловины имел т-образный рельеф. В центральной части помещения расчищены два очага открытого типа, один из которых по периметру также имел каменную выкладку. Здесь же найдены три ладьевидные зернотерки и каменный пест. Дверной проем шириной 1,2 м располагался в восточной стене. Вблизи него найдены два крупных подпяточных камня. Вся поверхность пола помещения сплошь покрыта черепками хумов, водоносных одно- и двуручных кувшинов, горшков и котлов, крышек, подставок под котлы, кружек. Всего собрано более 400 фрагментов, из которых восстанавливаются лишь 42 изделия. У очагов зафиксированы зольники и кости животных, а также поделки из кости — заколка для волос с наверхушем в виде головки петуха, концевая накладка на лук.

Помещение 2 размером 2×2 м примыкает к помещению 1 с востока и связано с последним дверным проемом шириной 0,8 м. Стены его, за исключением западной, пахсовые. Западная же сложена комбинированной кладкой из пахсы и прямоугольного сырцового кирпича размером 45—48×25—26×8—10 см. В северной части помещения располагался очаг-камин. У дверного проема найден подпяточный камень, а в центре помещения — ладьевидная зернотерка. По всей площади пола зафиксированы зольники и фрагменты кухонных котлов и горшков.

Помещение 3 размером 2×5,5 м не связано с описанными выше помещениями, хотя имеет с помещением 2 общую стену, сложенную из пахсы и кирпича. Дверной проем, очевидно, располагался в западном углу. У восточной стены отмечен очаг открытого типа, рядом с ним — кухонный двуручный горшок. Аналогичный горшок найден в южной части помещения.

Жилой комплекс с юга и отчасти с запада и севера огибают коридоры шириной 1,5—2 м.

Комплекс 3 включал два помещения, соединенных дверным про-

емом. Помещение 1, подпрямоугольное в плане, размером $4 \times 2,6$ м, имело два напольных очага открытого типа — в восточной части, диаметром 0,8 м, и в центре.

Помещение 2 трапециевидное в плане размером $4,2 \times 3,5 \times 3,7 \times 4$ м. Весь пол в нем выложен мелкой и средней галькой, кусками керамического шлака и фрагментами керамики.

Комплекс 4 представлен двумя связанными дверным проемом помещениями и имеет выход в коридор, который отделяет его от жилого комплекса 3.

Помещение 1 размером 4×5 м вскрыто частично. На уровне пола найдены фрагменты столового кувшина и горшка. В южной стене зафиксирован дверной проем шириной 1,3 м, который вел в помещение 2. Последнее подквадратной формы, точные размеры его не установлены. На уровне пола найдены фрагменты керамики.

Комплекс 5 состоял из трех помещений. Помещение 1 размером $4,2 \times 3,8$ м с помощью дверного проема шириной 1,4 м в южной стене было связано, очевидно, с коридором.

Помещение 2, вскрытое частично, прямоугольное в плане, размером $4 \times 2,1$ м. Дверной проем находился в восточной стене.

В помещении 3 ($3,5 \times 3$ м) в центре располагался вкопанный по горловину хум, вокруг которого на уровне пола отмечена кольцевая каменная выкладка. В юго-восточном углу имела подквадратная каменная выкладка. Вблизи хума расширен напольный очаг открытого типа — углубление диаметром 0,5 м. В южной стене помещения устроен дверной проем шириной 1,3 м. Вход в помещение осуществлялся по пандусу. В восточной стене имелись две ниши. На уровне пола помещения найдены фрагменты горшков, кувшинов.

Комплекс 6 включал три помещения. Помещение 1 размером 3×2 м вскрыто частично. В центре его находился хум, вкопанный в пол по горловину. К восточной стене примыкал закром размером $1,8 \times 0,4$ м, высотой 0,2 м. Вблизи дверного проема располагался напольный очаг диаметром 0,4 м.

Помещение 2 размером $4,7 \times 3,3$ м связано с помещением 1 дверным проемом шириной 0,8 м. В северо-западном углу устроена хозяйственная яма диаметром 1,3 м и глубиной 0,9 м.

Помещение 3 прямоугольное в плане, размером $3 \times 2,5$ м. В центре обнаружен вкопанный почти по горловину хум грушевидной формы. В западной стене сделан дверной проем шириной 1 м.

Несколько помещений не объединяются в комплексы, в частности 4 и 5. Две стены (западная и восточная) помещения 4, квадратного в плане, размером $3,3 \times 3,3$ м, сложены из сырцового кирпича, две другие — пахсовые. Дверной проем устроен в западной стене. В помещении 5, прямоугольном в плане, три стены пахсовые, а восточная сложена из сырцового кирпича. Дверной проем устроен в южной стене.

В целом для планировки всех строений памятника характерно наличие центрального коридора, который разделял постройку на две части и к которому примыкали боковые коридоры. Планировка помещений,

отдельные элементы интерьера находят аналогии в сырдарьинских памятниках первой половины I тысячелетия н. э.¹⁴

Среди многочисленного керамического материала верхнего строительного горизонта (более 3 тыс. фрагментов) в качестве датирующего могут выступать роговидные подставки. Аналогичные подставки с декором в виде пальцевых вдавлений обнаружены в памятниках средней Сырдарьи (Каунчи-тепе, Шаушукумтобе, Ботайтобе) и датированы IV—V вв.¹⁵

Каратобе

Поселение расположено в пойме р. Сайрамсу, недалеко от места впадения ее в р. Бадам, в 5 км к юго-востоку от г. Чимкента. Сейчас это округлый в плане холм высотой 14 м с прилегающей с запада площадкой, большая часть которой срезана. В срезе высотой 4—4,5 м и длиной более 70 м прослеживаются зольники, пахсовые завалы, мусорные ямы.

Размер центрального бугра в основании 65×70 м, диаметр поверху 20 м. Площадка огибала центральный холм с юга, запада и севера в виде подковы шириной от 5 до 10 м, высотой 4,5—5 м. Собранный на поверхности памятника подъемный материал немногочислен — фрагменты хумов, горшков, кувшинов. Коллекция керамики собрана в нарушенных техникой слоях памятника. Это хумы, фрагменты водоносных и столовых кувшинов, кухонных и столовых горшков, чаш и кружек, каменные ладьевидные зернотерки, песты, оселки.

Раскопы были заложены в центральной части холма (3×4 м), в восточной (5×4 м) и вдоль западного среза площадки (20×3,5 м).

Раскоп I доведен до глубины 1 м от дневной поверхности. Получен фрагментарный маловыразительный керамический материал, предварительно датированный IV—V вв.

Раскоп II углублен на 1,5 м. В разрезе северной бровки шурфа до отметки 1,2 м шли пахсовые завалы в сочетании с гумусно-зольными прослойками; эти слои подстилала зольники различной мощности.

Раскоп III вскрыл конструкции верхнего строительного горизонта. В его площадь попали четыре жилых помещения полностью и несколько помещений частично.

Помещение 1, подпрямоугольное в плане, размером 2,7×2,2×2,5 м, вытянуто с севера на юг. Стены его толщиной 0,5—0,6 м выполнены из пахсы. В южной части находился дверной проем шириной 0,8 м. У за-

¹⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 140. Рис. 104; Максимова А. Г., Мерицьев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С. 17. Рис. 7; Сенигова Т. Н. Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау: Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 14. Алма-Ата, 1962. С. 57—66; Байпаков К. М. Средневековая городская культура... С. 83—85; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 189—190. Рис. 108—109; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 12—22. Рис. 2.

¹⁵ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 181—184. Рис. 59, 178—182; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 139—147.

падной стены зафиксирован напольный очаг открытого типа диаметром 0,5 м.

Помещение 2 прямоугольное, размером 2,2×3,7 м со стенами из пахсы. Очевидно, дверной проем находился в западной стене. Среди деталей интерьера отмечена суфа размером 1,7×0,5 м, высотой 0,25 м в юго-восточном углу, овальный очаг размером 0,7×0,5 м в центре. На уровне пола найдены три хума, две хумчи, три водоносных кувшина, фляга и два кухонных горшка с горизонтальными петлевидными ручками.

Помещение 3 примыкало к помещению 2 с севера. Подквадратное в плане, размером 2×2,5 м, оно имело у восточной стены прямоугольную паховую суфу размером 1,7×0,6 м и высотой 0,2 м.

На полу помещения 4 размером 2×1,7 м зафиксированы зольники, фрагменты керамики.

К востоку от помещений 1 и 2 на небольшой площадке под углом стыкуются паховые стены и части помещений 5 и 6. В углах стояли три хума.

При раскопках получен выразительный керамический комплекс — столовые кувшины, горшки, миски, кружки. Основным элементом декора служили тонкое горизонтальное станковое рифление, пятна и потеки ангоба. Аналогичная столовая посуда встречена на поселении Караултобе, датируемом I—IV вв.¹⁶ Этим же временем следует датировать верхний строительный горизонт Каратобе.

Застройка городищ и поселений, характер жилища

В результате раскопок выявлено, что застройка городищ и поселений осуществлялась поквартально. Исследование кварталов Кок-Мардана позволяет не только понять топографию города, но и определить хозяйственную специализацию населения, демографический аспект, социальную структуру общества.

Членение городов на кварталы было закономерным для феодального общества. Оно связано со свойственным этому обществу замыканием людей в группах по признаку родства, по принадлежности к профессии, религии. Время появления кварталов исследователи отодвигают далеко вглубь¹⁷.

Формирование раннесредневекового города относится к середине I тысячелетия н. э. Сложение квартала тоже следует отнести к этому

¹⁶ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1970. С. 74—78.

¹⁷ Раскопки на Алтын-тепа // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1970. Вып. 2. С. 5—6, 11; Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н. э. // Древний Восток. Ереван, 1973. С. 38, 54, 61; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮТАКЭ. Т. 6. М., 1958. С. 31, 41—42; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 93, 104, 123; Городище Топрак-кала (раскопки 1965—1975 гг.) // ТХАЭЭ. Т. XII. М., 1981. С. 136—137; и др.

времени, хотя образование их началось гораздо раньше. Этот период для народов Средней Азии и Казахстана был переломным: из смену патриархальным семейным общинам пришла малая семья. Это было связано с развитием форм собственности (от общинно-родовой — к частной) и характером развития хозяйства (от натурального — к товарно-денежному). Естественно, процесс этот в среде как оседлого, так и кочевого населения происходил неравномерно, и наряду с малыми семьями сохранялись патриархальные семейные общины¹⁸. Кроме того, складывалась переходная форма семьи — не из трех и более поколений, а из двух. Старшее поколение было представлено отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья¹⁹. У кочевников и полукочевников наряду с малой семьей появилось более широкое социальное объединение с признаками экономического и территориального единства²⁰. Скот и средства производства находились в наследственном владении каждой семьи²¹.

Население кварталов Алтынтобе, Кок-Мардана, видимо, принадлежало к семейно-родственным группам. В квартале насчитывалось от 4 до 6 домовладений, принадлежавших отдельным семьям, связанным родственными отношениями. Все они, видимо, стремились к самозолотации в общегородской среде посредством планировки самого квартала. Логично предположить, что известный по этнографическим данным «коше бий», «коткуда» — глава семейно-родственной группы — в основном выполнял те же функции, что и раис средневекового, аксакал позднесредневекового квартала города²².

Каждая семейно-родственная группа, вероятнее всего, имела свое место для отправления религиозных культов, свое кладбище. Правда, в Южном Казахстане отмечена лишь одна квартальная культовая постройка — на городище Кок-Мардан. В других городищах и поселениях для этих целей, вероятно, использовалось одно из домовладений квартала. Это предположение основано также на материалах Кок-Мардана, где выявлены домашние святилища, игравшие, возможно, и роль квартальных (рис. 49).

¹⁸ Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 17.

¹⁹ Бикжанова М. А. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959. С. 23—26; Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айқыран. Ташкент, 1955. С. 173—177; Ходжаева Р. Д. Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 3. Алма-Ата, 1956. С. 235.

²⁰ Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // КСИЭ. 1957. № 28. С. 32—34; Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков // ТИЭ. Новая серия. Т. IX. 1950. С. 80—82.

²¹ Соколовский В. Г. Казахский аул. Ташкент, 1926. С. 6—14; Курылев В. П. Семейно-родственные группы у казахов конца XIX — начала XX в. по некоторым литературным источникам // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 132—143.

²² Большаков О. Г. Город в конце VIII — начале XIII в. // Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 334; Сухарева О. А. Квартальная община позднесредневекового города Бухара. М., 1976. С. 33; Байпаков К. М. Средневековая городская культура... С. 75—79.

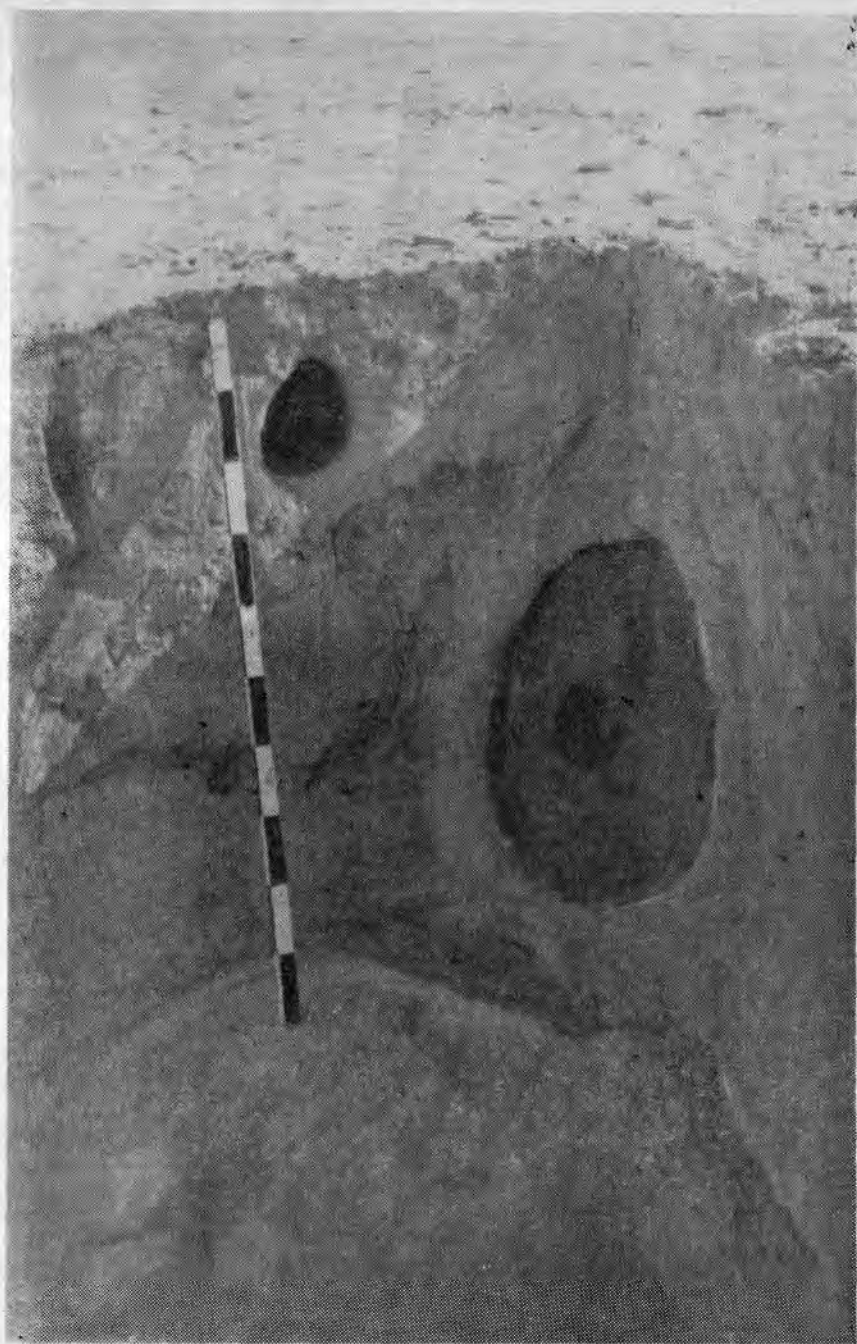

Рис. 49. Кок-Мардан. Культовая ниша в углу жилого помещения

Уже сейчас можно попытаться выделить квартальные кладбища средневековья. Так, некрополь Кок-Мардана состоит из отдельных построек, представляющих собой глинобитную платформу размером в среднем 10×10 м и высотой до 2 м с катакомбами и дромосами, пробитыми в ней. В каждом сооружении выделяются центральные захоронения, отмечена концентрация детских погребений в пристройках к платформам. Вполне возможно любое такое сооружение интерпретировать как кладбище отдельного квартала, квартальной общины.

Материалы раскопок южноказахстанских городищ и поселений не обнаруживают существования кварталов только бедных или только богатых. Между тем различия в площади отдельных домовладений, характере находок позволяют говорить о наличии в одном квартале разных по имущественному положению индивидуальных семей.

Типология жилищ сводится к использованию таких важных принципов таксономии, как планировка, положение пола (наземное или углубленное в землю), характер перекрытия, месторасположение и устройство очага. Одним из определяющих признаков является планировка дома, поэтому в эволюции жилища необходимо проследить в первую очередь ее развитие, выделяя первоначальное ядро дома, от которого разными путями (сегментацией, соединением и т. д.) возникли те или иные жилые комплексы²³. При этом характер жилища определялся такими факторами, как социальный, экономический и экологический. В архитектурном решении и строительной технике мог сказаться культурный традиционализм, восходящий к этнической специфике²⁴.

Выделяются три типа домов.

1. Однокомнатный наземный дом, квадратный либо прямоугольный в плане. Аналогичным по планировке, интерьеру является вариант дома, впущенного в землю. Очаги открытого типа, прямоугольные или с закругленной задней частью, что удобно для выгребания золы.

Камины или стеновые очаги представляли собой вырубленные в стенах сферические ниши различных размеров. Функциональное назначение напольных очагов и каминов неодинаково: первые использовались для обогрева помещения и приготовления пищи, вторые — для выпечки хлеба. Хумы, горшки для хранения запасов продуктов располагались в углах и на суфах. Кроме них в качестве хранилищ использовались бочкообразные емкости из необожженной глины и корытообразные емкости, также слепленные из полос сырой глины.

При общей однородности интерьера выделяются дома с культовым углом, где на высоте до 1 м сделан налест из глины овальной или круглой формы. Под нишей на возвышении, как правило, фиксируется толстый слой золы.

Варьируют площади домовладений: большие — от 35 до 45 кв. м, небольшие — от 12 до 20 кв. м. Больше всего домов (85%) площадью 20—35 кв. м. От размера дома зависел характер перекрытия. В больших

²³ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976. С. 235.

²⁴ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 110—111. Рис. 12.

домах кровля опиралась на четыре столба. В средних в качестве опоры мог использоваться один столб, на который опиралась одна прогонная балка или две перекрещенные. В маленьких домах кровля, видимо, удерживалась только на стенах.

2. Двухкомнатный наземный дом. Вариантом его является такой же дом, заглубленный в землю. Второе помещение выделено путем сегментации первоначальной хозяйственно-жилой ячейки дома, а именно при помощи капитальной стены. Расположение кладовой в доме относительно жилой комнаты самое различное: в тылу дома, впереди (анфиладная планировка) и сбоку. Площадь кладовых не превышает 8 кв. м. Такие дома имеются, например, на городище Кок-Мардан.

3. Многокомнатные дома, насчитывающие от трех до пяти помещений. Одно из них — жилое, с суфами вдоль двух или трех стен. Напольный очаг в виде круглой либо подпрямоугольной площадки, камин, хозяйственный отсек у напольного очага — основные детали жилого помещения. В кладовых стояли хумы, глиняные емкости. Примерами могут служить постройки Костобе, Алтынтобе и Пшук-Мардана.

Все перечисленные типы жилищ традиционны для Южного Казахстана начиная с конца I тысячелетия до н. э. Много общего обнаруживают они с домами, раскопанными на поселении Алтын-Асар (нижняя Сырдарья)²⁵, а также соседних регионов, например в согдийском поселении VII—VIII вв. Гардани-Хисор. Одно-, двух- и трехкомнатные дома в Гардани-Хисоре характеризуются п-образными суфами, наличием емкостей для хранения зерна. Если в однокомнатных домах деление на хозяйственную и жилую части размыто, то в двухкомнатных второе помещение — кладовая с закромами. Сближает жилища и такая характерная деталь, как наличие двух и трех очагов для отопления, приготовления пищи. Причем в Гардани-Хисоре «равоктануры» — сводчатые очаги (на Кок-Мардане — каминные) — имели на дне глиняные сковородки для выпечки хлеба²⁶.

Общие черты в планировке сближают четырехкомнатные помещения в домах Пенджикента и Кок-Мардана. Наблюдается известное сходство жилищ Южного Казахстана и Балалык-тепе, Усрушаны, афригидского Хорезма, Памира, равнинной части Зеравшана²⁷.

Общественные сооружения. В городах в массиве жилой застройки находились постройки культового и светского характера. В частности, в Кок-Мардане в четырех домах зафиксированы культовые углы, однако точное число таких домов установить невозможно из-за плохой сохран-

²⁵ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 189—190. Рис. 108, 109; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 12—22. Рис. 2.

²⁶ Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани-Хисор // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 115—116. Рис. 1, 3, 4.

²⁷ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. С. 108, 116. Рис. 62; Негматов Н. Н. и др. Средневековый шахристан. Душанбе, 1966. С. 55—59. Рис. 24; Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966. С. 74; Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.; Л., 1940. С. 42—60; Давыдов А. С. Традиционное жилище таджиков верхнего Зеравшана // СЭ. 1969. № 6. С. 99—101.

ности стен. Находки на поселениях и городищах глиняных и алебастровых идолов свидетельствуют о наличии культовых помещений, подобных святилищу, открытому на усадьбе Кайрагач²⁸.

Квартальное святилище обнаружено лишь одно — на городище Кок-Мардан²⁹. Прямых аналогий святилищу нет, но некоторое сходство с ним обнаруживает зал на городище Гяур-кала, где ниши в стенах были обрамлены налестками, под которыми располагались подпруды³⁰.

Открытие храма на городище Топрак-кала, где объектом поклонения являлись украшенные рога барана-архары, находки здесь идолов, зооморфные сюжеты на керамике позволяют говорить о влиянии на кушано-афригидскую культуру Хорезма присырдарьинских культур, где был популярен культ барана³¹. Видимо, этим объясняется сходство святилища Кок-Мардана и храмов Хорезма.

²⁸ Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М., 1982. С. 88—90.

²⁹ Байпаков К. М. Средневековая городская культура... С. 79.

³⁰ Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. // ТХАЭЭ. Т. II. 1958. С. 193. Рис. 87.

³¹ Неразик Е. Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 38—40.

3

Погребальные памятники бассейна Арыси

Топография могильников

На территории региона выявлено 138 погребальных памятников, из них 106 — курганные могильники, насчитывающие от 5 до нескольких сот курганов каждый, и 32 одиноких кургана. Предварительная хронологическая классификация и определение социальной принадлежности этих памятников представляются затруднительными, поскольку значительная их часть функционировала в течение длительного времени и, несомненно, включала погребальные сооружения различных эпох (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). Проблема значительно усложняется отсутствием в районе археологически изученных могильников. Частично обследованные Борижарский и Караспанский могильники (вскрыто около 40 насыпей из более 800) только подчеркивают необходимость комплексного исследования многочисленных погребальных сооружений региона¹, численность которых, по предварительным данным, превышает 3000. В этой связи большую значимость приобретает топографический и морфологический материал, косвенно несущий определенную информацию о памятнике. В контексте с уже опубликованными, а также новыми археологическими материалами они позволяют наметить классификацию могильников региона по хронологическому и социальным признакам.

Весь топографический и морфологический материал систематизирован по следующим ключевым признакам: а) местонахождение могильника в связи с рельефом местности и наличием водных источников; б) особенности топографии и общей планировки; в) численность насыпей в рамках могильника; г) плотность курганов на единицу площади; д) особенности конструкции, форма и профилировка насыпей; е) деформация насыпи в результате ограбления. Предварительный анализ могильников позволил выделить две большие группы памятников: сакоуеньские и все остальные.

Веским основанием для выделения могильников первой группы является, во-первых, обживание саками и усунями данного района в VI в. до н. э. — III в. н. э.², во-вторых, близость их, в частности по топографии,

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. М., 1972. С. 209.

² История Казахской ССР: (с древнейших времен до наших дней). Алма-Ата, 1977. Т. 1. С. 264; Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979. С.55—56.

к изученным сако-усуньским памятникам Семиречья, Таласской, Чуйской, Ферганской, Чаткальской долин, древнего Чача³. Для 54 могильников, отнесенных к первой группе, характерны: а) местонахождение на гребневидных аллювиальных водоразделах и относительная удаленность от водных источников; б) расположение насыпей вдоль гребня водораздела в одну, две и более цепочки (рис. 50), которые могут пересекаться; в) наличие от 5 до 50 курганов, отстоящих на 10—15 и более метров друг от друга; г) конструктивно однородные и смешанные насыпи (лесс — камень) с выраженным профилем, деформированные в результате ограбления (около 80% курганов имеют воронки); по нижнему основанию некоторых курганов отмечены кольцевые каменные выкладки. К сако-усуньским следует отнести и все одиночные крупные курганы (32), которые благодаря внушительным размерам (диаметр основания 100—70 м, верхней площадки — 15—10 м, высота 16—18 м) можно предварительно отождествить с «царскими» курганами⁴.

Рис. 50. Расположение насыпей цепочкой

Для погребальных сооружений второй группы (51) характерны: а) местонахождение вблизи поселений (ранних городищ) и крупных водных источников, охват больших территорий поймы и надпойменной террасы; б) большое количество бессистемно расположенных курганов (от нескольких десятков до нескольких сотен), растянувшихся на несколько километров вдоль надпойменной террасы, иногда спускающихся

³ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. С. 16, 233—256, 281; Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 17—20; Бернштам А. Н. Чуйская долина // МИА. 1950. № 14. С. 106—110; Он же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Там же, 1952. № 26. С. 28—35; Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АОГЭ. 1962. II. Вып. 5. С. 114—122; Кибиров А. К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане в 1933—1953 гг. // ТКАЭЭ. 1959. Т. II. С. 63—70; Бураков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973. С. 4.

⁴ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки... С. 22; Акишев К. А. Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.) // Древняя культура саков и усуней... С. 25—27; Он же. Курганы «Иссык»: (предварительные итоги раскопок) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 61—63.

в пойму; в) высокая концентрация насыпей, порой перекрывающих друг друга. Такие могильники включают в себя разновременные курганы, которые без вскрытия дифференцировать чрезвычайно трудно: помимо погребальных сооружений земледельческо-скотоводческой культуры в них присутствуют курганы тюркского и более позднего времени⁵. Некоторые могильники состоят исключительно из тюркских или земледельческо-скотоводческих курганов. Предварительная дифференциация могильников этой группы, условно названных «кочевническими» и «земледельческо-скотоводческими», может быть произведена с помощью таких признаков, как топография и профилировка насыпей.

Погребальные сооружения Южного Казахстана начиная с сакоусуньского и кончая тюркским и более поздним временем являются преимущественно подкурганскими. Их отличают: грунтовая яма и масштабные наземные сооружения из бревен; катакомбы нескольких видов; подбой; наземные паховые склепы; наземные (подземные) погребальные постройки типа склепа; наземные могильные площадки и погребения типа науса. Есть основание предполагать существование прямой связи между типами погребальных сооружений и формой курганной насыпи. Связь эта обуславливалась социальной принадлежностью и соответствующими идеологическими представлениями, отраженными в погребальном обряде; имущественной дифференциацией; архитектурой погребального сооружения. Перечисленные моменты влияли на такие параметры насыпи, как планировка (правильный круг с максимальной высотой в центре; неправильный овал со смещенным центром), профилировка (выраженная, слабовыраженная, невыраженная; равномерная и неравномерная по склонам), размеры (большие, средние, малые) и деформация в результате ограбления (грабительская воронка или следы подкопов). Отметим, что неоморфологическая характеристика, почвенный покров и растительность предгорной ландшафтной зоны Южного Казахстана и изучаемого региона исключают деформацию курганной насыпи под воздействием эрозии.

Погребальный обряд под курганной насыпью является универсальным для кочевого населения древнего Казахстана. Его генезис восходит к андроновской культуре эпохи бронзы, сакам⁶ и отражает существенный сдвиг в социально-экономической жизни племен — переход к кочевому скотоводству⁷. Новая форма хозяйствования повлекла за собой коренные переустройства в бытовой сфере в соответствии со спецификой кочевого скотоводства. В этот период появляются передвижные (складные — раскладные) жилища, покрытые войлоком (типа юрты)⁸. Разви-

⁵ Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Южного Казахстана. С. 162—163.

⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. С. 33—44; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней... С. 281.

⁷ Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 45.

⁸ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. Т. 1. С. 222; Маргулан А. Х. Архитектура древнего периода // Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959. С. 48—49.

тый у саков, усуней и других кочевников дуализм, о чем свидетельствует сопровождающий погребальный инвентарь, гипотетически дает возможность рассматривать курганный насыпь как символ передвижного кочевнического жилища. Такое жилище (юрта или типа юрты) ассоциируется с курганом (насыпью) не только по форме (округлый холм, сопка, бугор), но и по назначению (юрта как местожительство реального человека, курган как обитель его души в потустороннем мире). Подобного взгляда на символику курганной насыпи придерживается ряд археологов⁹. Имеется мнение и о солярной символике курганной насыпи¹⁰. На основании этих данных можно предполагать, что курганы (насыпи), оставленные кочевым населением, отличаются от земледельческо-скотоводческих курганных памятников и близки по планировке (правильная круглая, овальная) и профилировке (сильно выраженная, выраженная) передвижному жилищу (юрте). Имущественная и социальная дифференциации в кочевом обществе нашли отражение и в погребальных памятниках, в частности в параметрах насыпи. Исследование сако-усуньских могильников показало, что, чем больше, выше насыпь, тем выше место погребенного в социальной иерархии общества, и наоборот¹¹.

Ввиду почти полного отсутствия археологически вскрытых сакских и других погребений кочевников в регионе топографическому анализу подверглись исключительно курганы средних и небольших размеров (8—12 м в основании), преобладающие среди могильников второй группы. По топографическому признаку, а именно по деформации насыпи в результате ограбления, предварительно можно выделить «кочевнические» и «земледельческо-скотоводческие» курганные погребения. Характерно, что ограбление погребений в древности носило массовый характер. Им подвергались не только «царские», но и «рядовые» погребения, причем в большей мере кочевнические курганы. Не последнюю роль, надо полагать, в этом сыграли рельеф насыпей, видимых издали, относительная легкость обнаружения и вскрытия камеры, обусловленная простотой погребального обряда. Топографические материалы, полученные по «кочевническим» погребениям второй группы могильников, также свидетельствуют об ограблении до 70% курганов.

На вопрос, почему земледельческо-скотоводческим (оседлым) населением практиковался подкурганный обряд погребения, однозначно ответить трудно. Однако на территории, где с V до VII в. происходило непрерывное смещение оседло-земледельческих и кочевнических племен, где «процесс перехода к кочеванию и оседанию был взаимозависим»¹²,

⁹ Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 22; Акишев К. А. Саки Семиречья: (по материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.) // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 205; Оразбаев А. М. Курган с «усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 178—182.

¹⁰ Кушаев Г. А. Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н. э.—III в. н. э.) // Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. С. 279.

¹¹ Акишев К. А. Культура саков... С. 84; Кушаев Г. А. Культура усуней... С. 274—275; Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 104.

¹² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар. С. 204—205.

переплетение материальной и духовной культур кочевников и земледельцев естественно. Возможно, появление «земледельческих» подкурганых погребений в некоторой степени отражает один из этапов оседания части кочевого населения, что сказалось и на погребальном обряде: под насыпью сооружаются катакомбы и архитектурные постройки типа склепа, науса. Меняется топография кургана: с одной стороны, утратив кочевническую символику (передвижное жилище — юрта), насыпь теряет высоту, рельефность и правильную планировку и превращается в блинообразный овальный бугор, с другой — ее параметры подчиняются контурам полуназемных или наземных погребальных построек¹³.

О связи имущественной и социальной дифференциаций земледельческо-скотоводческих племен с топографией курганов можно говорить только предположительно. Топографический облик могильников, классифицируемых как «земледельческо-скотоводческие», примерно одинаков. В подавляющем большинстве это средние и небольшие насыпи. Они значительно реже подвергались ограблению, что, надо полагать, связано со спецификой погребального инвентаря (отсутствием оружия, украшений и предметов из драгоценных металлов) и трудностями поиска и вскрытия погребальных камер, особенно катакомбных погребений.

Таким образом, несмотря на почти одинаковый размер основания курганных насыпей, оставленных кочевниками и земледельцами-скотоводами, они существенным образом отличаются по планировке, высоте и профилировке, что дает возможность предварительно, без вскрытия погребений, в рамках памятников второй группы наметить классификацию могильников. Первый вид — «кочевнические» могильники (отмечено 23). Характеризуются симметричными насыпями с четко профилированными контурами, достаточно крутыми склонами, небольшой по отношению к основанию верхней площадкой, подчеркивающей контурность кургана. В большинстве случаев насыпи деформированы грабительскими раскопками. Второй вид — «земледельческо-скотоводческие» могильники (отмечено 12). Состоят из блинообразных со слабо или почти не выраженной профилировкой насыпей, имеющих овальную или асимметрично вытянутую планировку. Насыпи, за небольшим исключением, не носят следов ограбления. Третий вид — смешанные могильники (17). Включают насыпи первого и второго вида.

Особенности памятников второго вида наиболее хорошо прослеживаются на примере могильников Актобе, Алтынтобе, Каратобе.

Могильник Актобе расположен на левом берегу реки Чаян, вблизи поселения Актобе. Включает в себя 54 кургана диаметром в среднем 4—6 м, высотой 0,2—0,8 м. Насыпь состоит из щебня, грунта и камней средних размеров. Могильник протянулся полосой (ширина 50—100 м) вдоль берега реки почти на 1,5 км в направлении С—Ю. Закономерности в расположении насыпей не отмечено: фиксируются группы курганов

¹³ Максимова А. Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 96—97. Рис. 1, 2; 8, 9; Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок... С. 108. Табл. 1.

(от 3 до 8), которые спорадически разбросаны на расстоянии 10—20 м друг от друга.

Могильник Алтынтобе находится в 1 км к юго-западу от поселения Алтынтобе на левой надпойменной террасе реки Акбулак. Высота надпоймы 10—15 м. Могильник протянулся вдоль края надпоймы и включает около 300 насыпей. Состоит из 4 курганных групп, разделенных

Рис. 51. Вид насыпи могильника Алтынтобе

оврагами: северо-западной (около 30 насыпей), центральной (120—130), северо-восточной (около 70) и южной (50—55 насыпей). Расстояние между насыпями от 2 до 10 м, некоторые перекрывают друг друга.

Диаметр основания в среднем 10—15 м, высота—0,8—1,5 м. Лишь несколько курганов имеют диаметр основания 20—30 м, высоту 2—3,3 м. По форме насыпи расплывчатые, блинообразные, со слабо выраженными склонами (рис. 51, 52), конструктивно однородны (из лёсса).

Рис. 52. Вид насыпи могильника Алтынтобе

Могильник *Каратобе* расположен в 3 км к западу от пос. Сайрам на длинном, вытянутом с востока на запад надпойменном выступе реки Сайрамсу и включает 102 кургана. Насыпи курганов овальные, конструктивно однородные (лёсс). Средний размер основания 5×7—10×13 м, высота 0,5—1,6 м.

Раскопки могильников Алтынтобе, Актобе выявили катакомбный обряд погребения с характерным для земледельческо-скотоводческой культуры погребальным инвентарем (рис. 53).

Рис. 53. Могильник Алтынтобе. Погребения в курганах 3, 11

Классификация погребальных сооружений

Погребальные сооружения могильников Актобе, Алтынтобе следует рассматривать как катакомбные с характерным для них коридором-дромосом, ведущим в подпрямоугольную, овальной планировки погребальную камеру. Между тем ряд конструктивных и других различий позволяет дифференцировать катакомбы на несколько видов. Каждый вид отличается типом, размером и планировкой, способом перекрытия устья и расположением устья по отношению к насыпи; формой, размером, ориентацией погребальной камеры, характером закладки дромоса, местонахождением по отношению к центру насыпи, глубиной, особенностями соединения погребальной камеры и направлением дромоса; конструкцией и составом насыпи. Полученные в результате исследования каждого вида катакомб данные вкуче со сведениями об ориентации костяков, погребальном инвентаре дали возможность выделить две группы погребальных сооружений. Причем первая имеет один вид сооружений (могильник Актобе), а вторая — четыре вида (могильник Алтынтобе).

Вид I. Прямоугольные траншейного вида дромосы, устья которых находятся в центре курганов, под наклоном переходят в аналогичной формы овальные сводчатые камеры, являющиеся продолжением дромосов. Ориентировка дромосов и камеры — с юга на север. Размеры дромосов $2,6-3,5 \times 0,9 \times 1$ м, камер — $1,9-2,2 \times 1,6-1,8$. Камеры располагаются на глубине $1,8-2$ м от поверхности в северном секторе, ближе к кромке кургана. Устья дромосов перекрывались несколькими (до 4) каменными плитами (32% вскрытых погребений), но чаще просто засыпались грунтовым лёссом (68%). Места соединения дромосов с камерой закрывались каменными плитами (26%) или забутовывались (74%). Насыпи конструктивно сложносоставные, включают прослойки камня, щебня, лёсса.

Вид II. Ствольного типа дромосы с широким воронкообразным устьем, располагающимся у кромки кургана или за его пределами (до 3 м), перпендикулярно под наклоном примыкают к овальной подпрямоугольной сводчатой камере. Размеры камер $2,2-2,7 \times 1,4-1,7$ м, высота свода около 1,2 м; размер вертикально-овального ствола дромосов в сечении $0,8 \times 1,1$; $0,9 \times 1,2$ м; длина $4,3-6,8$ м. Камеры находятся на глубине $2,8-4,2$ м в юго-западном секторе курганов, ближе к кромке, в $1-3,8$ м от центра и ориентированы с юго-востока на северо-запад. Пол камеры занижен на $0,1-0,2$ м от нижней точки окончания дромоса. Место соединения дромоса с камерой закладывалось либо лёссовым грунтом, либо прямоугольным кирпичом-сырцом ($44 \times 22 \times 19$ или $40 \times 21 \times 9$ см). Насыпи конструктивно однородны, состоят из лёсса (табл. VI, курган 5,10). К этому же виду, судя по всему, следует отнести катакомбы, имеющие дромосы полутраншейного-полуствольного типа (табл. VI, курган 11).

Вид III. Погребальные сооружения по облику, характерным признакам и ключевым параметрам близки катакомбам вида II. Отличаются

тем, что располагаются в северо-восточном секторе кургана; имеют строгую ориентировку С—Ю; место соединения дромоса с камерой забутовывалось только лёссом (табл. VI, курганы 1,2).

Вид IV. Дромосы ствольного типа с воронкообразным устьем, начинающимся в центре насыпи, примыкают перпендикулярно к подпрямоугольным в плане овальным сводчатым камерам, имеющим ступеньку. Камеры располагаются в северо-западном секторе, ближе к кромке кургана, в 2,5—3,3 м от центра. Размеры камер 2,3—2,5×1,3—1,5 м, высота свода 1,1—1,2 м. Дромосы овальные по вертикали, размером в сечении 0,75×1,1 м, длиной 5,8—6,4 м. Место соединения дромоса с камерой забутовано на один-два раза пахсой в смеси с гумусно-зольниковыми включениями и мелкими фрагментами керамики. Насыпи однородные, из лёсса (табл. VI, курган 3).

Вид V. Конструктивно и по параметрам соответствует виду IV. Отличие состоит в том, что устья дромосов начинаются за пределами или у кромки курганов, камеры имеют ориентировку З—В и расположены в центре кургана; места соединения камер с дромосами закладывались лёссовым грунтом (табл. VI, курган 8).

Как видно, существенные конструктивные особенности отмечены у первого вида катакомбных сооружений, в то время как остальные виды конструктивно аналогичны друг другу. Прямых аналогий катакомбам I вида найти не удалось, однако близкие по устройству погребальные сооружения зафиксированы в могильниках Шаушукумский, Карабулакский¹⁴. Что касается катакомб II—V видов, то они находят близкие и прямые аналогии в многочисленных могильниках каунчинско-джунской культуры¹⁵.

Погребальный обряд

Археологический материал могильников Актобе, Алтынтобе позволяет достаточно хорошо реконструировать погребальный обряд — трупоположение в катакомбе с ориентацией костяков в зависимости от особенностей конструкции конкретного вида катакомбы и соответствующим погребальным инвентарем.

¹⁴ Максимова А. Г. Шаушукумский могильник // Древности Чардары. С. 205; Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник (раскопки 1955 г.) // Труды ИИАЭ АН КиргССР. 1957. Вып. 3. С. 19.

¹⁵ Оболдуева Т. Г. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области // КСИИМК. 1948. Вып. 23. С. 201—202; Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 59; Массон М. Е. Ахангерап. Ташкент, 1953. С. 19—21; Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Изв. УзФАН СССР. 1940. № 9. С. 30—36; Воронец М. Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. // Труды Музея истории народов Узбекистана. 1954. Вып. 1. С. 43—76; Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской // ИМКУ. 1961. Вып. 2. С. 223—235; Максимова А. Г. Могильник Актобе // Древности Чардары. С. 193; Она же. Шаушукумский могильник // Там же. С. 202; Она же. Могильник Жамантога // Там же. С. 174—175; Обельченко О. В. Могильник Акдзар-тепе. С. 58—63; Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника... С. 108.

Катакомбы I вида. Одиночный костяк в вытянутом положении, на спине, с прижатыми руками, ориентирован головой на север. Вход в камеру закрывался каменной плитой соответствующего размера, затем дромос засыпался щебневым грунтом или перекрывался плитами, после чего возводилась насыпь из камня (крупные — внизу, сверху — мелкие и щебень с лессом). При вскрытии насыпей в них отмечены зольниковые пятна и обожженные кости домашних животных. Ввиду ограбления значительного количества открытых погребений и почти полного отсутствия инвентаря в камерах с хорошей сохранностью костяков (курган 51) трудно судить о характере обряда. Заметим, что обряд погребения, зафиксированный в катакомбах I вида, отмечен только в регионе южных склонов Каратау. Конструктивно катакомбы этого вида сочетают в себе, с одной стороны, признаки погребений скотоводческих племен (III в. до н. э. — III в. н. э.) близлежащих районов северных склонов Каратау и Таласского Алатау (грунтовой яма с поперечным перекрытием каменными плитами)¹⁶, с другой — элементы подбойных погребений сакоусуньского и более позднего времени, в которых камера-подбой отделялась от основной ямы каменными плитами¹⁷. Что касается зольниковых пятен и обожженных костей в насыпях, то, на наш взгляд, это следует связывать с обычаем тризны. Наличие в насыпях зольниковых пятен и кальцинированных костей животных отмечено в погребениях ранних кочевников и в более позднее время¹⁸.

Катакомбы II—V видов. При некоторых расхождениях в ориентации камер и костяков, в расположении камер по отношению к центру кургана, местонахождению устья дромосов и в забутовке (закладке) камер им свойствен единый обряд погребения, а именно: а) захоронение в одной камере от 2 до 4 костяков; б) расположение костяков на спине, с ориентацией головой на восток (II, V виды), на юго-запад (IV вид); на юго-восток (III вид); на юг (III вид); в) наличие погребального инвентаря, включающего керамику (от 3 до 7 сосудов), изделия из металла, камня, украшения; г) присутствие в камерах костных останков овцы и вываренных овечьих костей в сосудах (IV, V виды); д) забутовка места соединения дромоса с камерой лессовым грунтом (II, III виды), пахсой и смеси с зольниковыми включениями и фрагментами керамики (IV вид) или закладка прямоугольным кирпичом-сырцом (II вид); е) закладка перпендикулярно примыкающего к камере дромоса лессовым грунтом и возведение из него насыпи, располагающейся не обязательно

¹⁶ Максимова А. Г. Погребальные сооружения скотоводческих племен // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962. С. 97—98. Рис. 2; Она же. Цепочка курганов из могильника Караша I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 121—125. Рис. 2; Она же. Курганные могильники Караша I и II // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 163—181. Рис. 11; Она же. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Цомски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 135.

¹⁷ Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7: Археология. Алма-Ата, 1959. С. 169. Рис. 4; Акиев К. А. Памятники старинного Северного Казахстана // Там же. С. 19—21. Рис. 14, 16.

¹⁸ Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 43—44.

над погребальной камерой и не перекрывающей в большинстве случаев устье дромосов (за исключением IV вида); ж) наличие в насыпях керамических сосудов, фрагментов керамики, каменных орудий труда и зольниковых пятен. Прямых аналогий описанному обряду погребения или одному из видов катакомб найти не удалось. Однако ближе всего по конструктивному принципу и некоторым характерным элементам к нему находятся катакомбы Борижарского могильника¹⁹. Довольно близкие аналогии описанному обряду зафиксированы в катакомбных погребениях могильников каунчинско-джунской культуры²⁰. Описанный обряд погребения характерен для предгорной зоны бассейна р. Арысь и склонов Каржантау, где высокие аллювиальные лессовые надпойменные террасы позволяют возводить подобные сооружения. Более полную картину этого погребального обряда дает характеристика погребального инвентаря.

Погребальный инвентарь и вопросы хронологии

Инвентарь из погребений представлен керамическими сосудами, орудиями труда, изделиями из камня и металла, украшениями, игральными астрагалами (рис. 54, 55).

Керамика присутствует в каждой камере и составляет большую часть находок. Количество варьирует от 3 до 7 сосудов, некоторые найдены в насыпи курганов. Системы в местонахождении ее в камере и по отношению к костякам не выявлено. Сосуды фиксируются единицами и по 3—5 у входа в камеру (II, V виды катакомб) или у противоположной входу стенки камеры (II, IV виды); располагаются одновременно в изголовье, у таза и в ногах (II, III, IV виды), только в изголовье (III вид) и только в ногах (II вид), у таза и в ногах (V вид). Вся полученная в погребениях керамика находит аналогии, вплоть до идентичности форм, в керамике близлежащих поселений Актобе Чаинское, Алтынтабе, Каратобе. Ввиду явной тождественности большинства сосудов (пропорции, декор, назначение, размеры) из катакомб II—V видов, а также остального инвентаря из катакомб II, V, IV видов (табл. VI) керамику из погребений следует рассматривать как единый комплекс, вне конструктивных особенностей отдельно взятого вида катакомбы.

Керамика из погребений включает кухонную (12% от общего количества найденных сосудов как целых, так и археологически реконструируемых), столовую (85%) и посуду специального назначения (3%). Столовая посуда представлена горшками (табл. VI, 10, 21), банкообразными сосудами (табл. VI, 30) кувшинами (табл. VI, 9, 11, 16—18, 22, 27,

¹⁹ Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника... С. 108—113. Табл. II—III.

²⁰ Обельченко О. В. К изучению курганных погребений в Средней Азии // ИМКУ. 1964. Вып. 5. С. 223; Григорьев Г. В. Келесская степь... С. 55, 56—59. Табл. III, XXI; Обельченко О. В. Агальксайские курганы // ИМКУ. 1972. Вып. 9. С. 57—61. Рис. 2; Максимова А. Г. Могильник Жамантогай. С. 174, 175. Рис. 2; Она же. Могильник Актобе. С. 193. Рис. 8, 9; Она же. Шаушукумский могильник. С. 202—203. Рис. 11, 12; Обельченко О. В. Могильник Акджар-тепе. С. 58. Рис. 1, 2.

Рис. 54. Керамика из погребений могильника Алтынтобе: 1 — кургана 8, 2 — кургана 3, 3 — кургана 5

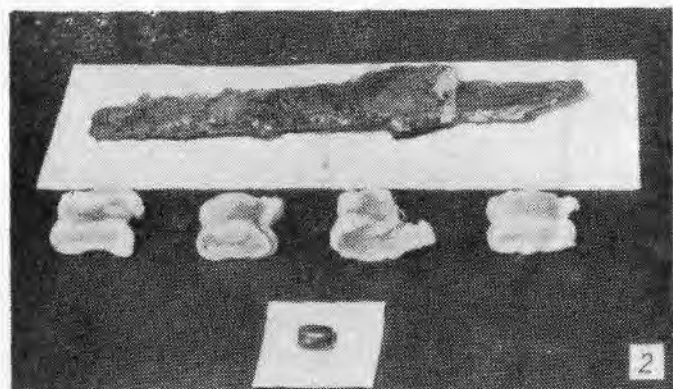
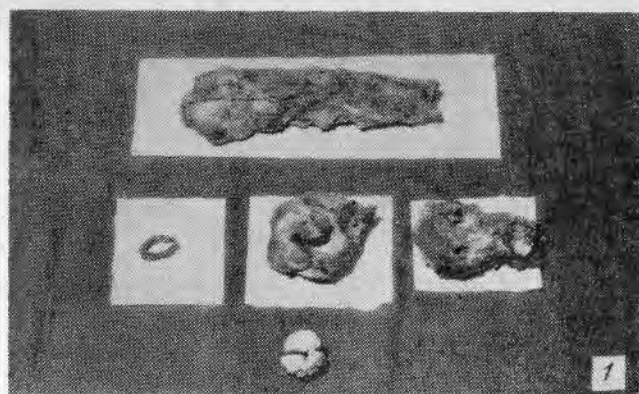

Рис. 55. Инвентарь из погребений могильника Алтынтобе: 1 — курган 8, 2 — курган 3, 3 — курган 11

29, 31), кружками (табл. VI, 2, 3, 12, 14, 19, 23—24, 28), тарелками (табл. VI, 20, 25), флягами (табл. VI, 8, 15). Кухонная керамика представлена горшками (табл. VI, 1), кружками (табл. VI, 5, 6, 26) и мисками (табл. VI, 7). Керамика специального назначения — курильницами (табл. VI, 4). Все виды посуды из погребений находят прямые аналогии в керамических материалах близлежащих поселений Актобе, Алтынтобе, Каратобе, отдельные типы — на поселениях Караултобе (верховья р. Арысь), Актобе близ Баба-Ата (северные склоны Каратау), Актобе-2 и Шаушукумтобе (средняя Сырдарья), поселениях и городищах Ташкентского оазиса, Ферганской долины и низовьев Сырдарьи, датируемых I—IV вв. Кроме того, некоторые виды и типы посуды из наших могильников известны по погребальным памятникам Таласской, Чаткальской, Ферганской долин, каунчинско-джунской культуры Чачского оазиса и средней Сырдарьи.

Орудия труда и изделия из камня представлены фрагментированными ладьевидными зернотерками и оселками (табл. VI, 42). Первые обнаружены в насыпях на уровне древней поверхности. Характерный ладьевидный профиль обусловлен сработанностью рабочей поверхности. Оселки классической формы, с отверстием в утолщенной части для подвешивания к поясу, имеют две рабочие поверхности. Выполнены из речного галечника. В погребениях располагались в районе тазовых костей (табл. VI, курган 11). Прямые аналогии ладьевидным зернотеркам имеются в материалах близлежащих поселений, а также поселения Караултобе I—IV вв.²¹ Близкие по формам и размерам оселки отмечены на поселении Караултобе и в Кенкольском могильнике²².

Изделия из металла включают: однолезвийные без перекрестия железные черешковые ножи (табл. VI, 33, 36); поясные железные пряжки с подвижным прямоугольным щитком, круглой рамкой и бегающим язычком (табл. VI, 37); бесщитковые круглые поясные пряжки с бегающим язычком (табл. VI, 39); простые кольцевые пряжки; обыкновенные железные кольца на пальцы (табл. VI, 41). Ножи находились в деревянных ножнах и имели, очевидно, деревянные ручки. Найдены у тазовых костей, справа, перекрывались фалангами кисти, т. е. их вкладывали в правую руку покойника. Все пряжки обнаружены на тазовых костях.

Аналогии перечисленному инвентарю из железа широки. Однолезвийные ножи и щитковые (бесщитковые) пряжки с бегающим язычком найдены вместе в катакомбных погребениях Борижарского, Шаушукумского могильников и могильника Мардан I—III вв.²³ В отдельности ножи, щитковые, бесщитковые пряжки с бегающим язычком, кольцевые пряжки отмечены в погребениях каунчинской культуры I—III вв. (вмес-

²¹ Подушкин Н. П. О хозяйстве оседлого населения Арысь в I—IV веках // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 81—83. Табл. 1, 1—2.

²² Там же. Табл. 1, 23—25; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 70—72. Рис. 4, 4.

²³ Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника... С. 110—113; Он же. Могильник Мардан // КСИА. М., 1978. 154. С. 101; Максимова А. Г. Шаушукумский могильник. С. 224. Табл. XVII, 1, 2, 7, 27—29, 36; XXI, 5, 6, 7.

те с оружием), Кенкольском могильнике (с оружием) I—V вв., могильниках Жамантогай III—V вв., Актобе I—III вв. и катакомбах Агалыксайского могильника (курган 6) I—III вв. (с оружием)²⁴.

Украшения представлены: бусинами цилиндрическими каменными (табл. VI, 32) и ребристыми шаровидными из стекловидной пасты голубого цвета (табл. VI, 35), эллипсоидной медной серьгой (табл. VI, 38). Бусины обнаружены в районе грудной клетки (из стекловидной пасты) и запястья руки погребенного (каменные). Ближайшие аналогии упомянутым бусинам отмечены в катакомбных погребениях могильников Жамантогай I в., Актобе I—III вв., Шаушукумский V в., в погребениях могильника Мардан I в. до н. э. — II в. н. э., а также памятниках I—IV вв. низовьев Сырдарьи²⁵.

Костяные находки являются, очевидно, игральными костями. Они изготовлены из астрагалов овцы (барана) и имеют специально подточенные боковые грани и высверленные отверстия (табл. VI, 34). В погребениях располагались бессистемно, группами и единично; в отдельных случаях найдены в сосудах (табл. VI, кружка 14, курган 3), стоящих у газовых костей. Астрагалы отмечены в катакомбах Шаушукумского могильника III—V вв., на близлежащих поселениях Алтынтобе, Каратобе, а также на городище Каунчитепе I—IV вв.²⁶

Таким образом, погребения могильников Актобе (I вид), Алтынтобе (II—IV виды) с их конструктивными особенностями, обрядом погребения, погребальным инвентарем входят в круг катакомбных памятников средней Сырдарьи, Арысской, Таласской, Ферганской и Чаткальской долин первой половины I тысячелетия н. э. Сопоставление с наиболее близкими могильниками позволяет датировать их I—III вв., возможно, I — началом IV в. Такая датировка подкрепляется керамическим материалом близлежащих поселений Актобе, Алтынтобе, Каратобе. Однако наряду с общими для катакомбных погребений Средней Азии и Казахстана чертами изучаемые памятники (особенно II—V виды) имеют отличительные особенности, указывающие на некоторую автономность их.

В числе особенностей конструкции, погребального обряда и инвентаря следует отметить: а) наличие бесступенчатых дромосов узкотраншейного и ствольного типов, воронкообразные устья которых в подавляющих случаях не перекрывались насыпью и находились в стороне от кургана; б) местонахождение камер в разных секторах кургана (3—

²⁴ Григорьев Г. В. Келесская степь... С. 55—56. Табл. III, 23; С. 59—69. Табл. XVI, 120; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники... С. 72—73. Рис. 4, 3, 14—13, 19—21; Максимова А. Г. Могильник Жамантогай. С. 184. Табл. III, 10—11, 7, 8, 14; Она же. Могильник Актобе... С. 199. Табл. XI, 7—10; Обельченко О. В. Агалыксайские курганы... С. 60. Рис. 1, 3.

²⁵ Максимова А. Г. Могильник Жамантогай. С. 181, 186. Табл. VII, 18б; Она же. Могильник Актобе... С. 200. Табл. XI, 5, 13; Она же. Шаушукумский могильник... С. 230—233. Табл. XXI, 31б, 31ж; XXVII, 7; Нурмуханбетов Б. Н. Могильник Мардан... С. 101; Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 34. Рис. 6, 38.

²⁶ Максимова А. Г. Шаушукумский могильник... С. 224. Табл. XXI, 14—16, 20—24; Григорьев Г. В. Келесская степь... С. 53. Табл. VI, 48—49.

5 м от центра) и за пределами последнего; в) исключительно групповое трупоположение (2—4 костяка); установление в камере нескольких керамических сосудов (от 3 до 7); полное отсутствие оружия; д) забутовка входа в камеру специально приготовленной пахсой.

Ствольные дромосы с расширенным воронкообразным устьем и узкотраншейные длинные дромосы, судя по всему, генетически взаимосвязанные и являющиеся производным одного погребального обряда, отмечены только в бассейне р. Арысь. Сама по себе возможность сооружения таких дромосов обусловлена ландшафтом (наличием мощных надпойменных террас) и наличием высококачественных лессовых глин. Вязкость этих глин позволяет возводить даже крупные сводчатые подземные конструкции без закрепляющих приспособлений. Что касается генетической взаимосвязанности, то среди дромосов могильника Алтынтобе известны переходные типы, как полутраншейные, так и полустольные (табл. VI, курган 11, II вид катакомб, курган 8, V вид). Появление и распространение в регионе подобных дромосов следует рассматривать в контексте с обрядом погребения в целом и с его особенностями в частности.

Вторая особенность впервые была обнаружена при изучении Боржарского могильника²⁷. Раскопки основания насыпей нескольких курганов на надпойменной террасе тогда не дали никакого материала (не удалось проследить даже границ могильных ям) и были классифицированы как кенотафы. Включение в дальнейшем в площадь раскопа кромки насыпей и территории за пределами курганов позволило открыть погребения в катакомбе с расположением камер и дромосов вне курганных насыпей²⁸. Аналогичные катакомбы вскрыты в могильнике Алтынтобе²⁹. Ситуацию, при которой камеры, дромосы (устья дромосов) не перекрываются насыпью, с полным основанием можно рассматривать как деформацию погребального обряда, в ходе которой утратилась сакральная символика курганной насыпи. Курган, судя по всему, оставаясь одним из элементов обряда, уже не играет в нем существенной роли, поэтому сооружается в большей степени традиционно и не обязательно над погребенными. Этим объясняется, с одной стороны, бессистемное местонахождение камер по отношению к кургану (табл. VI), с другой — расплывчатая, блинообразная форма насыпи, которая как «кочевнический» атрибут теряет свою главную семантическую функцию (передвижное кочевническое жилище).

Конструктивное своеобразие подобных катакомб можно объяснить и сугубо утилитарными стремлениями — уберечь погребения от ограбления. Сооружение камер без системы в различных секторах даже средне-

²⁷ Бернштам А. Н. Отрарский оазис в раннем средневековье: Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции за 1949 г. // Архив ИИАЭ АН КазССР. Ф. 1. Д. 38. С. 8—12; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1. С. 53—55.

²⁸ Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Боржарского могильника... С. 108; 110—113. Табл. II, III.

²⁹ Подушкин А. Н. Раскопки могильника Алтынтобе // АО, 1982. М., 1984. С. 462.

го по размерам кургана или за его пределами, не пересыпанные насыпями устья дромосов затрудняли грабителям их поиски. Такая «дезорientация», несомненно, способствовала сохранению погребений: 80% вскрытых катакомб могильника Алтынтобе не потревожены грабителями. Этот прием и возможная преемственность с погребальными сооружениями сако-усуньского времени позволяют гипотетически рассматривать дромос ствольного типа как результат эволюции грунтовой ямы (грунтовая яма — ступенчатый траншейный дромос — узкотраншейный бесступенчатый дромос — дромос ствольного типа), вызванной стремлением значительно уменьшить внешнюю «входную» площадь в целях маскировки погребения. Наконец, устья дромосов могли оставлять за пределами насыпей намеренно, с целью облегчить процесс захоронения. Такие погребения имели место в катакомбах II, III видов могильника Алтынтобе (табл. VI, курган II; курган I, костяк в дромосе), причем катакомба в данном случае выступает в роли семейного склепа, на что указывают идентичность и синхронность погребального инвентаря. Впускные погребения отмечены в катакомбах могильника Актобе I—III вв.³⁰

Групповые захоронения в одной камере в сопровождении нескольких керамических сосудов в целом свойственны катакомбному обряду. Однако если в могильниках Средней Азии и Казахстана они сочетались с одиночными, то могильник Алтынтобе состоит исключительно из групповых захоронений со значительным количеством сосудов (табл. VI). Судя по всему, это связано с утверждением земледелия в качестве основной формы хозяйственной деятельности и переходом к оседлому образу жизни в стационарных жилищах в рамках неукрепленных и укрепленных поселений. Плотность жилой застройки поселений довольно высокая, что, несомненно, является косвенным свидетельством высокой концентрации населения в них. Во время военных действий, стихийных бедствий (эпидемия, голод) процент смертности увеличивался, например, в таких центрах, как поселение Алтынтобе. Об этом говорит не только количество одновременно погребенных в камере, но и половая, возрастная принадлежность умерших (табл. VI). Причем не вызывает сомнения семейственность таких захоронений³¹.

В групповых погребениях могильника Алтынтобе довольно хорошо прослеживается «индивидуальное» предназначение посуды с учетом семейного положения и возраста погребенных (отец — мать — дети). Это выражается в размерах сосудов и их расположении по отношению к костякам. Выявлено, что керамика в подавляющих случаях располагалась вблизи мужских костяков (в изголовье, у таза, в ногах), редко — рядом с детскими костяками и как исключение — около женских костяков (табл. VI, курган I). Например, в кургане 2 обнаружены мужской костяк с патологической деформацией позвоночника (горбун) и женский; все сосуды располагались в изголовье мужчины. В кургане 3 за-

³⁰ Максимова А. Г. Могильник Актобе... С. 193, 255—256.

³¹ Григорьев Г. В. Келесская степь... С. 56; Оболдуева Т. Г. Курганы каунчинской и джунской культур... С. 201—202; Максимова А. Г. Могильник Актобе... С. 193—196.

фиксированы мужской и детский костяки; у мужчин в ногах — группа сосудов, причем крупные (горшок, кувшин, кружка) явно «предназначались» ему, остальные — ребенку. В изголовье последнего находилась миниатюрная фляжка, у таза — маленькая кружка с 4 игральными астрагалами. В кургане 8 были захоронены мужчина, женщина и ребенок. В ногах мужчины стоял горшок, у таза справа — кувшин, кружка, маленькая кружка, рядом — тарелка.

Количество посуды в погребениях не одинаковое и не зависит от числа костяков. Например, в кургане 1 четыре костяка и четыре сосуда, в кургане 3 — два костяка и 7 сосудов. Видимо, имущественная дифференциация в среде насельников, оставивших изучаемые катакомбы, уже имела место. Доказательством тому служит не только численный показатель (больше — меньше сосудов), но и качество выделки, декор столовых керамических комплексов (табл. VI, курган 8,5 — курган 1, 10). В некоторых случаях в камеры ставили реставрированную и деформированную при обжиге посуду. Вполне возможно, что форма (круглодонная, плоскодонная), декор, количество сосудов в погребениях являлись «показателем степени социально-экономической дифференциации древних племен»³².

«Земледельческий» облик керамики из погребений Алтынтобе не вызывает сомнений: практически все виды, типы, подтипы сосудов находят прямые аналогии вплоть до тождества в керамических комплексах близлежащих поселений (табл. III). Материалы могильника Алтынтобе не говорят о социальной дифференциации населения, хотя в нем имеются курганы больших размеров (до 35 м в основании), которые могут включать катакомбные погребения.

Отсутствие оружия в катакомбных погребениях могильников Алтынтобе, Борижарский³³ позволяет считать, что это было характерно для всех погребений региона р. Арысь. В катакомбных памятниках Средней Азии и Казахстана кинжалы, мечи, наконечники стрел, луки — обязательный атрибут (могильники Кенкольский, Джунский, близ городища Каунчитепе, близ ст. Вревская, в окрестностях Самарканда; могильники Жамантогай, Актобе, Шаушукумский и др.). Погребения без оружия встречаются редко. Это дало возможность рассматривать катакомбные погребения как кочевнические³⁴. Оружие, несомненно, являлось привилегией части кочевого населения, и его присутствие в погребениях может выступать показателем социальной принадлежности. В таком случае отсутствие оружия в катакомбных погребениях района р. Арысь можно трактовать как следствие социально-экономических изменений, связанных с переходом к оседлости и земледелию. Вместо оружия в погребальную камеру помещают сугубо земледельческий инвентарь — бытовые однолезвийные ножи, керамику, зернотерки и др. Ти-

³² Кушаев Г. А. Культура усуней... С. 260—263.

³³ Найденный в одной из катакомб Борижарского могильника однолезвийный железный нож, по нашему мнению, не может трактоваться как оружие (См.: Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника... С. 110).

³⁴ Бернштам А. И. Кенкольский могильник... С. 27; Григорьев Г. В. Келеская степь... С. 56—57.

пичным атрибутом инвентаря погребальных памятников средней Сырдарьи оружие становится начиная с IV в. (этап Қаунчи II)³⁵.

К числу конструктивных особенностей катакомбных сооружений региона р. Арысь относится забутовка места соединения камеры с дромосом специально приготовленной пахсой (в отличие от традиционной забутовки лессовым грунтом или закладки кирпичом-сырцом). Пахса включала гумусно-золиковые лессовые компоненты и мелкие фрагменты керамики. Забутовка осуществлялась в один или два разделяющихся слоя толщиной 0,35—0,45 м (Алтынтобе, курган 3). Трудно сказать, где готовилась пахсовая масса — на поселении или вблизи погребения, — но несомненно, что ее компоненты имеют прямое отношение к поселению (возможно, они взяты из выгребной ямы), а затем транспортированы к месту захоронения. Прямоугольный кирпич-сырец, которым заложены входы некоторых погребальных камер, аналогичен по форме и размерам кирпичу-сырцу, из которого сложены стены отдельных жилых помещений и стилобат поселения Алтынтобе. В Средней Азии и Казахстане известны катакомбы, погребальные камеры которых заложены квадратным кирпичом-сырцом³⁶.

Особенности погребального обряда и катакомбных захоронений в целом, археологические материалы погребений и поселений позволяют с уверенностью говорить о катакомбах как о погребениях, оставленных оседлым населением. Однако данные могильника Алтынтобе указывают на сохранение некоторых кочевнических традиций. Речь идет прежде всего о собственно подкурганном катакомбном обряде, одним из элементов которого является курганная насыпь. Курган, даже сильно деформированный и невыразительный, продолжал нести определенную сакральную функцию, семантически близкую символу кочевнического передвижного жилища — юрте. Некоторые исследователи видят кочевнические признаки в конструктивных составляющих катакомбного обряда, в устройстве погребальной сводчатой камеры³⁷. О сохранении кочевнических традиций говорит и присутствие в погребениях костей домашних животных (овцы или барана). Катакомбы могильника Алтынтобе дают два варианта такого присутствия: часть туши (как правило, ребра, крестец, астрагалы) или куски сваренного мяса, помещенного в сосуды. Обычай сопровождать умерших погребальной пищей как массовый отмечен в сако-усуньских и более поздних захоронениях кочевников, причем помещение частей туш овец или баранов является показателем состава стада кочевого (полукочевого) населения³⁸. Наконец, золиковые линзы в насыпях могильника Алтынтобе в сочетании с находящи-

³⁵ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 181.

³⁶ Максимова А. Г. Могильник Актобе... С. 193; Обельченко О. В. Агалыксайские курганы... С. 57.

³⁷ Максимова А. Г. Шаушукумский могильник... С. 248.

³⁸ Акишев К. А. Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.). С. 93, 94, 96, 98, 101, 102; Он же. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 42—43; Кушаев Г. А. Культура усуней... С. 182, 188—190, 202, 207, 214; Максимова А. Г. Курганные могильники Караша I и II... С. 164, 168, 170, 173.

мися рядом закопченными сосудами (в основном кухонного назначения) находят аналогии в могильниках усуньского времени³⁹. В некоторой степени отпечаток кочевнических влияний носит погребальная атрибуция, особенно керамика. Например, яйцевидные вертикальные фляги, курильницы, зооморфные изображения на посуде, иконографически близкие некоторым сюжетам сакского «звериного» стиля. Однако, все кочевнические традиции на фоне выраженных земледельческих признаков катакомбного обряда являются второстепенными. Это подчеркивает основной археологический материал из погребений, в подавляющей массе находящий аналогии в материалах оседлых поселений. Причем подобная ситуация характерна не только для могильника и поселения Алтынтобе⁴⁰.

Таким образом, появление погребальных памятников типа катакомб в изучаемом районе следует связывать с эволюцией идеологических представлений местных оседлых племен. Эта эволюция, явившаяся следствием хозяйственной деятельности и ряда других факторов, нашла отражение в погребальном обряде, в такой специфической форме, как катакомбы, где просматриваются и земледельческие и кочевнические традиции. Генетические истоки катакомбного обряда погребения следует искать, очевидно, в сако-усуньской культуре, преемниками которой были местные земледельческо-скотоводческие племена. Катакомбные погребения могильника Алтынтобе принадлежали местному оседлому населению, в среде которого наметилась имущественная и семейная дифференциация. Катакомбы могильника по аналогии с подобными сооружениями Средней Азии и Казахстана, а также на основании археологического материала из поселений, городищ этих регионов датируются I—III вв., возможно I — началом IV в.

³⁹ Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7: Археология. Алма-Ата, 1959. С. 43.

⁴⁰ См.: Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Отчет о работах Южно-Казахстанской... С. 51—57; Максимова А. Г. Могильник Актобе... С. 200; Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника... С. 115.

Керамика Отрарского оазиса

Вопросы типологической и хронологической классификации ранней керамики Отрарского оазиса затрагивались неоднократно¹. Однако малочисленность материалов из раскопок и как следствие опора на комплексы подъемной керамики либо анализ керамики только из городищ, без использования данных могильников, делали эту классификацию неполной.

Полученные нами материалы из раскопок поселений, городищ и могильников позволяют выделить в соответствии с функциональным назначением несколько основных групп керамики: кухонная, хозяйственно-бытовая, столовая и посуда специального назначения.

Кухонная керамика вся ручной работы, внешняя поверхность закопчена, тесто грубое, с большими примесями шамота, дресвы, известняка и растительности. Включает следующие виды: котлы, горшки-котлы, горшки, кружки, сковороды-жаровни и роговидные подставки под сосуда.

Котлы сферической формы, очевидно, с двумя петлевидными ручками на венчике и высоким врезным поддоном (табл. I, 1, 2). Орнаментация отсутствует. Максимальный диаметр венчика — в верхней части сосуда. Подобные котлы отмечены в материалах поселения Караултобе I—IV вв. и поселений джетысарской культуры IV—VI вв.²

Горшки-котлы подразделяются на три типа (табл. I, 3—7). Шаровидные, с выраженной короткой горловиной сосуда (тип I а) характери-

¹ Агеева Е. И. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау // КСИИМК. Вып. 28. М., 1949. С. 86—88; Она же. Керамика городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1950. Вып. 2. С. 109—119; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. V. Алма-Ата, 1958. С. 157—202; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 83—90, 123—180; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1972. С. 219—222; Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI—начале XIII в. Алма-Ата, 1986. С. 43—48, 58—59.

² Подушкин Н. П. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий р. Арысь (I—IV вв.). С. 100. Табл. II, 11; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 72. Рис. 15, 183, 185, 190.

зуются двумя ушковидными горизонтальными ручками на плечиках; максимальный диаметр тулова имеет в середине. В районе венчика, по ручкам они украшены пальцевыми вдавлениями по сырой глине. Некоторые ручки по кромке имеют выпуклые шишечки. Сосуды подобной формы и декора имеются в материалах поселений каунчинской культуры IV—V вв. н. э.³ Горшки-котлы типа I б дублируют по форме и решению ручек предыдущие, но не имеют горловины (табл. I, 6). Сосуды типа II грушевидные, с высокой горловиной, плавными плечиками и двумя петлевидными горизонтальными ручками на них (табл. I, 7). Орнаментация отсутствует. Максимального диаметра тулова достигает в средней и верхней части. Близкие по форме сосуды отмечены только на поселениях бассейна Арыси I—IV вв.⁴

Горшки представлены также тремя типами (табл. I, 8—15). Первый (I) — это грушевидные, со слабовыраженной короткой горловиной, двумя петлевидными вертикальными ручками сосуда (табл. I, 8—10). Украшены они пальцевыми вдавлениями, рельефно-выпуклым валиком (пряматым пальцем, рассеченным). Максимальный диаметр сосуда — в средней части. Аналогичные горшки известны по материалам поселений каунчинской культуры Сырдарьи I—IV, IV—V вв., а также поселений I—IV вв. бассейна Арыси⁵.

Горшки типа II а — грушевидные, с выраженной горловиной и слегка отогнутой закраиной (табл. I, 11—13). Ручек они не имеют; орнаментированы пальцевыми вдавлениями, вдавлениями тростником и выпуклыми шишечками. Максимальный диаметр сосуда — в средней части. Аналогии им имеются в материалах поселений Актобе, Чольтобе середины I тысячелетия⁶. Горшки третьего типа (II б) шаровидные, с невысокой горловиной (табл. I, 14—15). Украшены выпуклыми шишечками на слабовыраженном плечике и «рассеченным» валиком на горловине. Аналогий сосудам этого типа не найдено, однако близкие по форме горшки имеются в материалах поселения Алтынтобе IV—VI вв.⁷

Кружки отмечены пять типов (табл. I, 16—24). Грушевидные (тип I а) характеризуются одной петлевидной ручкой, начинающейся от плечика сосуда и крепящейся верхним основанием к венчику; иногда верхняя часть ручки возвышается над венчиком. Сосуды эти имеют выра-

³ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 182, 183. Рис. 59, 140, 142.

⁴ Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана I—VI вв. н. э. (бассейн р. Арысь, южные склоны Каратау и Каржантау): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 117. Табл. 12, 11—17.

⁵ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении... С. 52. Табл. IX, 68; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 182. Рис. 59, 153—156; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 116. Табл. 12, 1—3.

⁶ Сенигова Т. Н. Поселение Актобе... С. 72. Рис. 14, 5; Мерцеев М. С. Поселение Чольтобе в северных предгорьях Киргизского Алатау... С. 4. Рис. 3, 15.

⁷ Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана... С. 117. Табл. 14, 77.

женную горловину и максимальный диаметр в средней части. Орнаментация — пальцевые вдавления на тулове (табл. I, 16—20). Аналогии кружкам отмечены на поселениях Актобе-2 I—IV вв. и бассейна Арысы I—IV вв.⁸ Банкообразные кружки (тип I б) — без горловины, иногда со слегка загнутой закраиной и небольшой петлевидной ручкой. Орнаментация отсутствует, максимальный диаметр наблюдается в верхней и средней частях (табл. I, 21). Подобные кружки имеются в материалах поселений Актобе-2 I—IV вв.⁹ Приземистые, с широким туловом и высокой горловиной напоминают по форме миниатюрный кувшин; максимальный диаметр отмечен в нижней части (табл. I, 22). Аналогий кружкам I а не найдено. Грушевидные, с выраженной короткой горловиной, плавными плечиками и закраиной, слегка отогнутой наружу, кружки (тип II) орнамента не имеют; максимальный диаметр сосуда — в средней части (табл. I, 23—24). Кружки такого типа отмечены в материалах могильника Борижарский I в. н. э., на поселениях Актобе-2 I—IV вв.¹⁰ Банкообразные, с прямыми или слегка загибающимися внутрь стенками, без выраженной закраины сосуда (тип III) иногда имеют небольшую петлевидную ручку. Орнаментация отсутствует (табл. I, 25—26). Ближайшие аналогии таким кружкам имеются в материалах поселения Каунчитепе IV—V вв.¹¹

Сковороды-жаровни отмечены двух типов (табл. I, 27—30). Бортики жаровен одного типа (I а) прямые или слегка отогнутые наружу, другого (I б) — загибающиеся внутрь. Аналогии описанным сосудам имеются в памятниках каунчинской культуры I—VI вв.¹²

Крышки представлены двумя группами (табл. I, 31—37). Круглые, плоские крышки (тип I а) имеют петлевидную ручку в центре. Внешняя поверхность их украшена пальцевыми вдавлениями, располагающимися несколькими кругами (табл. I, 31—32). Ближайшие аналогии отмечены в материалах поселения Каунчитепе IV—V вв., городища Шаушукумтобе III—V вв.¹³ Встречаются аналогичные по форме и декору крышки (тип I б), но петлевидная ручка у них располагается на краю (табл. I, 35). Прямые аналогии им встречены в материалах городища IV—V вв. Каунчитепе¹⁴. Отмечены разные варианты грибовидных ручек (тип I в), украшенных пальцевыми вдавлениями по внешней поверхности (табл. I, 33—34). Подобные крышки широко распространены в памятниках каунчинской и джетысарской культур IV—VI вв.¹⁵

⁸ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 39. Рис. 15; 19, 28; Подушкин Н. П. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана... С. 73—74, Табл. II, б.

⁹ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 39. Рис. 15, 31, 37.

¹⁰ Нурмуханбетов Б. Катакомбы Борижарского могильника... С. 108. Табл. I, 4. Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 39. Рис. 15, 43.

¹¹ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 182. Рис. 59, 159, 180.

¹² Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 39. Рис. 15, 14, 64, 65.

¹³ Григорьев Г. В. Каунчитепе... С. 17. Рис. 23; Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка... С. 94—95. Табл. I, II.

¹⁴ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении... С. 71. Табл. IX, 67.

¹⁵ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 182. Рис. 59, 161—162; С. 72. Рис. 15, 174.

Крышки второй группы (II) также круглые, плоские, но со сквозным отверстием в центре; ручки отсутствуют (табл. I, 36—37). Аналогии подобным крышкам имеются в материалах поселения Кайрагач первой половины I тысячелетия н. э.¹⁶

Роговидные подставки под сосуд изготовлены на плоской платформе (табл. I, 38—39). Украшены пальцевыми вдавлениями. В выступающей острой части платформы имеются специальные отверстия для переноса. Описанные подставки широко представлены в памятниках кауничинской культуры средней Сырдарьи IV—VI вв.¹⁷

Хозяйственно-бытовая керамика, включающая хумы, хумчи и водоносные кувшины (табл. I, 40—60), вылеплена вручную из теста с незначительными примесями шамота, растительности и хорошо обожжена.

Хумы представлены двумя типами (табл. I, 40—44). Первый (I) — грушевидные, без горловины, с прямоугольным в сечении венчиком. Максимальный диаметр тулова отмечен в верхней части. Приемы декора: покрытие ангобами светло-коричневого, светло-серого, розоватого цвета; потеки (полив) ангобами темных оттенков (красный, коричневый, черный) от венчика — к донцу; пальцевые бороздки на венчике, под ним и на плечиках сосудов (табл. I, 40—42). Близкие по форме и декору сосуды имеются в материалах поселений средней Сырдарьи I—VI вв.¹⁸ Хумы второго типа (II) шаровидные, со слегка подчеркнутой горловиной; максимальный диаметр сосуда отмечен в средней части. Венчики подпрямоугольные в сечении. Хумы украшались ангобами светло-коричневого, серого тонов, потеками темно-коричневого, черного ангоба, пальцевыми вдавлениями (табл. I, 43—44). Аналогии описанным сосудам отмечены на поселении Алтынтобе IV—VI вв.¹⁹

Хумчи делятся на четыре типа (табл. I, 45—54). Грушевидные без горловины или со слегка подчеркнутой горловиной (тип I) характеризуются подтреугольными в сечении венчиками. Максимальный диаметр сосуда отмечен в средней и верхней частях. Украшены преимущественно ангобом светло-коричневого и серого цветов, реже — потеками коричневого ангоба (табл. I, 45—47). Близкие по форме и декору сосуды отмечены в материалах поселений бассейна Арыси IV—VI вв.²⁰ Грушевидные, с выраженной горловиной и подтреугольным в сечении венчиком хумчи (тип II а) имеют на плечиках две горизонтальные петлевидные ручки. Максимальный диаметр сосуда зафиксирован в средней части. Покрываются ангобами светло-коричневых оттенков, иногда заглажены гребенкой (табл. I, 48—49). Хумы третьего типа (II б) также грушевидные, имеют слабовыраженную горловину и две вертикальные петлевид-

¹⁶ Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. С. 181. Табл. 38, 12—13.

¹⁷ Григорьев Г. В. Кауничтепе... С. 25. Рис. 27—28; Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка... С. 97. Табл. I, IV; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 120—121. Табл. 12, 36—39.

¹⁸ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 43. Рис. 16, 7, 16; 17, 1.

¹⁹ Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 123. Табл. 12, 49—50.

²⁰ Там же. С. 122. Табл. 12, 42, 44.

ные ручки, крепящиеся верхним концом к венчику. Максимального диаметра сосуды достигают в средней части. Украшены ангобом светло-серых, светло-коричневых тонов (табл. I, 50). Прямых аналогий этим хумчам найти не удалось. Двуручные сосуды подобного типа имеются в материалах поселения Актобе-2 I—VI вв.²¹ Хумчи четвертого типа (III) грушевидные, с выраженной короткой горловиной и плечиками. Максимальный диаметр отмечен в верхней части сосуда. Тулово украшено рифлением по сырой глине; покрыты светло-коричневым, красноватым ангобом, иногда встречаются ангобные потеки. Подобные сосуды известны по материалам поселений бассейна Арысы и Каратау I—IV, IV—VI вв.²² (табл. I, 51—52).

Водоносные кувшины подразделяются на четыре типа (табл. I, 53—60). Грушевидные, с высокой горловиной (тип I а) отличаются крутыми плечиками и закраиной, иногда отогнутой наружу. Край венчика может быть оформлен в слив. Кувшины имеют одну петлевидную горизонтальную ручку на плечике. Приемы декора: прочерченное рифление горловины, покрытие ангобами розового и светло-коричневого оттенков, брызги, потеки и мазки темно-коричневым, черным ангобом (табл. I, 53—54). Аналогии описанным сосудам отмечены в материалах поселений и городищ каунчинской культуры²³. Грушевидные с выраженной невысокой горловиной (тип I б) характеризуются плавными плечиками и двумя небольшими петлевидными ручками на них. Украшены светло-коричневым, белесым ангобом, прочерченным рифлением горловины; вдавлениями тростником; потеками и брызгами темно-коричневого ангоба (табл. I, 55—56). Ближайшие аналогии им имеются на поселении Алтынтобе IV—VI вв. н. э.²⁴ Грушевидные, с выраженной плоской горловиной (тип II) имеют слегка отогнутую наружу закраину и две петлевидные желобчатые ручки, крепящиеся верхним концом к венчику. Максимальный диаметр сосуда зафиксирован в средней части. Украшены прочерченным рифлением (на горловине), вдавлениями тростниковой палочки по сырой глине и прочерченной волнистой линией. Подобные сосуды отмечены в материалах поселений бассейна Арысы IV—VI вв.²⁵ (табл. I, 57).

Столовая керамика включает горшки, кувшины, кружки-кувшины, кружки, чаши и крышки (табл. I, 61—132). В значительной массе (95—96%) сделана вручную из хорошего, почти без примесей, теста.

Горшки делятся на несколько типов (табл. I, 61—75). Шаровидные, с короткой горловиной, горшки (тип I) характеризуются двумя петлевидными ручками, нижнее основание которых крепится к плечу, а

²¹ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 42—43. Рис. 16, 5.

²² Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 122. Табл. 12, 45—46; 14, 15.

²³ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении... С. 78. Табл. XVII, 132; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 183. Рис. 59, 244.

²⁴ Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 124. Табл. 12, 63, 65.

²⁵ Там же. Табл. 12, 61.

верхнее — к венчику сосуда. Максимальный диаметр сосуда отмечен в средней части. В числе элементов декора прочерченные волнистые линии (одинарные, парные); вдавления тростником; лощение по красному (вишневому) ангобу; иногда прочерченное рифление горловины; покрытие ангобами светло-коричневого и коричневого оттенков (табл. I, 61—63). Аналогичные сосуды имеются на поселениях Актобе-2 и Актобе Чаянское I—IV вв.²⁶ Выделяются горшки шаровидные, с короткой выраженной горловиной, крутыми плечиками, закраиной, слегка отогнутой наружу (тип II). На плечиках имеются две петлевидные горизонтальные или ушковидные с отверстием ручки. Горшки покрыты красным либо вишневым ангобом и залощены (табл. I, 64—65). Подобные сосуды отмечены на поселениях Актобе-2, Актобе близ Баба-Ата, бассейна Арыси I—IV вв.²⁷ Грушевидные, с широкой короткой горловиной горшки (тип III) отличаются крутыми плечиками, на которых находятся две петлевидные ручки. Максимальный диаметр сосудов отмечен в средней части. Украшены зооморфными выступами (на ручках), вишневым ангобом и лощением (табл. I, 66—67). Аналогий описанным горшкам найти не удалось, между тем краснолощенная посуда широко бытовала на средней Сырдарье в VI—VIII вв.²⁸ Банкообразные горшки (тип IV) имеют почти прямые стенки, без горловины. Две петлевидные ручки крепились верхним концом к закраине. Покрыты ангобом серого, светло-коричневого оттенков (табл. I, 68). Ближайшие аналогии отмечены в материалах поселения Алтынтобе IV—VI вв.²⁹ Сферические шаровидные горшки (тип V) изготовлены без горловины, с закраиной, загнутой внутрь сосуда. Ручки отсутствуют. Максимальный диаметр горшка отмечен в средней части. Украшены темно-коричневым ангобом (табл. I, 69). Аналогий этому виду горшков найти не удалось. Еще одна группа горшков (тип VI а) шаровидные, с выраженной горловиной, крутыми плечиками, без ручек. В числе элементов декора выпуклые шишечки на плечиках; прочерченная по сырой глине зигзагообразная линия на горловине; покрытие ангобами красного, вишневого оттенков и лощение (табл. I, 70—73). Близкие аналогии описанным горшкам имеются в материалах поселений каувчинской культуры IV—V вв. и поселения Алтынтобе IV—VI вв.³⁰ Грушевидные, со слабовыраженной горловиной горшки (тип VI б) выполнены без ручек. Украшены светло-коричневым ангобом, прочерченной на горловине волнистой линией, выпуклыми шишечками и прочерченным рифлением (табл. I, 74—75). Максимальный диаметр зафиксирован в средней части. Подобные сосуды имеются

²⁶ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 45. Рис. 18, 2—4; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 129. Табл. 12, 100—103.

²⁷ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 116. Рис. 34, 19; Семенова Т. Н. Поселение Актобе... С. 72—75. Рис. 15; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 128. Табл. 12, 85—88.

²⁸ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 185.

²⁹ Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 130. Табл. 12, 108—109.

³⁰ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 183. Рис. 59, 223—224; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 128. Табл. 12, 85—86.

в материалах поселения Актобе-2 городища Каунчитепе, могильника Кенкольский I—IV вв., поселений бассейна Арысы IV—VI вв.³¹

Кувшины также делятся на несколько типов (табл. I, 76—96). Грушевидные, с высокой выраженной горловиной (тип Iа), отличаются крутыми плечиками, закраиной, слегка отогнутой наружу. Петлевидная ручка крепится в районе соединения горловины и тулова или на горловине. На плечике имеются цилиндрические носики-сливы со слегка расширяющимся краем, подправленным книзу защипом. Максимальный диаметр сосуда — в средней и нижней частях. Приемы декора: лощение по красному, вишневному ангобу и одновременно покрытие (полив с потеками) черным ангобом; мазки черным ангобом по краснолощеной поверхности; прочерченные волнистые линии; вылепленное рифление тулова; заглаживание лопаткой в районе донца; рельефно-выпуклый рубчик на горловине; зооморфные налпы на ручках и прочерченное изображение животных. Некоторые приемы сочетаются на одном сосуде (табл. I, 76—80). Близкие по форме сосуды с цилиндрическими носиками-сливами содержатся в материалах поселения Актобе-2 I—IV вв. и могильника Алтынтобе I—III вв.³² Аналогичная по форме, пропорциям и другим признакам (носик-слив) группа кувшинов (тип Iб) отличается от описанной тонкой высокой петлевидной ручкой, которая в средней части слегка перегибается, а верхним концом крепится к венчику сосуда. Кувшины украшены лощением по красному, черному, коричневому ангобу; прочерченными линиями в виде усов (от носика-слива); выпуклым расщепленным валиком, также оформленным в виде усов от носика-слива; светло-коричневым и светло-серым ангобом (табл. I, 81—85). Аналогии им имеются в материалах поселения Алтынтобе IV—VI вв.³³ Шаровидные кувшины (тип Iв) характеризуются короткой по отношению к тулову горловиной, плавными плечиками. Имеют небольшую петлевидную ручку и цилиндрический круглый на конце носик-слив. Максимальный диаметр сосуда отмечен в средней части. В числе элементов декора лощение по красному ангобу; точечные вдавления тростником в несколько поясков; прочерченные по сырой глине волнистые линии (две-три), прочерченные от носика-слива и нижнего основания ручки «усы» (табл. I, 86). Грушевидные, с высокой горловиной кувшины (тип Iг) отличаются закраиной, слегка отогнутой наружу, выраженными плечиками. Имеют одну петлевидную ручку, крепящуюся верхним концом к венчику. Ручка может располагаться на горловине. Иногда закраина оформлялась в виде примятого слива-желобка. Основные прие-

³¹ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 45. Рис. 18, 21; 19, 16; Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгильской археологической экспедиции в 1937 г. ... С. 4, Рис. 10; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины... С. 64. Рис. 10, 5; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 127. Табл. 12, 79—83.

³² Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 52—53. Рис. 23; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 132. Табл. 12, 120—123.

³³ Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 132. Табл. 12, 123.

мы декора: лощение по красному, вишневому ангобу; потеки черного ангоба от горловины к донцу; прочерченные на плечиках зигзагообразные линии; рельефно-выпуклые налепы в виде змейки в районе нижнего основания ручек; зооморфные налепы на ручках и прочерченные изображения животных (табл. I, 87—90). Близкие по форме кувшины найдены в материалах поселения Кайрагач, датированного первой половиной I тысячелетия н. э., и поселений бассейна Арыси I—VI вв. н. э.³⁴ Выделяется группа кувшинов грушевидной формы с высокой узкой горловиной, крутыми плечиками (тип I д). Ручки отсутствуют. Украшены ангобом светло-коричневых оттенков, пояском точечных вдавлений по окружности сосуда, прочерченными прямыми концентрическими линиями (табл. I, 91). Прямые аналогии им имеются в материалах поселения Актобе Чаянское I—IV вв.³⁵ Грушевидные, с короткой выраженной горловиной кувшины (тип II) имеют плавные плечики, петлевидную желобчатую ручку, крепящуюся на горловине. Украшены ангобом светло-коричневых оттенков; рельефно-выпуклым валиком на горловине; прочерченным и станковым горизонтальным рифлением; прочерченными волнистыми линиями (табл. I, 92—95). Подобные сосуды широко известны в материалах поселений Караултобе, Каратобе бассейна Арыси I—IV вв.³⁶ Еще одна группа кувшинов (тип III) характеризуется почти цилиндрической формой, без выраженных тулова и горловины. Закраина оформлена в примятый носик-слив. Имеют петлевидную ручку. Украшены ангобом серого и белесого оттенков, зооморфными выступами на ручках (табл. I, 96).

Кружки-кувшины имеют несколько разновидностей (табл. I, 97—106). Грушевидные, с высокой узкой горловиной (тип I а) отличаются закраиной, слегка отогнутой наружу, и плавными плечиками. Имеют петлевидную ручку, крепящуюся на плечике или горловине. Ведущие приемы декора: покрытие коричневым, светло-серым ангобом; лощение по ангобу; прочерченное рифление горловины; прочерченные концентрические линии (табл. I, 97—101). Близкие по форме кружки-кувшины выявлены на поселениях и в погребениях бассейна Арыси I—VI вв.³⁷ Другая группа грушевидных кружек-кувшинов (I б) имеет выраженную невысокую горловину, подчеркнута крутые плечики, петлевидную, иногда перегибающуюся посередине ручку, верхний конец которой крепится к венчику. Украшены лощением по красному, вишневому ангобу, а также светло-серым ангобом (табл. I, 102—104). Аналогичные сосуды известны в материалах каунчинской культуры IV—V вв., поселений Кай-

³⁴ Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982. С. 177. Табл. 22, 2; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 132. Табл. 12, 124—130.

³⁵ Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 133. Табл. 12, 131—137.

³⁶ Там же. С. 131. Табл. 12, 110—115.

³⁷ Там же. С. 132. Табл. 12, 120; С. 136. Табл. 12, 158—159; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 184. Рис. 59, 253; Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана... С. 181. Табл. 28, 5—6.

рагач и Алтынтобе IV—V вв.³⁸ Шаровидные кружки-кувшины (I в) с относительно высокой горловиной, выраженными плечиками и закраиной, слегка отогнутой наружу. Ручки отсутствуют. Покрываются ангобом светло-коричневого, коричневого оттенков (табл. I, 105—106). Аналогии им отмечены в материалах погребений Ташкентского оазиса первой половины I тысячелетия н. э., поселения Алтынтобе IV—VI вв. и могильника Борижарский.

Кружки тоже имеют несколько разновидностей (табл. I, 107—125). Шаровидные, с короткой, выраженной горловиной и плавными плечиками (тип I а) характеризуются петлевидной ручкой на тулове. Максимальный диаметр сосуда отмечен в средней части. Украшены красным, черным, коричневым ангобом и лощением; прочерченными прямыми линиями; зооморфными выступами-налепами или головками животных на ручках (табл. I, 107—111). Аналогии этим кружкам выявлены в памятниках каунчинской культуры средней Сырдарьи I—V вв.³⁹ Кружки другой группы (I б) аналогичны по форме, приемам декора, пропорциям описанным, но имеют более широкую закраину и петлевидную ручку, верхний конец которой крепится к венчику (табл. I, 112—114). Такие изделия отмечены на поселении Алтынтобе IV—VI вв.⁴⁰ Грушевидные кружки (тип II) с плавными плечиками, закраиной, слегка отогнутой наружу и петлевидной ручкой на тулове украшены красным, темно-коричневым, вишневым ангобом и лощением (табл. I, 115—119). Шаровидные, с короткой горловиной, загнутой наружу закраиной, петлевидной желобчатой ручкой на тулове (тип III) имеют характерный элемент декора — рифление тулова, покрытие ангобами коричневого, светло-коричневого оттенков (табл. I, 120—121). Похожие кружки встречены на поселении Каратобе I—IV вв. и могильнике Алтынтобе I—III вв.⁴¹ Еще одна группа грушевидных, со слегка подчеркнутой горловиной кружек (тип IV) ручек не имеет. Украшены ангобом коричневого, красного оттенков и залощены (табл. I, 122—123). Близкие по форме и декору сосуда имеются в материалах поселения Актобе-2 I—IV вв.⁴² Банкообразные кружки (тип V) выполнены с почти прямыми стенками и петлевидной ручкой на тулове. Украшены лощением по красному ангобу; покрыты ангобами коричневых оттенков (табл. I, 124—125).

Миски представлены несколькими типами (табл. I, 126—130). Изделия с невысокими, загибающимися внутрь бортиками (тип I а) покрыты ангобом светло-коричневого, коричневого оттенков, реже залощены

³⁸ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 164. Рис. 55, 2; 56, 1; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 137. Табл. 12, 165; Нурмуханбетов Б. Катакомбы Борижарского могильника... С. 108. Табл. II, IV.

³⁹ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 184. Рис. 59, 85, 99, 257, 259.

⁴⁰ Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 134. Табл. 12, 139—140.

⁴¹ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 60, 5; Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры... С. 134. Табл. 12, 141, 145; 14, 186.

⁴² Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 57—60. Рис. 24, 34, 41.

(табл. I, 126—127). Миски с высокими бортиками, слегка развернутыми наружу (тип I б), украшены ангобом светло-коричневого, светло-серого тонов (табл. I, 128). Близкие по формам миски имеются в материалах поселения Актобе-2⁴³. Встречаются аналогичные миски с бортиками, однако они имеют три ножки (тип II). Украшены светло-серым, светло-коричневым ангобом. Прямые аналогии отмечены в материалах поселения Караултобе I—IV вв.⁴⁴

Крышки однотипные: сферической формы, круглые, с отверстием в центре. Покрываются ангобом светло-коричневого цвета (табл. I, 131—132). Аналогии им найдены в материалах поселения Актобе-2⁴⁵.

Керамика специального назначения представлена курильницами (табл. I, 133—136). Это сосуды на высокой ножке, имеющей врезной поддон; иногда ножка оформлена в виде подставки. Курильницы украшены пальцевыми вдавлениями. Подобные изделия найдены в Шаушукумском и Кенкольском могильниках⁴⁶.

Вся керамика может быть датирована на основе керамического материала могильника Мардан, а также поселения Актобе-2.

По мнению Б. Н. Нурмуханбетова, керамический материал могильника Мардан следует рассматривать как единый комплекс. Характерный набор посуды: столовый кувшин, кружка-кувшин, кружка и миска. Вся посуда, за исключением нескольких кухонных кружек, столового назначения. Вещевой материал могильника Б. Н. Нурмуханбетов датирует III—V вв.

Керамические комплексы могильников Мардан и Кок-Мардан находят самые широкие аналогии, доходящие до тождества, в частности, в формах и приемах декора, в материалах основного (второго) строительного горизонта городища Кок-Мардан и верхнего строительного горизонта городища Пшук-Мардан (табл. II; рис. 56). В большей мере это относится к кухонной, хозяйственно-бытовой и столовой посуде. Думается, что керамические комплексы городищ Пшук-Мардан и Кок-Мардан следует датировать тем же временем, что и керамику могильника Мардан, т. е. III—V, возможно, III—VI вв. Многочисленные аналогии посуде из поселений и погребений средней Сырдарьи, бассейна Арыси, Ферганской, Таласской долин также укладываются в эти хронологические рамки. Датировка керамики из разных слоев городища Кок-Мардан основывалась на формах, декоре посуды.

Керамический комплекс верхнего горизонта городища Кок-Мардан характеризуется рядом видов и типов посуды, декора, находящихся аналогии в керамических комплексах нижней и средней Сырдарьи VI—VIII вв. Например, энохоевидные краснолощенные кувшины обнаруживают параллели в посуде Борижарского могильника и некрополя Шага, где такие кувшины найдены вместе с согдийской монетой VII—VIII вв.

⁴³ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 61. Рис. 25, 59.

⁴⁴ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VII вв.) С. 82.

⁴⁵ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 62. Рис. 25, 54.

⁴⁶ Максимова А. Г. Шаушукумский могильник... С. 216. Табл. XXX, 3; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины... С. 64. Рис. 13, 1—2.

Этим же временем датируются краснолощенные кружки с кольцевыми ручками, кувшины с резным растительным орнаментом, которые находят аналогии в материалах посуды из Кескен-Каук-кала в низовьях Сырдарьи, относящейся к VII—VIII вв.⁴⁷

Во второй половине VII — первой половине IX в. наряду с традици-

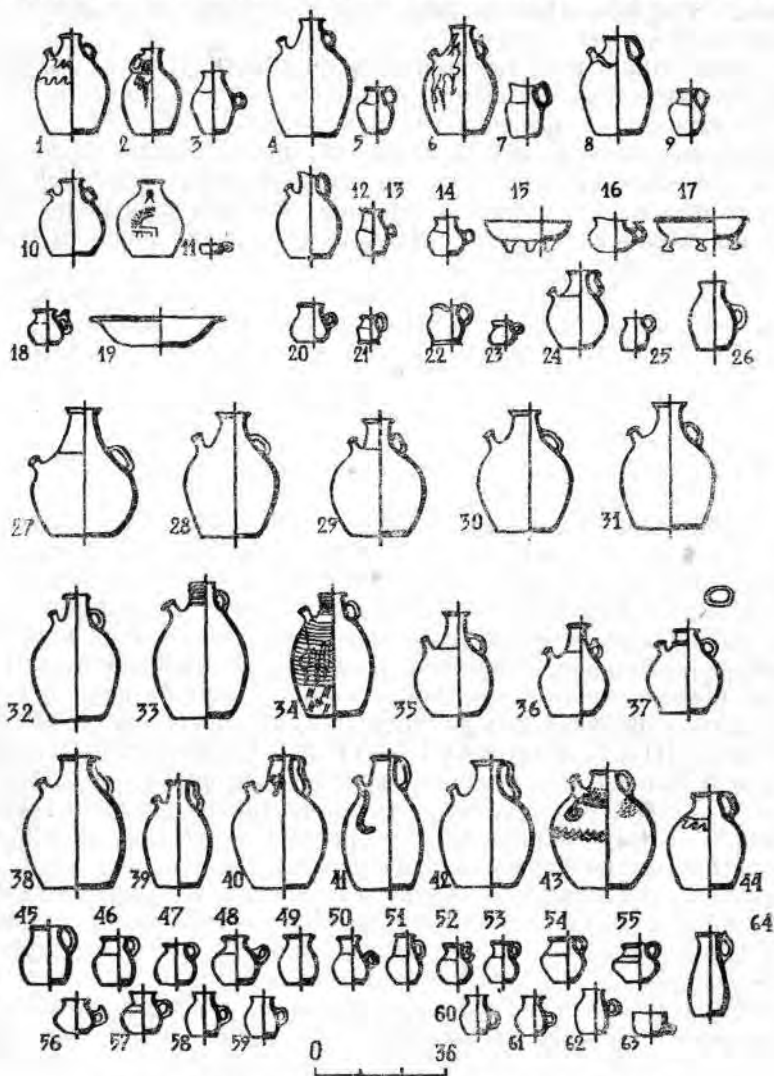

Рис. 56. Керамический комплекс могильника Мардан

⁴⁷ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI — начале XIII в. Алма-Ата, 1986. С. 48.

онными видами и типами хумов, горшковидных сосудов изготавливали новые типы сосудов. В комплексе находок из цитадели городища Куйруктобе вместе с резным деревом, монетами VII—VIII вв., сасанидской геммой, терракотой встречены кувшины и кружки, покрытые красным, вишневым и черным ангобом и украшенные геометрическим орнаментом⁴⁸. Такая керамика была обнаружена и при раскопках городища

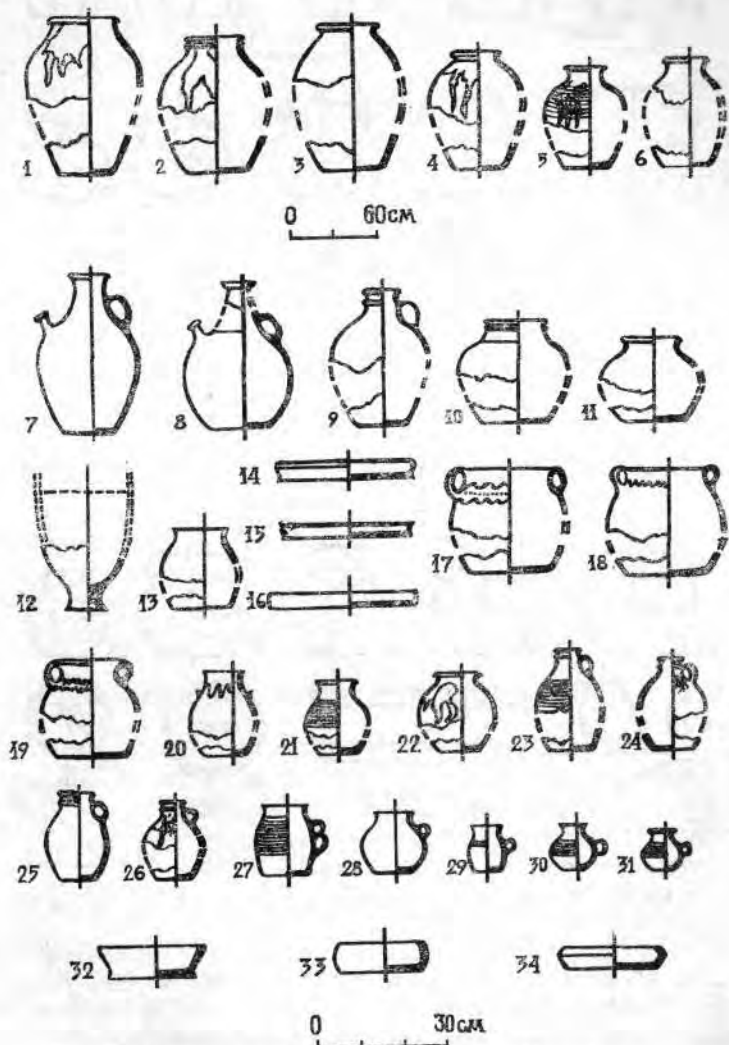

Рис. 57. Керамический комплекс городища Костобе южное

⁴⁸ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI—начале XIII в. С. 48—59.

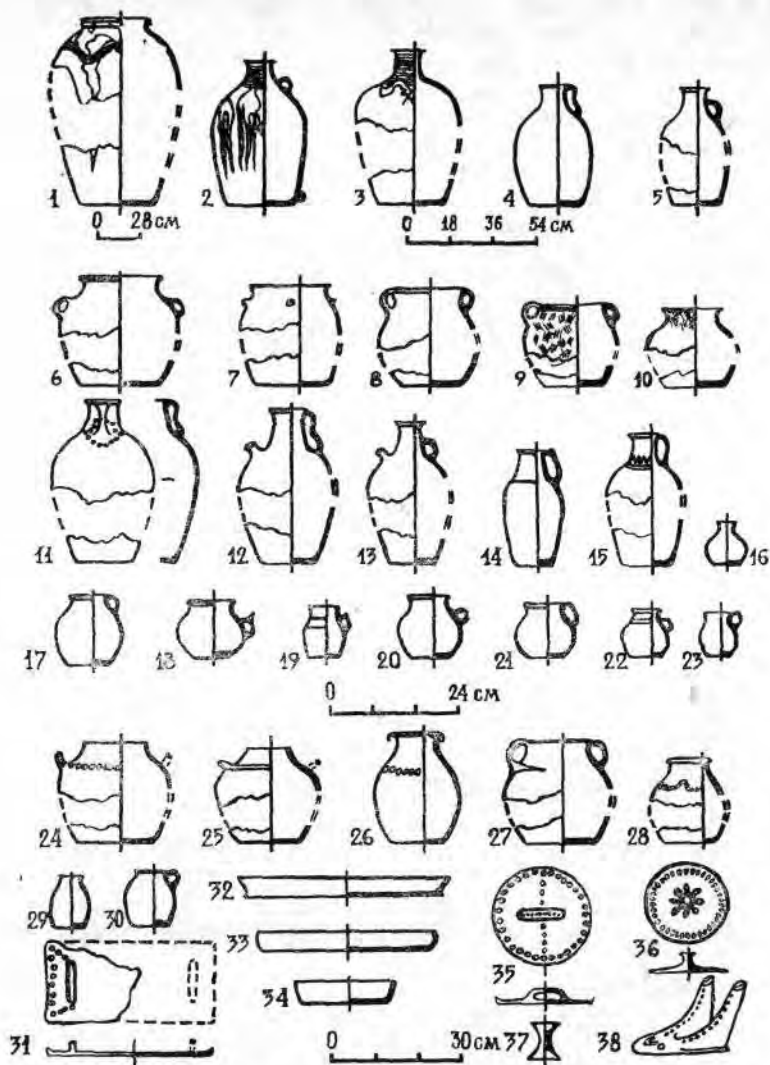

Рис. 58. Керамический комплекс городища Пшук-Мардан

Мардан-Куик во втором строительном горизонте. Таким образом, керамику второго строительного горизонта городища Мардан-Куик (Коньр-тобе) можно отнести ко второй половине VII — первой половине IX в.

Третий строительный горизонт Мардан-Куика синхронен верхнему слою Кок-Мардана. Керамический комплекс поселения Костобе южного нижнего строительного горизонта содержит единичные формы посуды, близкие некоторым типам посуды городищ Пшук-Мардан и Кок-Мардан (например, хумы) (табл. III, 1—28; рис. 57, 58). Близкие аналогии ке-

рамика этого комплекса находит в материалах поселений и погребений бассейна Арыси I—IV вв., в частности, поселений Караултобе, Каратобе и могильников Алтынтобе и Каратобе, на основании чего она может быть датирована I—IV вв.

Итак, керамику Отрарского оазиса можно разделить на три хронологические группы: керамика I—III, возможно, I—IV вв.; керамика III—VI вв. и керамика VI — первой половины IX в. В составе последней группы выделяются комплексы VI — первой половины VII в. и второй половины VII — первой половины IX в.

К первой хронологической группе следует отнести керамический комплекс нижнего строительного горизонта Костобе южное (табл. IV, I—28); ко второй — керамические комплексы могильников Мардан и Кок-Мардан, верхнего строительного горизонта городища Пшук-Мардан, второго строительного горизонта Кок-Мардан и второго строительного горизонта Костобе южного. К третьей хронологической группе относится керамика верхнего слоя Кок-Мардана, второго и третьего строительных горизонтов Мардан-Куика, нижнего строительного горизонта цитадели Куйруктобе. Предлагаемая хронологическая классификация ранней керамики Отрарского оазиса в своей основе синхронизируется с классификациями керамики джетыасарской и каунчинской культур средней и нижней Сырдарьи. Особенно это относится ко второй хронологической группе, в которой прослеживается влияние джетыасарской культуры. В комплексах керамики Отрарского оазиса и бассейна средней и верхней Арыси на этом этапе очевидны родственные керамические традиции. За небольшим исключением, керамический комплекс основного строительного горизонта городища Кок-Мардан аналогичен комплексам поселения Алтынтобе.

Близость характерна и для керамики Отрарского оазиса, среднего и верхнего течения Арыси VI — первой половины IX в.

Керамика среднего и верхнего течения р. Арысь

В результате раскопок поселений Актобе Чайанское, Алтынтобе, Каратобе, могильников Актобе, Алтынтобе был получен керамический материал. По функциональному признаку он разделен на следующие группы: кухонную, хозяйственно-бытовую, столовую и посуду специального назначения.

Кухонная керамика, составляющая 23,8% всего материала, включает горшки, горшки-котлы, кружки, миски, сковороды-жаровни, крышки, подставки роговидные. Все сосуды выполнены ручной лепкой из глины с примесью дресвы, известняка, кварцита, имеют закопченную внешнюю поверхность.

Горшки представлены двумя типами. Изделия первого типа (I) грушевидной формы, со слабовыраженной горловиной и двумя петлевыми пластинчатыми ручками, верхнее основание которых крепится к подтреугольному в сечении венчику. Основной элемент декора — рельефный валик, начинающийся от нижнего основания ручки и опоясываю-

ший весь сосуд или завершающийся в виде загибающихся вниз «усов» (табл. V, 1—5). Такие сосуды отмечены в материалах поселения Актобе-2 I — начала IV в., городища Каунчитепе I—IV вв. и поселения Актобе близ Баба-Ата I—IV вв.⁴⁹

Горшки второго типа (II а) — шаровидные, с невысокой горловиной, слабовыраженными плечиками и двумя петлевидными пластинчатыми ручками. Орнаментированы прочерченными волнистыми линиями (одной-тремя) на тулове (табл. V, 6). Близкие по форме сосуды встречаются на поселении Актобе-2⁵⁰. Выделяются горшки грушевидной формы с невысокой выраженной горловиной и слегка отогнутой закраиной, без ручек (тип II б). Основная масса их не орнаментирована, однако в декоре некоторых сосудов отмечены рельефные шишечки на плечиках (как правило, их 4) и налепной волнистый валик по горловине (табл. V, 7—10). Аналогичные по форме и декору сосуды имеются в материалах поселений средней Сырдарьи I—IV вв., поселения Актобе близ Баба-Ата, поселения Чольтобе середины I тысячелетия н. э., поселений низовьев Сырдарьи I—IV вв., могильника Борижарский I в. н. э.⁵¹

Горшки-котлы напоминают формой плоскодонный горшок, но отличаются двумя горизонтальными петлевидными ручками. Выделяются два типа. Грушевидные, с высокой, выраженной горловиной и достаточно крутыми плечиками (тип I а) отличаются двумя петлевидными горизонтальными ручками на них. Орнаментация отсутствует (табл. V, 11—12). Прямых аналогий им найти не удалось, но близкие по форме и решению ручек сосуды отмечены на поселении Актобе-2⁵². Горшки-котлы второго типа (I б) также грушевидные, но с более прямой горловиной, ручки крепятся на плечиках. Элементы декора: выступы-налепы (как правило, три) на ручках; пальцевые вдавления; выпуклый валик. На некоторых сосудах процарапаны знаки (табл. V, 13—15). Аналогии им обнаружены в материалах поселений Караултобе, Актобе-2⁵³.

Кружки также двух типов. Изделия первого типа (I а) — грушевидные, с подчеркнутой высокой горловиной и округлой в сечении ручкой, крепящейся к венчику и плечу сосуда. Орнаментация отсутствует (табл. V, 16—18). Ближайшие аналогии им отмечены на поселении Ак-

⁴⁹ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 36—38. Рис. 15, 2—5; Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении... С. 52. Табл. IX, 68; Он же. Краткий отчет о работах Янгильской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940. С. 5; Сенигова Т. Н. Поселение Актобе... С. 72. Рис. 14, 4.

⁵⁰ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 38, 39. Рис. 15, 9, 17, 42.

⁵¹ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 105. Рис. 84; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар... С. 142. Рис. 108; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 64—65. Рис. 15, 3, 6, 7; С. 103. Рис. 30, 54; Сенигова Т. Н. Поселение Актобе... С. 72. Рис. 14, 5; Мерциев М. С. Поселение Чольтобе в северных предгорьях Киргизского Алатау // Вестник АН КазССР. 1966. № 2. С. 4. Рис. 3, 15; Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника... С. 108. Табл. I, 3.

⁵² Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 38—39. Рис. 15, 10—11.

⁵³ Подушкин Н. П. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1968. Вып. 5. С. 73. Табл. I, 7, 6; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 38. Рис. 15, 10.

тобе-2, в материалах могильника близ с. Шага, могильника Борижарский⁵⁴. Среди них выделяются более низкие (тип I б), с короткой слабовыраженной горловиной и ручкой на плечике сосуда, украшенные насечками, гребенчатым штампом (табл. V, 19—22). Кружки второго типа (II) также грушевидные, со слегка выделенной горловиной и отогнутой наружу закраиной, без ручек и орнаментации (табл. V, 23—24). Близкие аналогии таким кружкам имеются в катакомбах Борижарского могильника, на поселениях джетыасарской культуры I—IV вв. и на поселениях Чольтобе⁵⁵.

Миски однотипные, со слегка отогнутой наружу закраиной (табл. V, 25). Аналогичные миски имеются в материалах городища Шаушукумтобе III—V вв.⁵⁶

Сковороды-жаровни двух видов. Одни (I а) имеют бортики, слегка загибающиеся внутрь, и расширенное основание в месте соединения бортика и донца (табл. V, 26, 28). Встречены на ряде памятников средней Сырдарьи первой половины I тысячелетия н. э.⁵⁷ Другие (I б) отличаются развернутыми наружу бортиками (табл. V, 29—30) и находят аналогии в кругу присырдарьинских памятников первой половины I тысячелетия н. э.⁵⁸

Крышки также двух видов: с петлевидными ручками (I а) и грибовидными (I б). Первые круглые, плоские, со слегка отгибающимися вверх бортиками. Орнаментированы пальцевыми вдавлениями (табл. V, 31—32). Подобные крышки распространены в памятниках каунчинской, отрарско-каратауской и джетыасарской культур I—IV вв.⁵⁹ Вторые такие же, но без орнамента. Лишь на некоторых отмечены пальцевые вдавления и прочерченные знаки. Ручки выполнены в виде выступа, грибовидного навершия и выступающего конуса (табл. V, 33—37). Подобные крышки имеются в материалах городищ Шаушукумтобе, Каунчтепе, Актобе-1⁶⁰.

⁵⁴ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 67. Рис. 16, 21; С. 118. Рис. 33, 41, 43; Максимова А. Г. Гробница типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 107. Рис. 14, 1, 5, 6; Нурмуханбетов Б. Н. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. С. 115. Табл. III, 10.

⁵⁵ Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника... С. 107. Табл. I, 4; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 67. Рис. 16, 31; Мерциев М. С. Поселение Чольтобе на северных предгорьях Киргизского Алатау... С. 3. Рис. 3, 16.

⁵⁶ Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка // Древности Чардары... С. 97—100. Табл. II.

⁵⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 143. Рис. 108, 1, 5, 8, 11, 14; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 39.

⁵⁸ Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукумтобе. С. 97—100. Табл. III; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 179. Рис. 59, 34, 169—170.

⁵⁹ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении... Табл. IX; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 143—144. Рис. 109; Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукумтобе. С. 97. Табл. I; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 67. Рис. 15, 25.

⁶⁰ Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка. С. 97. Табл. II; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 104. Рис. 30, 46, 47, 44—45, 50—51; Мерциев М. С. Городище Актобе-1 (IV — начало XIII в.) // Древности Чардары. Рис. 22, 21.

Роговидные подставки двух типов: с двумя выступами-«рогами» (тип I) и одним (тип II). Первые, украшенные пальцевыми вдавлениями, имеют приспособление для переноски в виде углубления или боковых отверстий (иногда сквозных). В верхней части «рогов» сделаны канавки (табл. V, 38, 39). Такие подставки широко представлены в памятниках IV—VI вв. средней Сырдарьи⁶¹. Подставки второго типа выполнены в форме усеченного конуса с отверстием в нижней части (табл. V, 40).

Хозяйственно-бытовая керамика включает хумы, водоносные кувшины и тагоры (соответственно 47,7; 38,1; 14,2%). Большинство сосудов (92%) изготавливались вручную, лишь небольшая часть мелких сосудов делалась на круге или подставке (табл. V, 44—46, 52, 55, 69—70).

Хумы представлены четырьмя типами. Один тип (I) — грушевидные, без или со слабовыраженной горловиной. У них крутые плечики и подтреугольные в сечении венчики. Диаметр венчика, как правило, превышает диаметр дна или равен ему. Основные элементы декора: покрытие ангобами светло-коричневого и коричневого тонов; пальцевые защиты по венчику, имитирующие «веревочку»; пальцевые вертикальные борозды у дна; одна или две пальцевых концентрических борозды под венчиком; рельефные шпешечки; пальцевое рифление; прочерченная у венчика волнистая линия; пальцевые заглаживания. На некоторых сосудах прочерчены знаки (табл. V, 41—45). Аналогичные хумы обнаружены в материалах поселения Караултобе I—IV вв., городища Торткультобе IV—VIII вв., поселений Отрарского оазиса I—IV вв., Актобе-2 I—IV вв., Кайрагач первой половины I тысячелетия н. э.⁶² Второй тип (II) — грушевидные, с выраженной горловиной и закраиной, слегка отогнутой наружу, подпрямоугольным в сечении венчиком. Украшались светло-серым ангобом, рифлением, зигзагообразными линиями по горловине, некоторые — налепными рельефными или прочерченными знаками (табл. V, 46—47). Близкие аналогии этот тип хумов находит на городище Торткультобе, в Отрарском оазисе V—VI вв.⁶³ Хумы третьего типа (III) правильной грушевидной формы, без горловины, с одинаковым диаметром венчика и донца. Венчики в сечении подтреугольные. Сосуды покрыты коричневым ангобом, внешняя поверхность их заглажена (табл. V, 48). Подобные по форме хумы имеются в материалах поселений Актобе-2 и Кайрагач⁶⁴. В отличие от первых трех, хумы четвертого

⁶¹ Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукумтобе... С. 97. Табл. I, IV.

⁶² Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения долины Арысь (I—VIII вв.). С. 85; Акшиев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар. С. 127. Рис. 89; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 43. Рис. 16, 7, 16; 17, 1; Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана... С. 59. Табл. 1, 3, 10; 2, 1, 6, 8; 4, 5.

⁶³ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения долины Арысь. С. 102; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. С. 170. Рис. 90.

⁶⁴ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 118. Рис. 35, 10, 15; 37, 7; С. 118—119. Рис. 35, 2; 36, 7; Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана... С. 59—61. Табл. 2, 4, 7, 10.

типа (IV) шаровидные, с выраженной горловиной и крутыми плечиками и подчетыреугольным в сечении венчиком. Покрываются ангобами светло-серых и светло-коричневых тонов по внешней и частично по внутренней поверхности, украшены косыми параллельными насечками, нанесенными острым предметом по сырой глине на внешней стороне венчика, пальцевыми концентрическими полосами на горловине. Близкие по декору и форме сосуды встречаются на поселении Ботайтобе IV—VI вв.⁶⁵

Водоносные кувшины делятся на два типа (табл. V, 52—65). Первый (Iа) — грушевидные, с невысокой горловиной, крутыми плечиками и желобчатой ручкой на горловине. Украшались рельефным выпуклым подтреугольным в сечении валиком, начинающимся у верхнего основания ручек и опоясывающим горловину ниже венчика; сплошным тонким рифлением; покрывались ангобами светло-коричневых тонов. Отмечены потеки и мазки темно-коричневого ангоба, прочерченные по сырой глине волнистые линии (табл. V, 52—55). Близкие аналогии кувшинам найдены на поселении Караултобе I—IV вв.⁶⁶ Среди кувшинов этого типа выделяется группа (Iб) с высокой узкой горловиной, покатыми плечиками и овальными желобчатыми в сечении ручками, иногда перегибающимися по длине. Орнаментированы рельефным валиком по горловине, прочерченными на тулове и ручках волнистыми линиями, налепами в верхней части ручек. Они покрывались ангобами светло-серых и светло-коричневых тонов (табл. V, 56—59). Еще одна группа (Iв) характеризуется цилиндрическим носиком-сливом, располагающимся напротив ручки на плечике. В декоре их помимо рельефного валика на горловине отмечено покрытие красным ангобом и лощение (табл. V, 60). Близкие по форме кувшины обнаружены в нижних слоях городища Костобе I—IV вв.⁶⁷ Кувшины второго типа (II) подгрушевидные, с широкой короткой горловиной, покатыми плечиками и двумя небольшими петлевидными ручками на горловине. Венчики подтреугольные в сечении, иногда имеют слив. Покрывались светло-серым ангобом, на горловине имелся рельефный валик, на тулове — волнистые линии (табл. V, 61—65).

Тагоры представлены двумя типами. Первый (I) — трапециевидные в разрезе, с бортиками, отогнутыми наружу, двумя петлевидными ручками, крепящимися в центральной части бортика. В нижней части бортик перегибался, напоминая поддон. Покрываются с обеих сторон светлым ангобом (табл. V, 66). Второго типа сосуды (IIа) отличаются более прямо посаженными бортиками, иногда плавно загибающимися внутрь стенками. Орнаментированы рифлением, между которым прочерчены одна-две волнистые линии. Покрываются коричневым ангобом и иногда залощены (табл. V, 67—72). Выделяется группа сосудов (IIб) с двумя петлевидными ручками, крепящимися на закраине. Покрываются светло-серым ангобом (табл. V, 73—74). Такие сосуды отмечены в материалах поселения

⁶⁵ Акшиев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 144. Рис. 110, 8—12.

⁶⁶ Подушкин Н. П. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. С. 75. Табл. II, 17, 22.

⁶⁷ Акшиев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 133. Рис. 96.

Кайрагач, городища Чаштепе, погребальных памятников Ташкентского оазиса I—III вв.⁶⁸

Столовая керамика представлена флягами (3,5%), горшками (26,3%), банкообразными сосудами (2,4%), кувшинами (20,5%), кружками (27,2%), кувшинообразными сосудами (2,2%), дастарханами (2,4%), мисками (3,8%), тарелками (5,4%), крышками (6,3%). Вся она выполнена из хорошего теста, качественного обжига. Основная масса сосудов сделана на гончарном круге (76,7%).

Фляги подразделяются на два типа. Первый (I) — вертикально яйцевидные, с уплощенным боком, высокой выраженной горловиной и подтреугольным в сечении венчиком. В центре выпуклой боковины фиксируется округлый рельефный налп. Покрты ангобом серого и светло-коричневого тонов. Стенки их украшались прочерченными концентрическими линиями, расположенными вокруг налпа (табл. V, 75). Аналогии этот тип фляг находит в материалах поселения Кайрагач, погребениях могильников Ширинсайский I—IV вв., Миранкульский, Акджартепе II—III вв. и Шаушукумский III—V вв.⁶⁹ Фляги второго типа (II) горизонтально яйцевидные, с уплощенным боком, короткой широкой горловиной и отогнутым наружу венчиком. Покрты светло-коричневым ангобом, украшены рифлением, которое ближе к плоскому боку заглажено, иногда (на конце тулова) — налпами (табл. V, 76—78). Близкие по форме сосуды найдены на поселении Караултобе, в погребениях Ташкентского оазиса и Кенкольского могильника⁷⁰.

Горшки двух типов. Первый — без ручек. Среди них встречаются грушевидные (Iа), со слегка подчеркнутой горловиной и покатыми плечиками. Они покрты серым, светло-коричневым ангобом и украшены прочерченной по сырой глине волнистой линией (над венчиком) и простыми линиями (по горловине) (табл. V, 79—83). По форме и декору подобны отмеченным в материалах городища Чаштепе, Костобе южное I—IV вв.⁷¹ Есть подшаровидные (Iб), с выраженной короткой горловиной и относительно крутыми плечиками. Они покрты ангобами коричневых, серых тонов, ангобными потеками темно-коричневого и черного цвета, украшены рельефными шишечками на плечиках. Некоторые расписаны темно-коричневым ангобом в виде повторяющихся завитков (табл. V,

⁶⁸ Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана... С. 63—64. Табл. 13, 5, 6; Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на городище Чаштепе // Труды ТашГУ. 1960. Т. 5. С. 153. Илл. 4, 13; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 164. Рис. 55, 20.

⁶⁹ Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана... С. 68—69. Табл. 26, 3; Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1934—1944 гг. // КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 97. Рис. 49, 1; Обельченко О. В. Миранкульские курганы... С. 87. Рис. 3, 5; Он же. Могильник Акджартепе... С. 66, 67. Рис. 5; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 176—177. Рис. 58, 27.

⁷⁰ Подушкин Н. П. Новое поселение раннеземледельческой культуры... С. 74. Табл. II, 23; Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении... С. 60. Табл. XVI, 129; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 170. Рис. 57, 34; Бернштам А. Н. Кенкольский могильник... С. 16—18. Табл. XIV.

⁷¹ Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на городище Чаштепе. С. 153. Илл. 5, 16; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 129—130.

84—86). Сходные сосуды имеются в материалах поселения Костобе южное⁷². Среди подшаровидных выделяются горшки с более высокой горловиной (I в). На плечиках их вместо ручек — четыре небольших ушко-видных выступа со сквозным отверстием. Характерные элементы декора: тонкое стайковое рифление от горловины до донца, ближе к донцу заглаженное; покрытие ангобами красного, темно-красного и вишневого тонов; встречается лощение по ангобу (табл. V, 87—88). Аналогии описанным горшкам имеются на поселении Актобе-2⁷³. Горшки второго типа (II а) имеют желобчатые петлевидные ручки, с короткой горловиной и закраиной, слегка развернутой наружу. Ручки крепились на крутых плечиках. Тулово украшено рифлением, шаг которого шире в районе крепления ручек. Ближе к донцу рифление заглажено лопаткой или подрезано. Встречаются шишечки в районе донца (4—6). Тулово сосудов покрывалось ангобом красно-коричневого, вишневого тонов, встречается и лощение по ангобу (табл. V, 89—94). Аналогии встречены в материалах городищ Торткультобе IV—VIII вв. и Чаштепе, близкие по форме и декору сосуды найдены на городище Китабе I в. н. э.⁷⁴ Такие же сосуды встречены грушевидной формы (тип II б) (табл. V, 95—97), а также шаровидные (тип II в). Последние с широкой короткой горловиной и двумя петлевидными ручками, верхнее основание которых крепится к венчику, а нижнее — к плечу. Горшки эти покрывались ангобом светлых тонов (серый, желтовато-коричневый, светло-коричневый) и украшались прочерченными по сырой глине волнистыми линиями, потеками темно-коричневого ангоба, налепными выпуклыми плечиками (2—4) и рифлением (табл. V, 98—103). Близкие им сосуды известны на поселениях Костобе южное и Актобе-2⁷⁵. Еще одна разновидность горшков второго типа (II г) — с более высокой горловиной, крутыми плечиками и небольшими ручками на плечиках. Покрываются ангобом светло-серого и светло-коричневого тонов. Горловина их орнаментирована прочерченной волнистой линией, тулово — точечными вдавлениями. На некоторых прочерчены знаки (табл. V, 104—107). Подобные сосуды найдены в могильнике близ Ташкента и на поселении Актобе-2⁷⁶.

Банкообразные сосуды по форме близки к банке, покрыты ангобом коричневого цвета, без ручек, со стенками, слегка загибающимися внутрь (табл. V, 108). Аналогии им не найдены.

Кувшины представлены двумя типами. Сосуды первого типа (I а) грушевидной формы, с короткой выраженной горловиной, крутыми пле-

⁷² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар. С. 130. Рис. 92, 7; С. 137.

⁷³ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 116. Рис. 34, 19.

⁷⁴ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения долины Арысы... С. 110. Табл. XVIII, 1—2; XIX, 3; Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на городище Чаштепе. С. 155. Ил. 5, 18; Кабанов С. К. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе // ИМКУ. 1962. Вып. 3. С. 50—51. Рис. 5, 2—3.

⁷⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар. С. 129. Рис. 91, 1—5; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 45. Рис. 18, 2—4.

⁷⁶ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении... С. 69. Табл. VIII, 66; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 123. Рис. 39, 13.

чиками, петлевидной желобчатой ручкой, крепящейся на горловине. Основные элементы декора: подтреугольный в сечении валик, начинающийся у верхнего основания ручки и опоясывающий горловину ниже венчика, станковое рифление от горловины до донца; покрытие ангобом коричневого цвета; ангобные брызги и потеки; прочерченные по сырой глине волнистые линии (на горловине); налепы в верхней части ручек; рельефные налепные валики, расходящиеся от нижнего основания ручек в виде загибающихся «усов»; вдавления на ручках, выполненные острым предметом. Общим для всех типов кувшинов является валик на горловине, рифление (табл. V, 110—115). Прямые аналогии им отмечены на поселениях Караултобе I—IV вв., Костобе южное I—IV вв.⁷⁷ Среди сосудов этого типа есть кувшины с более высокой горловиной и резким перегибом плечиков, покрытые светло-серым, светло-коричневым ангобом (I б) (табл. V, 116—119). Аналогичные сосуды отмечены в материалах поселения Актобе-2⁷⁸. Встречаются также кувшины (I в) с цилиндрическим носиком-сливом. Все сосуды имеют желобчатую ручку, которая располагается на горловине или верхним основанием крепится к венчику, а нижним — к плечу сосуда. Ручки в центре слегка перегибаются. Некоторые кувшины украшены рифлением. Носики-сливы двух видов: с правильным округлым завершением и овальным, слегка прижатым книзу (табл. V, 120—123). Прямые аналогии кувшинам с носиками-сливами имеются в материалах поселения Актобе-2, близкие им сосуды обнаружены на поселении Кайрагач, в погребениях могильника у ст. Вревская⁷⁹.

Кувшины второго типа (II а) грушевидные, с невысокой горловиной, завершающейся слегка отогнутым наружу венчиком. Желобчатые петлевидные ручки крепятся, как правило, к горловине; иногда верхнее основание ручки соединяется с венчиком. Украшены светло-серым, светло-коричневым ангобом, потеками темно-коричневого ангоба, прочерченными волнистыми (на горловине) и прямыми (на плечиках) линиями. Некоторые ручки в верхней части имеют налепы (табл. V, 124—130). Подобные по форме кувшины известны в материалах поселений Актобе-2, Кайрагач, а также могильников в районе Ташкента⁸⁰. Разновидностью кувшинов этого типа являются сосуды с подчеркнутой горловиной, плавными плечиками, без ручек (II б). Для них характерны следующие приемы декора: тонкое станковое рифление, прочерченные по сырой глине волнистые линии, рельефный валик на горловине; точечные вдавления, заглаживание гребенкой. Встречены сосуды с брызгами и потеками ангоба на тулове (табл. V, 131—137). Близкие по форме и декору

⁷⁷ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения долины Арыси... С. 10; Он же. Новое поселение... С. 73. Табл. II, 4; Акшнев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 127. Рис. 93.

⁷⁸ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 53. Рис. 2, 15—16.

⁷⁹ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 126—128. Рис. 48, 7, 12, 17, 19; С. 171. Рис. 57, 33; Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана... С. 66. Табл. 22, 2, 7.

⁸⁰ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 52—53. Рис. 22, 3, 12; Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана... С. 66. Табл. 20, 4, 5; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 164. Рис. 55, 16, 27, 29, 42, 43, 53.

сосуды найдены на поселении Актобе-2, городищах Чаштепе, в погребениях Ташкентского оазиса⁸¹.

Кружки делятся на семь типов. Первый (Iа) — грушевидные, с выраженной горловиной и подчеркнутыми плечиками; петлевидные ручки крепятся верхним основанием к венчику, нижним — к плечу. Покрываются ангобом светло-серых тонов, украшены прочерченной волнистой линией на плечике, гребенчатыми заглаживаниями (табл. V, 138—140). Известны по материалам городищ Ботайтобе и Минг-Урюк IV—VI вв., поселения Актобе-2⁸². Среди них встречаются шаровидные с венчиком, отогнутым наружу (Iб). Желобчатая ручка крепится к тулову. Ведущие элементы декора: тонкое станковое рифление, зооморфные налеты-выступы, завитки в верхней части ручек (иногда — изображение головки животного), лощение по красному, вишневному ангобу (табл. V, 141—148). Прямые аналоги им отмечены на поселении Караултобе и Актобе-2⁸³. Есть также кружки грушевидные, со слабо выраженной горловиной, прямыми стенками (почти без плечиков), с петлевидной желобчатой ручкой на тулове (Iв). Орнаментированы они станковым рифлением, прочерченными волнистыми (у донца) и прямыми (у горловины) линиями; покрыты ангобом коричневого, красно-коричневого цвета, иногда залощены. Некоторые ручки в верхней части имеют налет (табл. V, 149—153). Близкие по форме и декору кружки найдены на поселениях Караултобе, Костобе южное, Актобе-2, в могильниках региона Каратау⁸⁴.

Кружки второго типа (II) по форме и декору близки к описанным выше (Iа), но значительно меньше по размеру, с более широкой и короткой горловиной и менее выраженными прямыми плечиками (табл. V, 154—157). Аналогичные им сосуды найдены на поселении Караултобе, в катакомбных погребениях Ташкентского оазиса и Кенкольского могильника⁸⁵.

⁸¹ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 53. Рис. 20, 7, 8, 16, 27; 22, 1; Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на городище Чаштепе. С. 153. Ил. 5, 12—13; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 166. Рис. 56, 4, 23.

⁸² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 145. Рис. 109, 8; Буряков Ю. Ф., Зильбер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте // Труды ТашГУ. 1960. Т. V. Вып. 172. С. 136—137. Табл. 3; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 57—60. Рис. 24, 38—40; 25, 23.

⁸³ Подушкин Н. П. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верхней реки Арысь (I—IV вв.) // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 99. Табл. I, 3—4, 8; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 56—57. Рис. 25, 5.

⁸⁴ Подушкин Н. П. Новое поселение земледельческой культуры... С. 74. Табл. II, 7, 19; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 131—132. Рис. 94, 1; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 57—60. Рис. 25, 11—13, 26—28; Максимова А. Г. Гробницы типа науа у с. Шага... С. 107—108. Рис. 14, 1.

⁸⁵ Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения... С. 99. Табл. XVIII, XIX; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 164. Рис. 55, 13; Литвинский Б. А. Керамика из могильников западной Ферганы. М., 1973. С. 201. Табл. 45, 25; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины, Фрунзе, 1963. С. 64. Рис. 10, 2.

Кружки типа III а грушевидные, с высокой, прямо посаженной горловиной, шаровидным туловом, крутыми плечиками и петлевидными ручками на них. Место соединения горловины с туловом подчеркнуто перегибом. Максимальный диаметр тулова отмечен в нижней части сосуда. Покрываются светло-коричневым ангобом, нижняя часть тулова заглажена или подрезана лопаткой. На некоторых сосудах имеются прочерченные по сырой глине контурные изображения животных. Прямые аналоги кружкам отмечены в погребениях района Каратау и Ферганской долины⁸⁶.

Кружки типа III б правильной грушевидной формы, с невысокой горловиной и слегка отогнутым наружу венчиком. Причем встречаются как без ручек, так и с ручками — двойными, расположенными на тулове, имеющими перегиб, крепящимися верхним основанием к венчику, а нижним — к плечу. Характерные приемы декора: станковое рифление, покрытие ангобом коричнево-красного оттенка и лощение по ангобу (табл. V, 160—162). Близкие по форме, решению ручек и приемам декора сосуды найдены на поселениях Костобе южное I—IV вв., в погребениях региона Каратау и Борижарского могильника⁸⁷.

Кружки типа IV банкообразные, с почти прямыми стенками, слегка загибающимся внутрь венчиком. Верхнее основание петлевидной ручки крепится к венчику, так что изгиб возвышается над кружкой. Покрывались ангобом серого, светло-коричневого тонов (табл. V, 163—164). Подобные кружки найдены в могильниках Ферганской долины первой половины I тысячелетия н. э.⁸⁸

Кружки типа V грушевидные, с высокой широкой горловиной и крутыми плечиками, без ручек. Венчики слегка отогнуты наружу. Покрывались ангобами светло-коричневого, красного цвета, лощением, украшались рельефными шишечками (4) на плечиках. На некоторых кружках прочерчены знаки (табл. V, 165—167). Такие кружки известны по материалам погребений Ташкентского оазиса первой половины I тысячелетия н. э. и могильника Борижарский I в. н. э.⁸⁹

К типу VI относятся банкообразные, с прямыми низкими стенками, сужающимися к донцу, кружки. Имеют петлевидную ручку, крепящуюся нижним концом к донцу. Покрываются ангобом светло-серых тонов (табл. V, 168—170). Близкие им сосуды отмечены на городище Актобе близ Баба-Ата I—IV вв.⁹⁰

Тип VII представлен банкообразными кружками с почти прямыми, слегка расходящимися наружу стенками; горловина отсутствует. Встре-

⁸⁶ Максимова А. Г. Гробницы типа науса у с. Шага. С. 107—108. Рис. 14, 7; Литвинский Б. А. Керамика из могильников западной Ферганы... С. 19. Табл. 3, 7, 12.

⁸⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 127. Рис. 89, 3; Максимова А. Г. Курумы хребта Каратау. С. 160. Табл. II, 4; Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника... С. 110. Табл. III, IV.

⁸⁸ Литвинский Б. А. Керамика из могильников западной Ферганы... С. 16—17. Табл. 2, 1—4.

⁸⁹ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 164. Рис. 55, 26; 56, 49, 57, 32; Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника... С. 108. Табл. II, IV.

⁹⁰ Сенигова Т. Н. Поселение Актобе... С. 72. Рис. 15, 9—11.

чаются экземпляры с двойными ручками на тулове и без ручек. Максимальный диаметр тулова зафиксирован в верхней части сосуда. Покрывались темно-коричневым ангобом и орнаментировались прочерченными волнистыми линиями (табл. V, 171—173). Близкие аналогии им найдены в материалах поселений и погребений Ташкентского оазиса⁹¹.

Кувшинообразные сосуды имеют характерную грушевидную форму и очень узкую по отношению к донцу горловину, слегка отогнутую наружу; ручки отсутствуют. Основным элементом орнамента служит тонкое станковое рифление тулова. Сосуды покрывались ангобом светло-коричневого, красного цвета и ложились (табл. V, 174—177). Аналогии таким сосудам известны на городищах Алимбайтепе и Кзыл-Кыр I—IV вв.⁹²

Дастарханы покрывались ангобом коричневого цвета с обеих сторон и украшались пальцевыми вдавлениями по внешней или внутренней поверхности закраины. Иногда закраина в верхней части имеет утолщение — поясок (табл. V, 178—180).

Миски двух типов. Первый (I а) характеризуется прямыми стенками, слегка развернутыми наружу. Украшены станковым рифлением, покрыты ангобом светло-коричневых оттенков, иногда залощены (табл. V, 181—189). Подобные по форме миски отмечены на поселениях Актобе близ Баба-Ата, Актобе-2, городищах Каунчиктепе и Чаштепе⁹³. Миски I б аналогичны по размерам и наклону бортика предьдущим, но с резким перегибом стенок вверху сначала внутрь, а затем наружу. Покрываются они ангобом красных оттенков и залощены (табл. V, 190—191). Аналогий таким мискам найти не удалось, однако близкие по форме и декору известны в материалах поселений Актобе-2⁹⁴.

Тарелки отличаются от мисок значительным наклоном бортиков по отношению к донцу. Включают два подтипа. Тарелки I а характеризуются сильно загибающимися внутрь бортиками, в результате чего происходит перегиб закраины. Отмечены также тарелки с двойным перегибом (бортика и закраины). Покрываются коричневым, красно-коричневым ангобом (обе поверхности) и залощены; некоторые украшены станковым рифлением и прочерченной волнистой линией (табл. V, 192—195). Тарелки I б без перегиба закраины внутрь, орнаментированы прочерченной у закраины волнистой линией, покрыты вишневым ангобом и залощены (табл. V, 196—199).

Крышки представлены двумя типами. Крышки I сфероконические, с отверстием в центре. Внутренняя поверхность рифленая, имеет несколько различающихся по диаметру уступов; внешняя сторона загла-

⁹¹ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 164. Рис. 55, 1; С. 106. Рис. 31, 41; Максимова А. Г. Могильник Актобе... С. 199. Табл. X, 3; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 56—60. Рис. 25, 8.

⁹² Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгюльской археологической экспедиции в 1937 г. С. 32. Рис. 56; Нильсен В. А. Кызыл-Кыр // ИМКУ. 1959. Вып. 1. С. 69. Рис. 3.

⁹³ Сенигова Т. Н. Поселение Актобе... С. 75. Рис. 15, 14—15; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 109. Рис. 31, 47; С. 135. Рис. 44, 58—59; Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на городище Чаштепе... С. 155, 9—10.

⁹⁴ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе-2... С. 61. Рис. 20, 39.

жена, покрыта ангобом коричневого, серого цветов (табл. V, 196—204). Такого типа крышки известны по материалам поселений Актобе близ Баба-Ата и Актобе-2⁹⁵.

Крышки II а плоские или со слегка загибающимися вверх краями и грибовидным решением ручек. Покрыты ангобом светло-серых тонов (табл. V, 205—207). Крышки II б с петлевидными ручками и украшенной пальцевыми вдавлениями внешней поверхностью (табл. V, 208). Аналогии им имеются в материалах поселений джетысарской культуры низовьев Сырдарьи I—VII вв.⁹⁶

Керамика специального назначения сделана в основном вручную из качественного, почти без примесей, теста (за исключением чираг и курильниц), хорошо обожжена. Включает напьясла, курильницы, чираги, ритоны, творожницы, воронки, грузила и миниатюрные сосуды (рис. V, 1—2).

Напьясла двух типов. К типу I принадлежат изготовленные из фрагментов керамики напьясла в виде кружков с отверстием в центре. В зависимости от того, из фрагмента какого по назначению сосуда они выполнены, определяется их профиль (плоский, вогнутый) и толщина (табл. V, 209—211). Напьясла II а неправильные биконические (вершиной вниз), с выемкой в верхней части, сделаны из фрагмента значительной толщины путем обточка, либо вылеплены; отверстия не всегда сквозные. Покрыты ангобом светло-серых тонов и украшены по выемке точечными вдавлениями (табл. V, 212—214). Прямые аналогии эти изделия находят на городище Актобе-2⁹⁷. Напьясла II б усеченно-биконические, аналогичные найденным на городищах Каунчитепе, Алимбайтепе, поселении Актобе-2⁹⁸.

Курильницы типа I воронкообразные, на невысокой врезной ножке. Выполнены из качественного теста. Украшались ангобом светло-коричневого цвета (табл. V, 217). Прямых аналогий им найти не удалось, но напоминающие по форме описанные отмечены в могильниках Канкольский и Шаушукумский⁹⁹. Курильницы типа II цилиндрические, с прямыми стенками, выполнены из глины со значительными примесями дресвы. На стенках имеют 7 расположенных равномерно по окружности вертикальных «ребер», между которыми сделаны 2 ряда сквозных отверстий (табл. V, 218). Аналогии таким курильницам имеются в погребениях у городища Каунчитепе и могильника Акджартепе¹⁰⁰.

Чираги представляют собой круглые изделия с округлыми резервуарами в центре, которые образованы высокими стенками (подтип I а)

⁹⁵ *Сенигова Т. Н.* Поселение Актобе... С. 75. Рис. 14, 1.

⁹⁶ *Левина Л. М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи... С. 136. Рис. 44—47; С. 67, Рис. 15, 124—125, 257; 18, 31, 43.

⁹⁷ *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Поселение Актобе-2... С. 65. Рис. 28, 4, 5, 6, 8, 10.

⁹⁸ *Григорьев Г. В.* Каунчитепе... С. 40. Рис. 50; *Он же.* Краткий отчет... С. 36. Рис. 69; *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Поселение Актобе-2... С. 65. Рис. 28, 11—12.

⁹⁹ *Кожомбердиев И.* Катакомбные памятники Таласской долины... С. 64. Рис. 13 1—2, 4; *Максимова А. Г.* Шаушукумский могильник... С. 216. Табл. XXX, 3.

¹⁰⁰ *Григорьев Г. В.* Келесская степь... С. 60. Табл. XVI, 128; *Обельченко О. В.* Могильник Акджартепе... С. 66. Рис. 7.

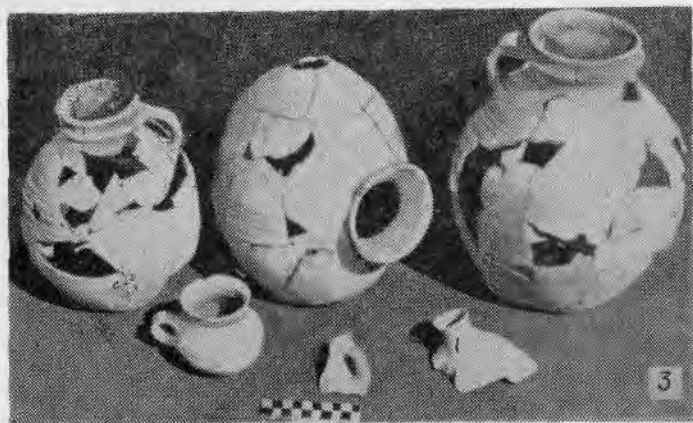
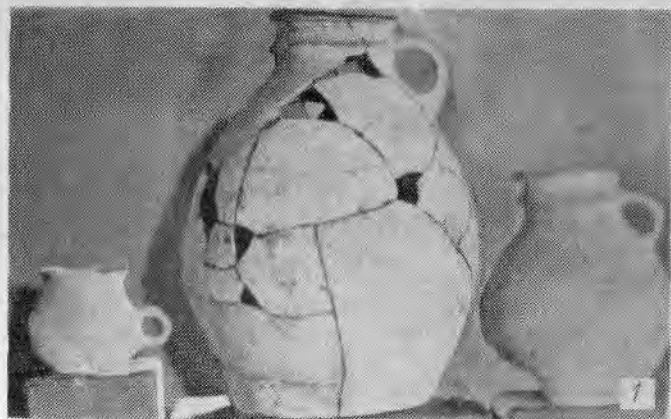

Рис. 59. Столовая керамика I—III (I—IV) вв.

или кольцевым врезом в усеченно-коническое основание (подтип I б) (табл. V, 219—220). Аналогий им найти не удалось.

Ритоны сфероконической формы, с выраженной горловиной, слегка отогнутой наружу, и закраиной; имеют на горловине ручку, а в утолщенном нижнем конце — сквозное отверстие. Украшены рифлением, покрыты красным, вишневым ангобом и лощением (табл. V, 221). Близкие по форме и декору ритоны имеются в материалах поселения Кайрагач¹⁰¹.

Творожницы грушевидной формы, без горловины и венчика, ближе к закраине имели петлевидные ручки. Украшались станковым рифлением, покрывались ангобом красно-вишневых оттенков и лощились. В донце проделаны сквозные отверстия (табл. V, 222).

Воронки традиционных форм; покрывались ангобом коричневого оттенка (табл. V, 223). Прямых аналогий им найти не удалось.

Грузила-подвески изготавливали из фрагментов хумов. Имеют в центре высверленные отверстия (табл. V, 224—225). Такие изделия широко распространены на поселениях долины р. Арысь¹⁰².

Миниатюрные сосуды являются уменьшенными копиями сосудов типа кружки без ручек и кувшина; последние имеют сквозные отверстия в донце. Покрывались ангобом коричневого цвета (табл. V, 226—227). Такие сосуды различных форм известны из поселений Ферганы¹⁰³.

Хронологическая классификация опирается преимущественно на керамические комплексы катакомбных погребений могильника Алтынтобе, поселений Актобе Чаянское, Каратобе и Алтынтобе, давших основную массу посуды (более 90%). Явные параллели между керамическими материалами могильника Алтынтобе и названных поселений обнаруживаются при сравнении не только локальных типов (подтипов) посуды, но и целых комплексов керамики отдельных погребений и поселений, принадлежащих к одному строительному горизонту. В контексте с погребальным инвентарем и особенностями обряда это дает основание датировать как отдельные виды, типы, подтипы посуды, так и керамические комплексы (табл. VI).

Самой распространенной группой керамики как в погребениях, так и на поселениях является столовая посуда (см. табл. III). Выразительны в этом смысле комплексы столовой керамики курганов 3, 5, 8, 11, особенно кружки и кувшины, горшки, банкообразные сосуды, фляжки (табл. III, 9—25; 29—31; рис. 59). Прямые аналогии некоторым сосудам найдены в катакомбных погребениях могильников Актобе, Кенкольском, Ташкентском, Никольском, датируемых соответственно I—III, I—V, I—III, I вв. н. э. С учетом этого перечисленные комплексы керамики следует датировать I—III вв. или I — началом IV в. Вместе с тем эти комплексы находят широкие аналогии (вплоть до тождества) в столовой керамике поселений Актобе Чаянское (горшки II а, кувшины I а) (рис. 60, 16, 24, 26), Каратобе (все виды, типы и подтипы, за исключением кувшинов I в, горшков II г, кружек III б) (рис. 61), Алтынтобе (все

¹⁰¹ Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана... С. 75—77. Рис. 51—52.

¹⁰² Подушкин Н. П. Ранние оседлые поселения... С. 154.

¹⁰³ Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана... С. 72—74. Рис. 32.

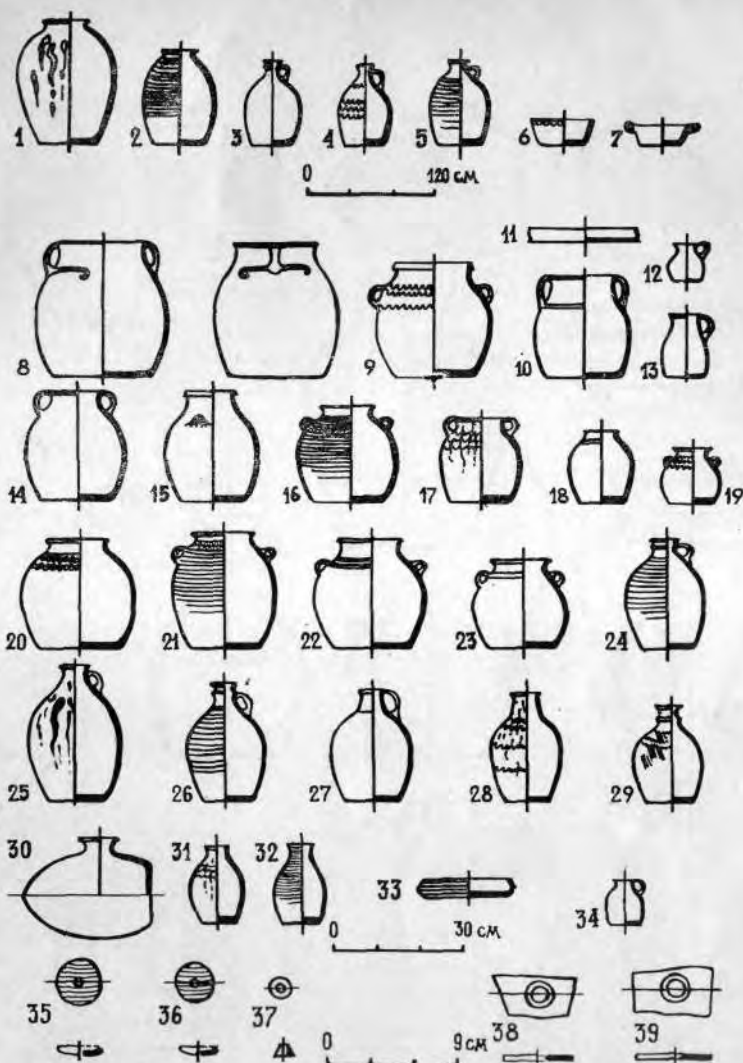

Рис. 60. Керамический комплекс поселения Актобе Чаинское

виды, типы и подтипы, за исключением кружек II, III б и фляжек) (табл. III). Последняя, в свою очередь, археологически тесно взаимосвязана с кухонной и хозяйственно-бытовой керамикой упомянутых поселений (рис. 62; табл. VII): найдена в одном культурном слое и зачастую в одном жилом комплексе (помещении). Это обстоятельство дает основание датировать I—IV вв. следующие виды, типы и подтипы кухонной и хозяйственно-бытовой керамики: кухонная — горшки I, II а; горшки-котлы I а; кружки I а, б; сковороды-жаровни I а; миски; хозяй-

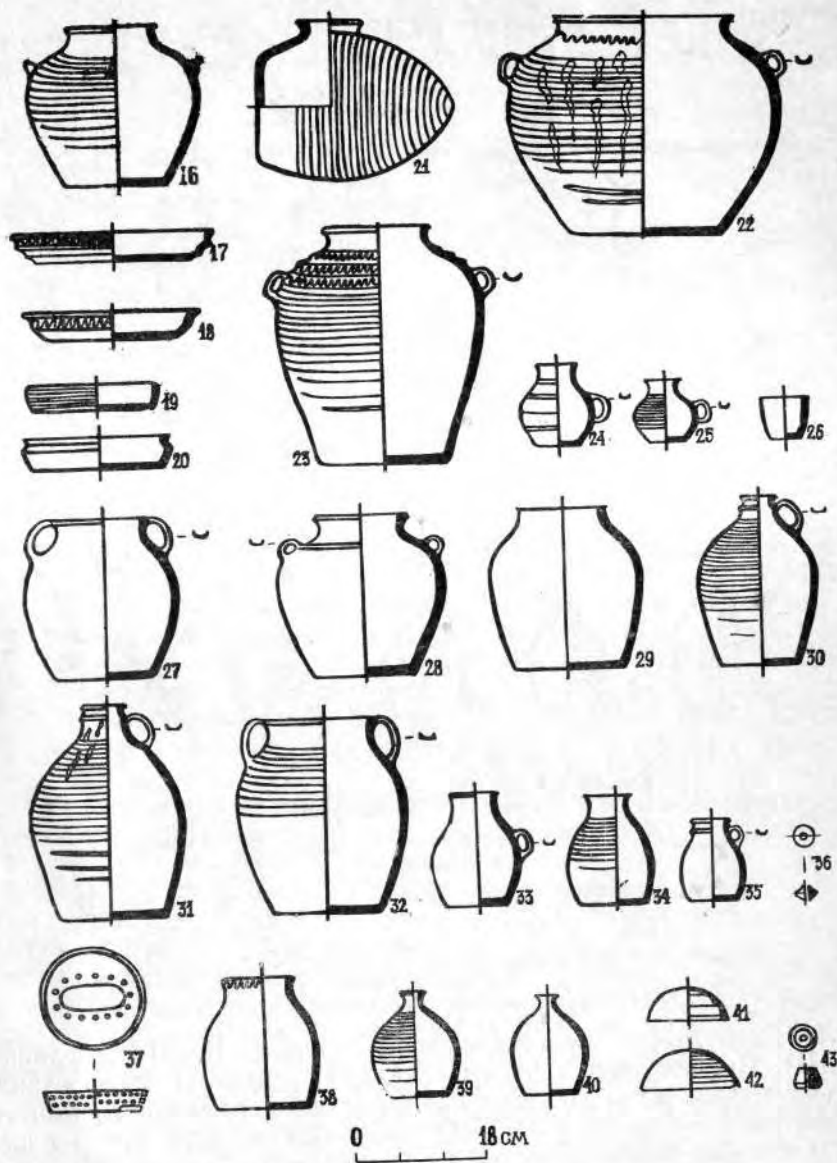

Рис. 61. Керамический комплекс поселения Каратобе

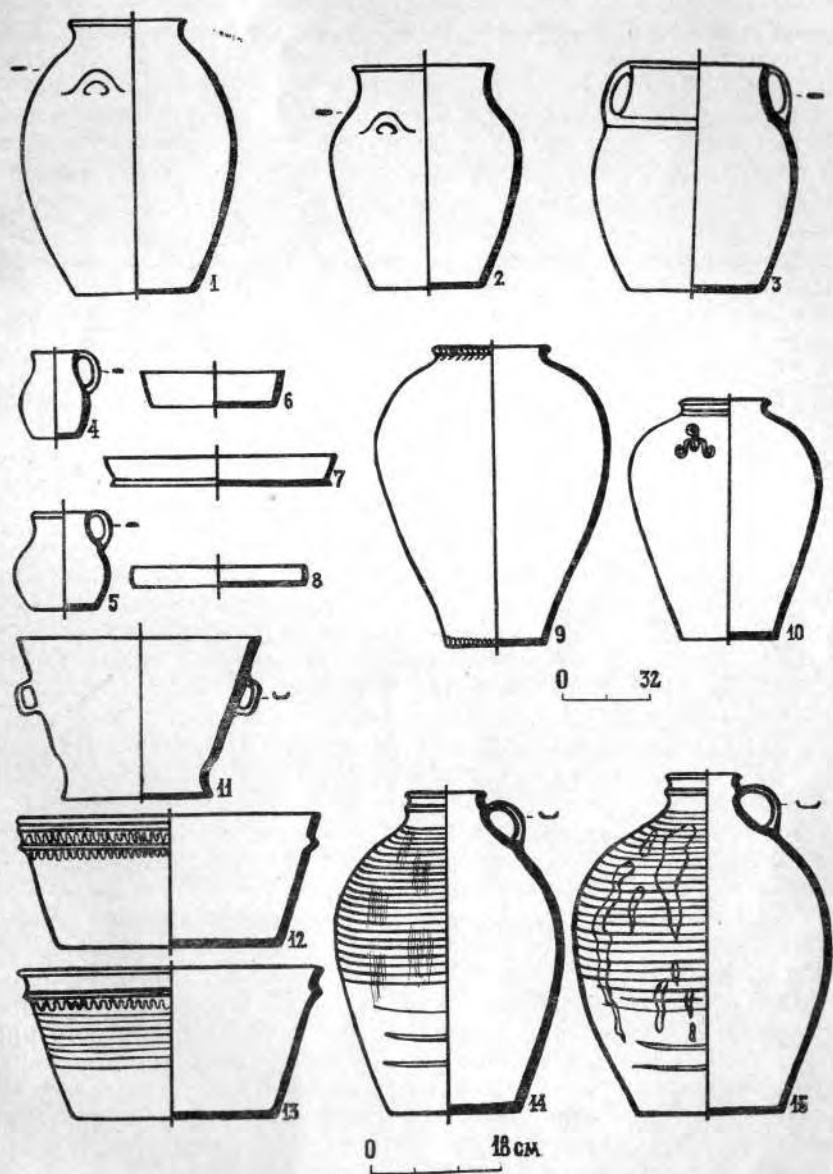

Рис. 62. Керамический комплекс поселения Каратобе

ственно-бытовой — хумы I; кувшины водоносные I а, I б; тагоры I, II а (табл. III, V). Тем же временем следует датировать горшки I а, I в, II б, возможно, горшки II в; кувшины II б; кувшинообразные сосуды; миски I а и I б; тарелки I и I б и крышки I (табл. III, V). Предложенная датировка подкрепляется аналогиями таким сосудам в материалах поселения Караултобе I—IV вв., городища Чаштепе III—V вв., поселения Актобе близ Бэба-Ата I в. и аналогиями в кругу памятников каунчинской, отарско-каратауской и джетыасарской культур, датировка которых не выходит за пределы IV в. Такую же дату дают материалы и других погребений могильника Алтынтобе. Например, в кургане I в числе керамической посуды отмечены: кухонный горшок I б; столовые кружки III а, VII и курильница II (табл. VI, 1—4). Прямые аналогии курильнице отмечены в могильниках к востоку от с. Бешбай и Акджартепе, которые соответственно датируются II—IV и II—III вв. Кроме того, судя по всему, близкая по размерам и форме курильница (возможно, цилиндрическая) с «ребрами» находилась в погребении близ городища Каунчитепе. Это погребение датировано I—III вв.¹⁰⁴ Думается приемлемым в связи с наведенными аналогиями датировать курильницы II и керамику кургана I в целом (кружки III а, VII) I—III вв. Кружка III а отмечена в кургане I в сочетании с кувшином II а, который также следует датировать I—III вв. Эту дату косвенно подтверждают материалы катакомбных погребений могильников к востоку от с. Бешбай и Ореховское, где найдены как кувшины II а, так и курильницы, датируемые I—III, I — началом IV в. Остальные виды, типы и подтипы в рамках предложенной типологии можно датировать, опираясь на приведенные выше аналогии, большинство которых укладывается в хронологический период Каунчи II (IV—V в. в., по Л. М. Левиной), причем упомянутые типы преимущественно выявлены на поселении Алтынтобе (кухонные горшки-котлы I б; сковороды-жаровни I б; крышки I а, I б; роговидные подставки I; хумы II, IV; кувшины водоносные I в, II; тагоры II б; фляги I; столовые горшки I б, III г; кувшины I б; кружки I а, IV, V, VI; дастарханы; крышки II а, II б).

Таким образом, весь керамический материал поселений Актобе, Каратобе, Алтынтобе и могильника Алтынтобе можно хронологически разделить на две группы: керамику I—III или I — начала IV в. и керамику IV—V в. (табл. III). Первая целиком представлена керамическими комплексами Каратобе, Актобе и частично Алтынтобе. Вторая включает в основном керамику Алтынтобе (рис. 63). Для керамики I — начала IV в. характерно преобладание грушевидных и подгрушевидных форм сосудов; использование в орнаментике тонкого станкового рифления и рельефа подтреугольного в сечении валика (на горловине, у нижнего основания желобчатых ручек), а также прочерченных волнистых линий. Перечисленные приемы декора следует считать характерными для керамического комплекса I — начала IV в. изучаемого района. В числе технологических приемов обработки сосудов I—IV вв. отмечены

¹⁰⁴ Литвинская Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы // СА. 1967, № 2. С. 32.

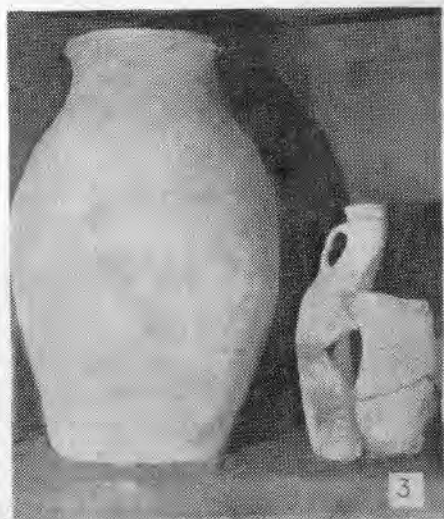
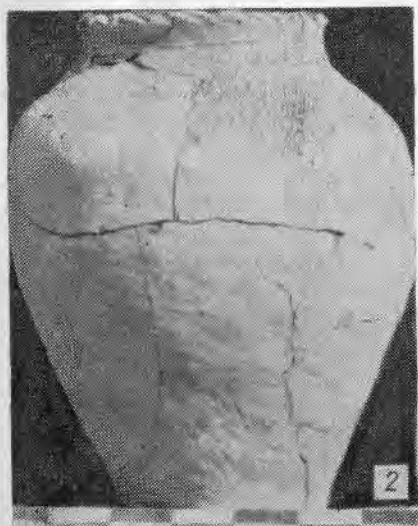
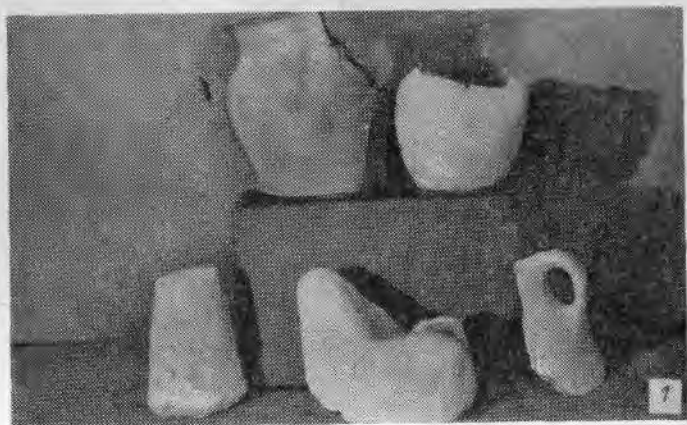

Рис. 63. Керамика верхнего и среднего течения р. Арьсь

ангобные мазки, потеки и брызги по светлому и темному фону; лощение по красному (вишневому) ангобу.

Для керамики IV—VI вв. характерны: распространение подшаровидных форм во всех группах керамики; преобладание в декоре пальцевых вдавлений, выпуклых шишечек на плечиках, а также использование ангобов светлых тонов, насечек острым предметом по венчику, точечных вдавлений, прочерченных зигзагообразных линий, зооморфных налепов и лощения по ангобу красных тонов.

Сравнительный анализ керамических комплексов посуды I — начала IV и IV—VI вв. позволяет говорить, с одной стороны, о преемственности форм, некоторых приемов орнаментики и рассматривать выделенные комплексы как генетически связанное единое явление. С другой стороны, достаточно выраженная дифференциация подчеркивает существенные изменения, происшедшие в керамическом производстве в IV в. Если на первом этапе керамические комплексы отражают традиции керамического производства, присущие в массовом порядке только памятникам I—IV вв. верхней и средней Арыси, то на втором этапе в них появляются керамические традиции Ташкентского оазиса IV—VI вв. Керамика приобретает «каунчиноидный» облик. Некоторые параллели керамике IV—VI вв. прослежены и в материалах памятников джеты-асарского оазиса.

Как видим, керамика I—IV и частично IV—VI вв. отличается местным своеобразием. Даже в керамике близлежащих памятников первой половины I тысячелетия н. э. (Актобе II, Шаушукумтобе, Костобе южное, Ботайтобе, Пшук-Мардан, Кок-Мардан и др.) не встречены полные комплексы типа Актобе, Каратобе I начала IV в. Это обстоятельство позволяет говорить о существовании в рамках оттарско-каратауской культуры группы памятников, сосредоточенных на средней и верхней Арыси, характеризующихся развитым керамическим производством и устоявшимися местными традициями.

Керамика со знаками

В ходе раскопок и археологической разведки памятников бассейна р. Арысь выявлено 92 знака на сосудах разного функционального назначения и разных форм. Изучение этого материала включало: установление местонахождения посуды со знаками в жилых комплексах конкретного строительного горизонта; анализ техники нанесения знака; определение локализации знака на сосуде, частоты встречаемости знаков на сосудах различного назначения.

Наибольшее количество их приходится на водоносные (26) и столовые (24) кувшины. По технике выполнения все знаки могут быть разделены на три группы: а) прочерченные по сырой глине острым предметом или пальцем (53 знака); б) вылепленные (барельефные) (15); в) процарапанные острым предметом после обжига сосуда (24). Некоторые знаки повторяются: т-образные знаки — на 5 (рис. 64, 4, 13, 30, 66); «прямой крест» — на 5 (рис. 64, 7, 19, 43, 52, 53); вертикальная поло-

		прочерчен по сырой глине	вылеплен	процарапан
хозяйственно-бытовая	ХУМ	71 70 P 72 ~ 73	4 + 74	
	ХУМЧИ	75	5 6	
	КУВШИН ВОДОНОВЫЙ	7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 28	16 17 18 19 20 21	22 23 24 25 26 27
КУХОННАЯ	ГОРШОК	80		
	КРЫШКА	29 30 31 32 33	81 82 83	28
СТОЛОВАЯ	ГОРШОК	35 36 37 38 39 85	86	40
	КУВШИН	41 42 43 44 45 46 47 48 88 49 87	87	51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62
	КРУЖКА	63 64 90 91 92		65 66 67 68
неопределенные фрагменты		69		

Рис. 64. Знаки на керамике

са — 5 (рис. 64, 45, 55, 60—62); две вертикальные полосы — 3 (рис. 64, 27, 40, 54); три вертикальные полосы — 4 (рис. 64, 37, 42, 46, 65); «стрелка» — 4 (рис. 64, 22, 23, 57, 67); знак «круглый налп с дужкой» — 3 (рис. 64, 16, 18, 50); «змейка» — 3 (рис. 64, 12, 14, 15); ф-образный — 2 (рис. 64, 25, 47); солярный знак — 2 (рис. 64, 35, 36); п-образные знаки (рис. 64, 34, 59); «налепная дужка» (рис. 64, 20, 86). Среди оставшихся 29 знаков повторяющихся нет. Некоторые группы повторяющихся знаков встречаются в пределах одного помещения или комплекса.

Большая часть знаков Алтынтобе (42) зафиксирована на ручках либо под ними; на боковинах знаки ставились лишь в случае отсутствия ручек у сосуда. Наличие на керамике одного поселения более ста знаков наталкивает на мысль, что их семантическая нагрузка была различной, а возможно, многофункциональной.

Генезис знаков-символов, несомненно, связан с идеологическими представлениями древнего населения. По семантике их предварительно можно подразделить на: зооморфные, антропоморфные, солярные и знаки с неясным изображением, очевидно, указывающие на принадлежность изделия кому-либо.

У племен данного региона с глубокой древности существовал культ животных, о чем свидетельствуют петроглифы эпохи бронзы и ранних кочевников, обнаруженные в горах Каратау и Каржантау¹⁰⁵. Видимо, именно деформация скульптурных фигур животных привела к появлению двойных ручек; ручек, имитирующих рог благородного оленя; рельефных, закрученных в спираль рубчиков; налепов.

Зооморфные материалы Каунчитепе убедительно доказывают эволюцию ручек в виде барана в s-образные спиралевидные знаки, налепы и кресты, равноценные по семантике образу барана и выполнившие функции оберега¹⁰⁶. Это подтверждается материалами других поселений региона и соседних с ним районов¹⁰⁷. Возможна связь изображения барана с солярными символами¹⁰⁸. Кресты зафиксированы только на кувшинах, причем на верхней части ручки или под ней, т. е. там, где обычно бывают и зооморфные налепы. Поэтому можно полагать связь культа барана с солярными символами.

К солярным знакам Алтынтобе с полным основанием можно отнести круг с «протуберанцами» (рис. 64, 35, 36, 39), а также ф-образные (рис. 64, 25, 47). В знаке «круглый налп с дужкой» (рис. 64, 16, 18, 50) сакральное назначение дужки несомненно, что особенно отчетливо видно при сравнении знаков этой группы с антропоморфным изображением

¹⁰⁵ *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. — *Алма-Ата, 1977; Мариковский П. И.* В Таласском Алатау. М., 1975.

¹⁰⁶ *Григорьев Г. В.* Келесская степь... С. 53—55. Табл. XIII—XIV; *Он же.* Каунчитепе... С. 14—16. Рис. 14—17.

¹⁰⁷ *Б. А. Литвинский* в зооморфном изображении барана видит фари, генетически связанный с символикой изобилия, здоровья и ограждения от злых сил (см.: *Литвинский Б. А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // *СА. 1967. № 2. С. 33; Он же.* Кангюйско-сарматский фари. Душанбе, 1968. С. 110).

¹⁰⁸ *Григорьев Г. В.* Келесская степь... С. 55; *Бернштам А. Н.* Чуйская долина... С. 127.

на тулове хума из поселения Алтынтобе (рис. 65, 2, 18). Надо полагать, что дугообразный налест над антропоморфной фигурой имеет то же значение, что и дужки над налестами, а именно служат символами барана.

К группе зооморфных знаков-оберегов можно отнести знаки, напоминающие змею (рис. 64, 12, 14, 15). В основе их, возможно, лежал образ змеи или ассоциирующаяся с ней струйка воды как символ плодородия и бессмертия. Знак этот связан с водной стихией, благополучием и долголетием¹⁰⁹ и отмечен только на водоносных сосудах. Трафтовка «змейки» как собственно знака, наделенного семантической функцией, затруднительна, поскольку его прорисовка весьма близка к волнистой линии — распространенному элементу декора. Правда, последняя, как правило, располагалась горизонтально, причем на сосудах различного назначения (от кружек до хумов) (рис. 65, 11).

Среди антропоморфных знаков один явно напоминает человека (рис. 64, 32), остальные (рис. 64, 1, 4, 13, 30, 49, 66) т-образные (рис. 65, 3, 6, 14). Закономерность превращения антропоморфных изображений в т-образные знаки-символы прослеживается в Средней Азии и Казахстане достаточно хорошо. При анализе антропоморфных изображений на сосуде, найденном на городище Аяккамыр VIII—IX вв. (Центральный Казахстан), зафиксирована различная степень стилизации: от традиционного изображения человеческой фигуры до т-образного символа, частично сохранявшего элементы человеческого тела¹¹⁰. Многочисленные варианты т-образного знака (прямой, перевернутый, э-образный)¹¹¹, таким образом, наталкивают на мысль, что их иконический прототип — простейшие антропоморфные изображения, наделенные сакральными функциями.

В пользу антропоморфного происхождения т-образных знаков говорят и другие факты. При исследовании тюркешских монет Тараза VIII—IX вв. на одной из их сторон были выявлены дугообразная тамга и руни-

ческое ¹¹². Если учесть, что чеканились они по китайскому образцу

(с четырехугольным отверстием в центре), то дугообразная тамга, непосредственно соединяющаяся с одним из углов отверстия, несомненно,

¹⁰⁹ Бернштам А. Н. Чуйская долина... С. 127.

¹¹⁰ Маргулан А. Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 35—36. Рис. 12, 1.

¹¹¹ Максимова А. Г., Мерцшев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. С. 118. Рис. 12; С. 212. Табл. XXIX, 6; Бернштам А. Н. Чуйская долина... С. 129—131; Табл. XXI, 3; XXIII, 1; Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк... С. 159. Рис. 82; Неразик Е. Е. Керамика из раскопок городища Топрак-кала... С. 85; Рис. 43, 10; Кабанов С. К. Раскопки сельского поселения... С. 185. Рис. 9—10; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 588—589. Табл. IV, 9; III, 13; Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 69—72. Рис. 5, б, г, 6. Табл. III, 9—18, 27—35.

¹¹² Бернштам А. Н. Тюркешские монеты // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. II. Л., 1940. С. 108—109. Табл. I—II.

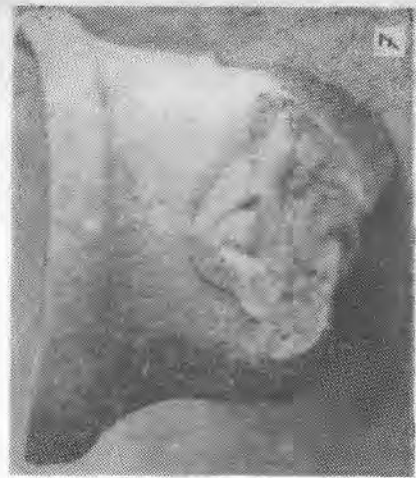
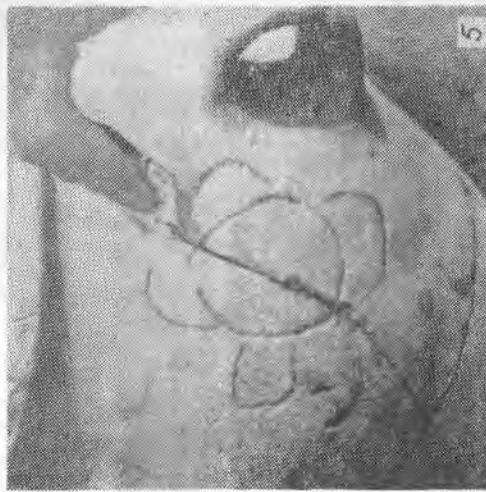
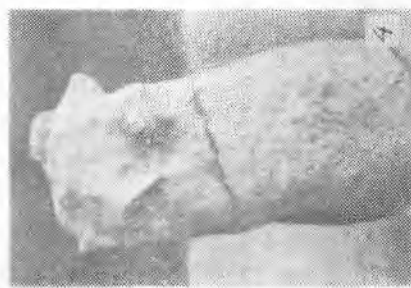
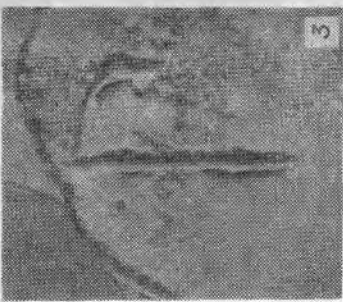
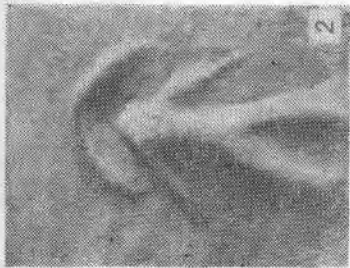

Рис. 65. Знаки на керамике

является т-образной, чье антропоморфное происхождение подтверждается т-образным знаком рун («муж», «мужчина», «герой», «богатырь»)¹¹³.

На некоторых сосудах, найденных в погребениях, отмечены перевернутые т-образные знаки, возможно, обозначающие, что человек умер, т. е., по всей вероятности, относящиеся к антропоморфным¹¹⁴. К группе антропоморфных по некоторым основаниям можно отнести стреловидные знаки (рис. 64, 22, 23, 57, 67). Если рассматривать их как один из вариантов изображения наконечника стрел, сакральное назначение последних становится явным, так как «стрела в различных обрядах многих народов имеет универсальное значение апотропея... отворачивающего злые силы»¹¹⁵.

Затруднительна интерпретация знаков в виде одинарных, двойных и тройных полос (рис. 65, 10). Неизвестна их изобразительная основа, поскольку они предельно схематичны. Учитывая местонахождение этой группы знаков (на ручке или возле), можно предполагать связь их с апотропеической магией¹¹⁶. Многие знаки поселения Алтынтобе в изобразительном плане тождественны знакам на керамике других поселений региона.

Социально-экономические процессы, обусловленные разложением родового строя, имущественной дифференциацией, усилением специализации в комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве, предопределили появление групп знаков, связанных с различного вида собственностью. Первоосновой последних, судя по всему, явились знаки зооморфного, антропоморфного и солярного происхождения, которые на определенном этапе выступали в качестве символов собственности.

Керамический комплекс поселения Алтынтобе свидетельствует о высоком уровне специализации гончарного производства, поэтому часть знаков на керамике связана с личностью гончара. К таковым относятся вылепленные и прочерченные по сырой глине знаки (рис. 64, 2). К знакам личной собственности заказчика, надо полагать, относятся знаки, процарапанные на сосудах после обжига. Заказчик мог иметь несколько сосудов, на которых по его усмотрению также ставились разные знаки (обереги, знаки личной собственности, тамга, знак-обозначение содержания или объема).

Более определенно о знаках семейной собственности можно сказать, проанализировав концентрацию знаков в помещениях и жилых комплексах Алтынтобе верхнего строительного горизонта. По этому признаку выделяются знаки комплекса I (одинарные, двойные вертикальные по-

¹¹³ Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971. С. 75; Киселев С. В. Древняя история... С. 463; Бернштам А. Н. Тюркешские монеты... С. 110; Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках... С. 66.

¹¹⁴ Максимова А. Г. Шаушукумский могильник // Древности Чардары. С. 211—212. Табл. XXIX, 6; Ахунжанов С. М. Курган «с усамы» на юго-западных склонах Каратау // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 79. Рис. 2.

¹¹⁵ Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1980. С. 138.

¹¹⁶ Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе // Новые находки на Кара-тепе в старом Термезе. М., 1975. С. 127—128. Рис. 52.

лосы) и III (кресты), которые можно трактовать как знаки семейной собственности. Сосредоточение нескольких групп знаков в одном помещении или жилом комплексе объясняется разным функциональным назначением знаков — очевидно, семантика не всех знаков зооморфного, антропоморфного и солярного происхождения переходила в выражение семейной или другой собственности; отдельные продолжали сохранять первоначальную символику оберега. Например, из двух знаков на сосуде типа столового кувшина один, расположенный под ручкой (три вертикальные полосы), играл роль оберега и был выполнен гончаром до обжига, а второй, находившийся на ручке (крест), был процарапан после обжига и символизировал собственность заказчика жилого комплекса III (рис. 65, 8). В целом обилие знаков сложной, индивидуальной прорисовки подчеркивает многообразие функций и семантической нагрузки различных групп знаков.

Концентрация групп знаков на керамике центрального жилого комплекса позволяет выделить из них наделенные функцией родовой (племенной) тамги. Процесс складывания тамг как знаков родовой племенной собственности прослеживается по нумизматическим и археологическим данным¹¹⁷. Исходным материалом, очевидно, послужили знаки-обереги, которые в соответствующих социально-экономических и политических условиях стали тамгами. В IV—VI вв. имущественная дифференциация уже коснулась родовой общины поселения Алтынтобе, о чем говорит богатый материал центрального жилого комплекса. Это обусловило, надо полагать, и складывание тамговых систем в регионе. Трудно сказать, на каком конкретно этапе отдельный знак-оберег стал родовой тамгой, однако связь их очевидна¹¹⁸. Возможно, правом метить керамическую посуду родовой тамгой обладали не все жители (семьи) поселения, а только его привилегированная часть, причем, очевидно, тамгу как символ собственности предпочитали ставить на наиболее ценных в хозяйственно-бытовом отношении сосудах (хумах, хумчах, крупных водоносных кувшинах, высококачественной столовой посуде, кружках, горшках). В таком случае в т-образном знаке можно видеть родовую тамгу поселения Алтынтобе. Во-первых, указанные знаки концентрировались только в трех помещениях центрального жилого комплекса, наиболее богатого в археологическом отношении; во-вторых, они отмечены на двух хумах (налепной и прочерченный варианты) в самом большом помещении поселения (рис. 65, 3, 6). Кроме того, тамговый характер т-образного знака прослеживается в нумизматических и этнографических параллелях. Анализ тамгообразных знаков может пролить свет на ряд проблем, связанных с процессом этногенеза, передвижения этнических групп в конкретный исторический период. Как показывают наши материалы, в середине I тысячелетия н. э. уже существовали тамговые

¹¹⁷ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, С. 39; Бурыков Ю. Ф., Зильбер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урлюк в Ташкенте // Труды ТашГУ: Археология Средней Азии, Т. V. 1960, С. 139. Табл. 5; Кабанов С. К. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках // СА. 1963. № 1. С. 226.

¹¹⁸ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. С. 39.

комплексы, которые, несомненно, сопутствовали процессу этногенеза и фиксировали каждую этногруппу вплоть до начала XX в.¹¹⁹ В условиях соприкосновения и взаимовлияния кочевых и оседло-земледельческих племен региона знаковые комплексы, полученные на ряде поселений IV—VI вв., могли влиять на складывание тамговых систем.

По форме и технике прорисовки несколько групп знаков на керамике Алтынтобе близки или совпадают с позднесредневековыми тамгами казахских племен и родов всех трех жузов. Если допустить преемственность знаков на керамике ранних поселений и тамг казахских племен (родов), то процесс тамгообразования у последних ведет начало по крайней мере с VI в. Несколько моментов свидетельствуют в пользу такой связи. Территория региона с первых веков н. э. входила в зону расселения племен, составивших впоследствии этническую основу родов (племен) Старшего жуза. Древнейшие из них — канглы, дулат, сргели — с середины I тысячелетия н. э. и вплоть до XIX в. расселялись непосредственно в Южном Казахстане. Поэтому совпадение тамг этих племен (родов) со знаками на керамике Алтынтобе заслуживает внимания. В более позднее время на территории региона проживали племена (роды) сыйкым, ысты, оик, тлик и чанышклы, имевшие за исключением последнего племени одинаковую тамгу — вертикальную линию (косеу), аналогичную знакам поселения Алтынтобе. Причем такая тамга отсутствует в тамгах родов Среднего и Младшего жузов, что, возможно, говорит о сугубо местной традиции. Аналогичная связь наблюдается при сравнении знаков на керамике Алтынтобе и тамг племен (родов) кипчак, керент и конрат Среднего жуза, территория расселения которых, начиная с XI в., включала Южный Казахстан. Наконец, род тама Младшего жуза, известный в регионе с XIV в., и роды каракете, телеу, торткара также имели тамги (кос-алип, крест), близкие к знакам Алтынтобе.

Таким образом, учитывая территориальный знак, можно предположить вероятную генетическую связь знаков на керамике ранних поселений региона с позднесредневековыми казахскими тамгами. В пользу такого предположения говорит близость т-образного антропоморфного знака, который предварительно отождествляется с тамгой поселения Алтынтобе, и дугообразной тамги на тюркешских монетах. Близость эта объясняется тем, что регион с конца VI — начала VII в. входил в состав Западно-тюркского каганата. Т-образный знак-тамга, очевидно, имел стойкие традиции, так как он находит прямые аналогии в тамгах казахских родов Старшего жуза. Например, он идентичен тамге рода чанышклы (шанышкылы), территория расселения которого в XVII в.

¹¹⁹ Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах // Живая старина. Спб., 1894. Вып. III—IV; Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Ташкент, 1889; Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959; Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925; Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968.

также ограничивалась рамками региона. Если предположить связь чанышкльской т-образной тамги (колтамга) с т-образным знаком-тамгой Алтынтобе, то некоторые вопросы расселения и, возможно, происхождения этого рода станут более понятными. В частности, подтверждается древнее происхождение его (по нашим материалам, VI — начало VII в.); выявляется тюркская этническая основа рода чанышклы. Таким образом, генетическая связь знаковых комплексов на керамике ранних поселений региона и позднесредневековых тамг казахских племен (родов) прослеживается по отдельным параллелям достаточно хорошо. Последующие изыскания и дополнительный знаковый (тамговый) материал позволят более конкретно решать вопросы складывания знаковых и тамговых систем, их эволюции и роли в процессе этногенеза.

Заключение

Различные природные условия, наличие водных источников, пастбищ в рассматриваемом регионе способствовали сложению здесь отличных друг от друга хозяйственно-культурных типов.

Удобство использования воды для орошения сказалось на топографии и характере поселений и городищ. В предгорной зоне, у родников и небольших речек возникли небольшие поселения. В долине Арыси, Бадама, на Сырдарье появились крупные поселения, на основе которых постепенно развились города — центры небольших районов или микрооазисов (Джувантобе, Кок-Мардан, Алтынтобе и Мардан-Куик).

Сравнительно широкий хронологический диапазон полученных материалов позволяет наметить схему развития здесь оседло-земледельческой культуры. Наиболее ранние памятники исследуемого района принадлежат рубежу н. э. Интенсивное же заселение региона происходило в первые века н. э. Именно к этому времени относится возникновение многочисленных поселений и могильников. Среди подъемного материала подавляющего большинства памятников встречается керамика III—V вв. Этим же временем датируются основные слои Кок-Мардана, Пшук-Мардана, Алтынтобе Бадамского, Каратобе, могильников Кок-Мардан, Алтынтобе, Каратобе.

Наивысший расцвет оседло-земледельческой жизни приходится на середину I тысячелетия н. э. В это время на основе поселений начинают формироваться города. Появляются новые формы керамики, связанные с распространением тюркского и согдийского культурных комплексов. Вместе с тем сохраняются отдельные формы, элементы декора, присутствующие в посуде отарско-каратауской культуры.

Состав найденных металлических изделий говорит о развитии кузнечного, медницкого, ювелирного ремесел. Металл, видимо, плавил в районах рудных разработок и частично на поселениях. Местные кузнецы изготавливали чоты, серпы, ножи, мечи и кинжалы, наконечники стрел. Из меди делали пряжки, украшения, амулеты.

Высокого уровня развития достигло ювелирное ремесло, о чем свидетельствуют украшения из золота со вставками из цветного камня и стекла; бусы из хрусталя, сердолика, бирюзы. Из кости изготавливались накладки сложносоставных луков, различного рода заколки. В качестве поделочного материала использовались кости и рога домашних и диких животных. Камень шел для производства зернотерок, жерновов, терочников, оселков.

Сырдарья являлась артерией торговых связей Приаралья, нижней и средней Сырдарьи, Ферганы. Развивалась торговля не только международная, но и между оседлым и кочевым населением, традиционная для Южного Казахстана.

Получены также материалы, освещающие духовную культуру населения. Изготовление ручек к сосудам в виде фигурок животных и прежде всего барана, по мнению исследователей, связано с представлениями о фарне, божественной благодати, счастье. Возможно, с почитанием божеств фарна и огня связано кварталное святилище в Кок-Мардане. Находки глиняных и алебастровых идолов, видимо, объясняются культом божеств — покровителей дома, семьи, рода, культурами предков. Поскольку предками кангюйцев были саки, истоки верований кангюйцев следует искать в зороастризме.

Исследование массового материала — керамики из раскопок поселений и городищ — позволяет отметить специфические черты керамического комплекса как Отрарского оазиса, так и средней и верхней Арыси. Уже сейчас на основании полученного археологического материала можно выделить два локальных района, два варианта отрарско-каратауской культуры — собственно отрарско-каратауский (Отрарский оазис, склоны Каратау) и арысский (среднее и нижнее течение Арыси, предгорья Таласского Алатау). Последний генетически связан с первым и находит параллели в синхронных памятниках средней и нижней Сырдарьи (кауңчинская и джетыасарская культуры), Ферганы, Таласской долины.

Вопросы этнической и этнополитической принадлежности племен арысского локального варианта пока следует рассматривать только гипотетически. В некоторой степени этнический облик древних насельников региона иллюстрирует антропоморфная фигурка из поселения Актобе. Справедливо, на наш взгляд, мнение о принадлежности носителей отрарско-каратауской культуры к кругу североиранских племен, которые не ранее середины I тысячелетия н. э. начали менять свой этнический облик под влиянием инфильтрации тюркоязычных этнических групп с востока.

Как сейчас установлено, в начале I тысячелетия н. э. средняя и нижняя Сырдарья, включая Фергану и Шаш, представляла собой единую культурно-хозяйственную зону. Сложившиеся здесь три культуры: кауңчинская, отрарско-каратауская и джетыасарская — являлись, скорее всего, основой этнополитического объединения Кангюй. Общим для них являются земледельческо-скотоводческая экономика, монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные по-

селки, складывающиеся города, ограниченность денежного обращения.

В конце III — начале IV в. под воздействием пришельцев с востока, кочевых народов в материальной культуре происходят значительные изменения. Появляются признаки, характерные для гуннских памятников Тувы и Монголии. Если раньше антропологический материал свидетельствовал о наличии двух типов — хорасанского и восточно-средиземноморского, то теперь — о смешении европеоидного и монголоидного типов. Стала меняться и лингвистическая ситуация: тюркский язык вытесняет иранские языки.

Пришельцы, а это, видимо, были гунны и другие центрально-азиатские племена, дали толчок к переселению джетыясарских и отрарско-каратауских племен вверх по Сырдарье, в Среднюю Азию, на Средний Восток и частично на Кавказ.

В конце VI — начале VII в. на юг Казахстана хлынули племена из Центральной Азии — тюрки. Вначале их влияние на культуру было прослежено на средней Сырдарье. В Отрарском оазисе в VII — первой половине IX в. складывается новый культурный комплекс, вобравший в себя элементы культуры местных племен (керамика, домостроительство) и инновации тюрко-согдийского комплекса (керамика, прикладное искусство). В это время прекращают свое существование многие поселения отрарско-каратауской культуры. Население их было вытеснено в низовья Сырдарьи и вместе с джетыясарцами ушло в район болотных городищ — дельты Сырдарьи и Амударьи, где сформировалась кердерская культура. Оставшееся население вошло в кангарское объединение Кангу-Тарбан, существовавшее в VII—IX вв. Центр его находился на средней Сырдарье, в Отрарском оазисе. Кангары, отождествляемые с печенегами, составляли ядро печенежской конфедерации местного ираноязычного населения и тюркоязычных племен. Большую роль сыграли кангары в формировании огузского, а затем кипчакского союза племен. Примечательно, что этноним «канглы» как переоформленное «кангар» продолжал существовать на Сырдарье в позднее средневековье. В данной связи небезынтересна связь тамгообразных знаков на керамике из исследуемого региона и казахских тамг.

В. В. Бартольд подчеркивал родство кипчаков и канглы, поскольку в мусульманских источниках XII — начала XIII в. эти этнонимы употребляются как однозначные.

Таким образом, кангюйская проблема тесно связана с вопросами взаимодействия кочевников и скотоводов, вопросами историко-культурного синтеза и этногенеза казахов.

Завершая краткий экскурс в область хозяйственной, духовной жиз-

ни, этнической атрибуции племен Южного Казахстана в первой половине I тысячелетия н. э., следует отметить, что широкие археологические исследования памятников отгарско-каратауской культуры только разворачиваются. Сделано еще немного, главным образом в части выявления, фиксации городищ, поселений, могильников, раскопок некоторых из них, систематизации материалов, их хронологии. Однако уже сейчас вырисовывается перспективность изучения выявленных памятников, актуальность их исследований для выяснения важного и малоизвестного периода в истории Казахстана. Бесспорно, на наш взгляд, необходимость дальнейших интенсивных научных поисков в этом направлении.

SUMMARY

Different environments, presence of water sources, pastures over the region in question promoted formation of the diverse economic and cultural types.

Accessible for irrigation water affected the relief and pattern of settlements and ancient towns. At the foothills, near the springs and creeks small settlements emerged. In the valleys of the Arys, Badam and Syr-Darya rivers larger settlements appeared and later they served as the foundation of gradual growth of towns, otherwise centres of small regions or microoasises (Dzhuvantobe, Kok-Mardan, Altyn-tobe, Mardan-Kuik).

Relatively wide chronological range of available materials enables one to contour a scheme under which the sedentary—farming cultures developed. The earliest relics from the studied region fall within the dawn of A. D. when the present region was intensively inhabited in early centuries A. D.

Numerous settlements and burial grounds emerged exactly at this time. Excavated goods were dominated mainly by ceramics dated to 3rd—5th centuries like prime Kok-Mardan, Pshuk-Mardan, Altyn-tobe, Karatobe layers. Sedentary-farming household was at its acme during the mid of the first millennium A. D. when towns grew on the ground of former settlements. New sort of ceramics connected with the wide-spread Turkic and Sogdiana complexes appeared though the inherent proper Otrar-Karatau forms and decoration elements persisted.

The assortment of metal articles found were the result of forge, copper and jewellery handicrafts developed overthere. Metal was evidently smelted in kilns near the ancient ore minings and partly in settlements. Local smiths made axes, sickles, knives, swords, daggers and arrow-heads. Buckles, adornments and amulets were made of copper.

Jewellery art attained a top level as is seen from gold articles with insets of semiprecious stones and glass, crystal, cornelian and turquoise beads. Bone was used for making plaques of compound bowls, different kinds of clips; accessories were made of bone and horns of wild and domestic animals while the stone was used for making grain-groters, mill-stones, graters and hones.

The Syrdarya river was a communication trade route between the Aral area, lower and middle Syrdarya rivers, Fergana. International trade was realized mainly between sedentary and nomadic populations customary for the Southern Kazakhstan traditions.

Some information on spiritual life of population was obtained. As scientists believe vessel handles shaped like animals figurines and sheep first of all to Pharn images, selestial blessing, good fortune. The Kok-Mardan town block sanctuary was evidently an example of respect shown for the Pharn deity. Clay and alabaster idols symbolized apparently the cult of deities-patrons of genus Homo and cult of ancestors. As far as Sakas were ancestors of Kangui the origin of their feith should be searched for in zoroastrism.

Examination of ceramics in bulk excavated from settlements and ancient towns points out the special features of ceramic assemblages from both the Otrar oasis and middle and upper Arys areas. The available at present archaeological material gives grounds to separate two local regions, two varienties of the Otrar-Karatau culture, that is the Otrar-Karatau variant itself (the Otrar oasis of the Karatau Ridge) and the Aryssian (middle and lower reaches of the Arys river, foothills of the Talass Alatau). The latter being closely connected with the first one finds parallels in the synchronous relics from middle and lower Syrdarya (Kaunchin and Dzhetysar cultures) from Fergana and the Talass valley.

The ethnic and ethnopolitical status of the Arys local tribes are merely hypothetical as yet.

At any rate the ethnic features of ancient inhabitants are expressed in an anthropomorphic figurine from the Actobe settlement. To our minds the idea of the Otrar-Karatau culture bearer' relation to a circle of the north-Iranian tribes is quite reasonable; the latter modified thier ethnic appearance due to infiltration of Turkic-speaking tribes from east not earlier than mid of the 1st millennium A. D. As is now stated at the beginning of 1st millenium A. D. the middle and lower Syrdarya with Fergana and Shush composed an integral cultural-economic zone. Three cultures evolved here (Kaunchin, Otrar-Karatau and Dzhetysar) served most likely as the base of the Kanghui ethnopolitical community united under the common agricultural stock-breeding economy, monumental architecture and fortificatinos, small strengthened settlements, emerging towns and limited money exchange.

At the end of 3rd — beginning of the 4th millenia the material culture experienced essential changes with the invasion of nomad tribes from east. There appeared the signs of Tuva and Mongolian Huns relics. If earlier the anthropological material witnessed two anthropological types — the Khorosan and eastern Mediterranean-now it evidenced assimilation of the European and Mongolian types. As far as linguistics concerns the Turkic language dismissed the Iranian lingoos.

Incomers who were apparently Huns or other central-Asiatic tribes gave an impetus to migration of Dzetyasar and Otrar-Karatau tribes up the Syrdarya river to Middle Asia, Middle East and partly to Caucasus.

At the end of 6th — beginning of 7th centuries Turkic rushed from Central Asia to southern Kazakhstan. At first they affected the culture of the middle Syrdarya tribes. The Otrar oasis (7th — first part of 9th centuries) was an area of a growing new cultural complex which absorbed the cultural elements of local tribes (i. e. ceramics, house-building) as well as innovations of the Turkic — Sogdian complex (i. e. ceramics, applied art.). At this time a lot of the Otrar-Karatau settlements faded. Population was withdrawn to the lower reaches of the Syrdarya river and together with Dzhetyasar inhabitants left for an area of swamps in Syrdarya and Amyrdarya deltas where the Kerder culture was formed. The remaining population integrated into the Kangu-Tarban Kangar community (7th—9th centuries) with its center in the Otrar oasis, middle Syrdarya. The Kangars identified with Pechenegs made up a core of the Pecheneg confederation of the local Iranian-speaking population and Turkic-speaking tribes. The Kangars contributed much in formation of the Oguz and later the Kipchak tribal Unions. It is remarkable that the «Kangly» ethnonym deformed from «Kangar» persisted in Syrdarya area in the late Middle Ages.

In this case the connections between the tamga symbols on ceramics from the studied region and from Kazakhstan deserve attention.

V. V. Bartold emphasized the relationship between the Kipchaks and Kangly so far as these ethnonyms were mentioned as synonymous in the Muslim manuscripts (12th—13th centuries).

So, the Kangui phenomenon is closely bound to a problem of interactions between nomads and cattle-breeders otherwise to a synthesis of history, culture and ethnogenesis of the Kazakhs.

To conclude briefly our excursion to economic, spiritual atmosphere of the south Kazakhstan tribes, their ethnical position in the 1 st millenium A. D. it should be mentioned that extensive archaeological studies of the Otrar-Karatau cultural relics are merely starting at present. There is not much work done as yet except for recording ancient towns, settlements, burial grounds excavated partly and systematization of information and chronology. However the benefit from investigations of encountered relics, their actuality becomes apparent in view of deciphering an important and poorly known episode in history of Kazakhstan.

Содержание

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. ТИПОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА р. АРЫСЬ	11
Глава II. ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА	28
Кок-Мардан	—
Пшук-Мардан	61
Костобе северное	64
Костобе южное	65
Мардан-Куик (Коныр-тобе)	70
Актобе	78
Алтынтобе	79
Каратобе	83
Застройка городищ и поселений, характер жилища	84
Глава III. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА АРЫСИ	90
Топография могильников	—
Классификация погребальных сооружений	97
Погребальный обряд	98
Погребальный инвентарь и вопросы хронологии	100
Глава IV. КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ	110
Керамика Отрарского оазиса	—
Керамика среднего и верхнего течения р. Арысь	123
Керамика со знаками	142
Заключение	152
Summary	155